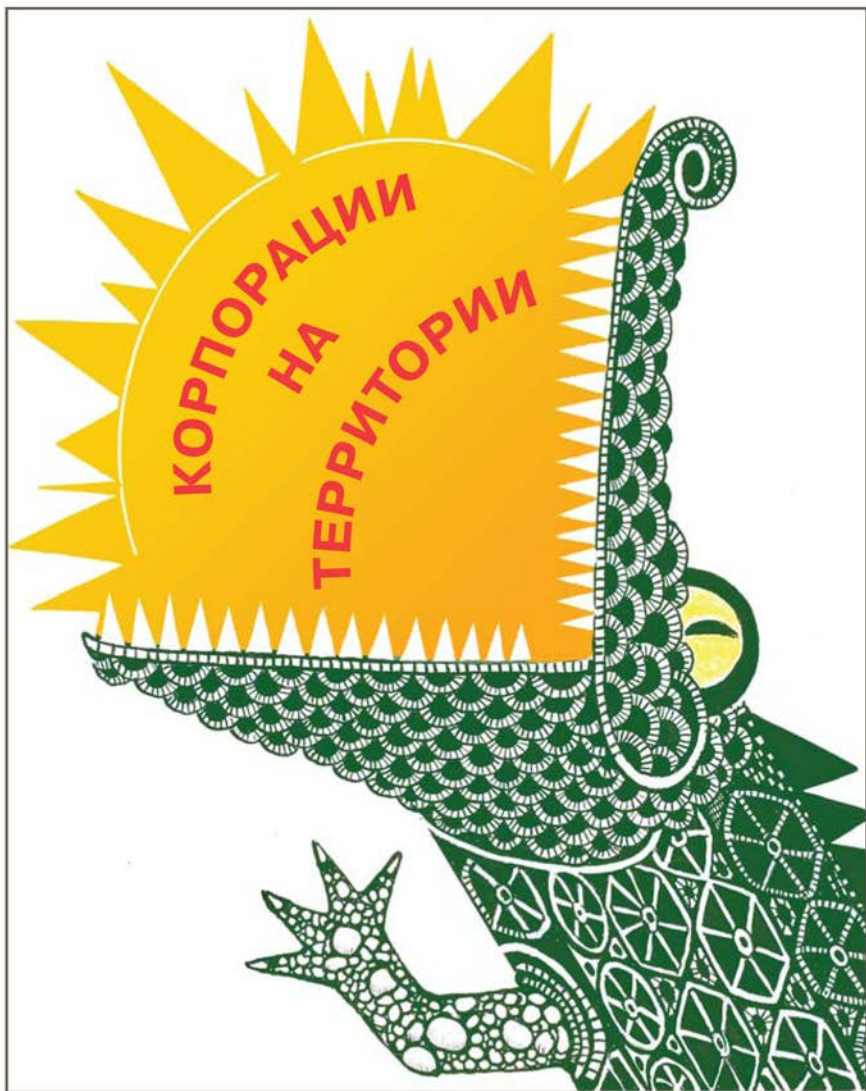

ЭКО

ВСЕРОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ № 6 2015 г.

6 (492) 2015

Главный редактор **КРЮКОВ В.А.**, член-корреспондент РАН,
заместитель директора Института экономики
и организации промышленного производства СО РАН

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

АГАНБЕГЯН А.Г., Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ, академик РАН
БОЛДЫРЕВА Т.Р., зам. главного редактора
БУХАРОВА Е.Б., директор Института экономики, управления и природопользования
Сибирского федерального университета, к.э.н.
ВОРОНОВ Ю.П., вице-президент Новосибирской торгово-промышленной палаты, к.э.н.
ГЛАЗЫРИНА И.П., зав. лабораторией эколого-экономических исследований Института
природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН, д.э.н.
ГРИГОРЬЕВ Л.М., профессор, зав. кафедрой НИУ «Высшая школа экономики», к.э.н.
ЗОРКАЛЬЦЕВ В.И., Сибирский энергетический институт СО РАН
им. Л.А. Мелентьева, д.т.н.
КОЛМОГОРОВ В.В., к.э.н.
КУЛЕШОВ В.В., координатор, директор Института экономики и организации
промышленного производства СО РАН, академик РАН
МИРОНОСЕЦКИЙ С.Н., член совета директоров ООО «Сибирская генерирующая компания»
НИКОНОВ В.А., генеральный директор ОАО «Агентство инвестиционного развития
Новосибирской области»
ПСАРЕВ В.И., зав. кафедрой Алтайского госуниверситета, зам. председателя Исполни-
тельного комитета Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение», к.э.н., д.т.н.
СУСЛОВ Н.И., зав. отделом Института экономики и организации промышленного произ-
водства СО РАН, д.э.н.
УСС А.В., председатель Законодательного собрания Красноярского края, д.ю.н.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

БАРАНОВ А.О., Новосибирский госуниверситет, д.э.н.; КАЗАКОВА Н.А., директор
по региональному развитию ООО «Лоялти Партнерс Восток»; КЛИСТОРИН В.И.,
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, д.э.н.;
ЛАПАЧЕВ В.В., ЗАО «НОВИЦ», д.х.н.; МЕЛЬНИКОВА Л.В., Институт экономики
и организации промышленного производства СО РАН, к.э.н.; МУСИЕНКО И.В.,
директор консультационной фирмы «СтратЭкон Консалтинг», к.э.н.; НОВИКОВ А.В.,
и.о. ректора Новосибирского государственного университета экономики и управле-
ния, д.э.н.; САМСОНОВ Н.Ю., Институт экономики и организации промышленного
производства СО РАН, к.э.н.; ФОМИН Д.А., Новосибирский государственный
технический университет, к.э.н.

УЧРЕДИТЕЛИ:

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РАН,
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ И ОРГАНИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАН,
РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «ЭКО»

В НОМЕРЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

- 2 Время непростых решений

Тема номера:

КОРПОРАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ

- 5 НЕФЁДКИН В.И.
«Бюджетное проклятие»
ресурсных регионов
- 25 ТОКАРЕВ А.Н.
Как учесть интересы
нефтяных регионов?
- 40 БЕЛОУСОВА С.В.
Ресурсные регионы:
экономические возможности
и финансовая справедливость
- 49 ГУЛЯЕВ П.В.
Ресурсная экономика:
бюджетный отклик

Продолжение темы:

БОРЬБА С ФИНАНСОВОЙ

НЕСТАБИЛЬНОСТЬЮ:

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ, УРОКИ ИСТОРИИ

- 57 ФОМИН Д.А.
Современный валютный кризис
в России

ИННОВАЦИИ

- 75 КОЗЛОВСКАЯ О.В.,
АКЕРМАН Е.Н.,
БУРЕЦ Ю.С.
Анализ состояния сферы
интеллектуальной собственности
в регионах России

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- 93 РОИК В.Д.
Социально-трудовые и социально-
страховые методы определения
возраста выхода на пенсию

ОТРАСЛЬ

- 109 ГОРДЕЕВ Р.В.,
ПЫЖЕВ А.И.
Анализ глобальной
конкурентоспособности
российского лесного комплекса

РЕГИОН

- 131 ОЙДУП Т.М.,
КЫЛГЫДАЙ А.Ч.
Влияние безработицы на социально-
экономическое развитие региона
(на примере Республики Тыва)
- 139 ТОИЧКИНА В.П.
Влияние государственной
демографической политики
на качественные показатели
рождаемости (на примере субъектов
Севера и Арктики)

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

- 146 МОРОЗОВА М.Е.,
ШМАТ В.В.
Как познать механизмы
ресурсозависимости?
Применение метода когнитивного
моделирования при исследовании
ресурсозависимой экономики

ЖИЗНЬ ПРЕДПРИЯТИЯ

- 160 КОЛЕННИКОВА О.А.
Как подготовить современные кадры
для российской промышленности?

СТРАНИЦЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

- 175 ВАЖЕНИН С.Г.,
СУХИХ В.В.
Уральская горнозаводская
промышленность в планах
индустриализации России
С.Ю. Витте
- 190 **SUMMARY**

Время непростых решений

Кризисное состояние экономики России мало у кого вызывает сомнения. Об этом говорят не только динамика макроэкономических показателей, но и снижение реальных доходов, падение покупательной способности населения, приведшие к снижению товарооборота, спад инвестиционной активности и т. д.

Кризис вызвали как внешние факторы (санкции и падение цен на нефть), так и причины внутреннего свойства – низкие темпы модернизации экономики и обновления производственного аппарата, монополизм в ведущих секторах экономики – энергетическом и минерально-сырьевом, низкие темпы инновационных процессов (от обновления продукции до появления широкого слоя инновационно-ориентированных компаний). Преодолеть эти проблемы возможно за счет формирования современной, ориентированной на рост эффективности экономики, которая предполагает не только постоянное создание новых продуктов и новых технологий их выпуска, но и современный облик традиционных производств и сфер деятельности.

О роли инноваций в России сказано более чем достаточно, однако пока роль этого сектора чрезвычайно мала, и он не в состоянии внести значимый вклад в достижение приемлемого уровня (не говоря уже о росте) экономики и социальной сферы.

В прошедшее двадцатилетие «локомотивом» развития были нефтегазовый и минерально-сырьевой (добыча цветных металлов и алмазов) секторы. При этом многие другие – «неинновационные» и «несырьевые» – отрасли промышленности были обречены на «выживание», и какие-то из них практически прекратили существование, хотя их продукция и услуги оставались востребованными. Поначалу отсутствие отечественных производителей многих видов промышленной продукции компенсировалось накопленным ранее потенциалом, а затем – стремительным ростом импорта. Это привело к структурным диспропорциям в экономике, ухудшению структуры платежного баланса и создало предпосылки для еще большей неустойчивости экономики в целом.

В основе модели функционирования экономики в последние годы лежала концентрация финансовых ресурсов в немногих центрах принятия решений: в бюджетной сфере – на уровне Федерации, в энергетическом и минерально-сырьевом секторах – в головных структурах крупных вертикально интегрированных корпораций. Такая концентрация полномочий дала возможность обеспечивать реализацию крупных («геополитически значимых») проектов, быстро аккумулировать и направлять финансовые ресурсы на решение неотложных задач.

Подобная политика не только позволила реализовать ряд крупных проектов (Сочи, Владивосток – АТЭС-2012), но и добиться определенной

однородности регионов России по уровню жизни населения. Увы, она работает только в период высоких цен на экспортируемое сырье, но абсолютно не эффективна при обвалах цен и кардинальном изменении условий функционирования генерирующих ренту секторов.

В изменившейся ситуации основной задачей экономической политики становится не столько аккумуляция и перераспределение рентных доходов для выравнивания уровня жизни населения или реализации крупномасштабных проектов, сколько стимулирование деловой активности. Причем не только в «прорывных» инновационно-ориентированных отраслях и сферах деятельности: важно и необходимо восстановление (воссоздание) в новых условиях «незаслуженно забытых» производств (машиностроение и химия, например).

Подход к решению накопившихся проблем не прост и неоднозначен. При всем многообразии мер и инструментов их объединяет направленность на поощрение инициативы – от регионов до хозяйствующих субъектов. Предпринимательская деятельность невозможна при чрезмерных рисках, связанных с отсутствием доступа к финансам или с непреодолимыми бюрократическими препонами. Невозможно всё и навсегда прописать в нормах и правилах, особенно для нашей огромной страны. Статус России как федеративного государства предусматривает определенные полномочия регионов в создании условий для ведения предпринимательской деятельности и использования имеющегося природно-ресурсного и географического потенциала.

В России значительную группу составляют так называемые ресурсные (сырьевые) территории, среди которых выделяются «нефтегазовые», «лесосырьевые» и проч. Особенности развития таких регионов являются предметом изучения во многих исследовательских и аналитических организациях*. Один из выводов, полученных в ИЭОПП СО РАН, состоит в том, что реализация в регионах «ресурсного типа» экономической модели, ориентированной на поощрение предпринимательской активности, позволит не только лучше использовать потенциал, но и создаст устойчивый спрос на продукцию, производимую в других регионах. Тем самым ресурсные регионы смогут оказать существенное влияние на развитие экономической модели, ориентированной на рост эффективности экономики страны в целом.

Даже незначительные дополнительные возможности в сфере принятия и реализации решений на региональном уровне могут существенно улучшить

* В частности, в ИЭОПП СО РАН в настоящее время исследования ведутся в рамках проекта под эгидой Российского научного фонда (проект 14–18–02345 «Разработка научных основ формирования политики долгосрочного социально-экономического развития для регионов ресурсного типа»). Отдельные результаты представлены на страницах настоящего номера журнала

экономическую ситуацию. В Республике Саха (Якутия), например, удалось в период кризиса 2008–2009 гг. нивелировать негативное воздействие неблагоприятной ситуации на региональную финансовую систему за счет тесного ее взаимодействия с системой регулирования процессов недропользования (статья П. В. Гуляева).

К сожалению, реализуемая в настоящее время совокупность антикризисных мер по-прежнему ориентирована в основном на централизацию финансовых ресурсов и поддержку крупных «системообразующих» компаний. Такая политика закрывает возможности движения по отмеченному выше пути и ведет к ухудшению положения ресурсных регионов (статья В. И. Нефёдкина). «Корпоративный ландшафт» территорий ресурсного типа определяют трансрегиональные корпорации, и от их «представлений» о путях и направлениях реализации ресурсного потенциала всецело зависят и экономика, и социальная сфера регионов. Неправомерно сводить проблемы развития сырьевых территорий только к налоговым поступлениям от сырьевых компаний, регионы заинтересованы прежде всего в устойчивости процедур трансформации потенциальных выгод от освоения природных ресурсов в реальную социально-экономическую отдачу (статья А. Н. Токарева).

Причина настоящего кризиса – исчерпание потенциала прежней (реализуемой сейчас по инерции) модели функционирования экономики России. Сокращение бюджетных расходов должно быть компенсировано расширением полномочий территорий (статья С. В. Белоусовой). «Унитарный федерализм» несовместим ни с особенностями ресурсного потенциала страны, ни с ее возможностями. Когда не хватает средств в бюджете и при этом нарастает сложность проблем, нет другого пути, кроме децентрализации процедур и подходов к решению экономических и социальных задач. Сложный и многообразный современный мир не приемлет простоту и однозначность, равно как волюнтаризм и слепую веру в либеральные ценности.

Ключевая проблема экономики России – «преодоление пространства». Наиболее успешные ответы находились тогда, когда поощрялись инициатива и предприимчивость. И в современной непростой ситуации «совмещенного кризиса» ответы будут найдены также в рамках данного подхода.

«Бюджетное проклятие» ресурсных регионов¹

В.И. НЕФЁДКИН, кандидат экономических наук, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск.
E-mail: vladnn@ngs.ru

В статье показано, что изменения в налоговой системе РФ негативно влияют на динамику и структуру доходов бюджетов ресурсных регионов. Острота бюджетных проблем в разных регионах Сибири и Дальнего Востока тесно связана с динамикой осуществления крупных ресурсных проектов и политикой крупных корпораций в отношении своих региональных подразделений. Преодоление «бюджетного проклятия» предполагает кардинальные изменения в сложившейся системе взаимоотношений между федеральным центром, крупными ресурсными корпорациями и регионами.

Ключевые слова: регионы, налоги, бюджетная эффективность, ресурсные корпорации, Сибирь, Дальний Восток, бюджетное проклятие

Как показал опыт 2006–2009 гг., реализация антикризисных программ, ориентированных на централизацию финансовых ресурсов и поддержку крупных «системообразующих» предприятий, приводит к ухудшению положения регионов. При помощи налоговых и других механизмов финансовые ресурсы перераспределяются в пользу федерального бюджета и крупных корпораций, традиционно являющихся главными получателями антикризисных бонусов. В нынешней кризисной ситуации впервые в новейшей российской истории возникло крайне неблагоприятное сочетание регионального бюджетного кризиса с необходимостью централизовать ресурсы для финансирования программы антикризисных мероприятий. Трудности с наполнением доходной части бюджетов сильно ограничивают возможности переложить тяготы макроэкономического кризиса на регионы. Особенно это относится к традиционным «дойным коровам» федерального бюджета – регионам, на территории которых добываются высокоэффективные ресурсы.

Воплощение в жизнь стандартных антикризисных установок на то, чтобы «затянуть пояса» и «оптимизировать затраты», обычно приводит лишь к тому, что через несколько лет проблему придется решать снова, но уже с гораздо большими издержками.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (Проект 14–18–02345).

Стратегический подход, на наш взгляд, предполагает ставку не на сокращение расходов, а на увеличение налоговых доходов, поступающих из регионов как в федеральный бюджет, так и в бюджеты субъектов Федерации. Здесь нет простых решений, но в любом случае начинать следует с анализа причин перманентного воспроизводства бюджетных проблем в регионах.

Ресурсные регионы и бюджеты

Понятие «ресурсный регион» ещё не закрепились в управленческой практике и не имеет однозначного толкования в научной литературе. В фокус нашего исследования попали Томская и Иркутская области, Красноярский и Забайкальский края, Сахалинская область и Республика Саха (Якутия), обладающие значительными природными ресурсами, пригодными для хозяйственного освоения. На их территории уже осуществляются ресурсные проекты, значение которых выходит за пределы данных регионов, и существуют возможности для реализации подобных проектов в будущем. Их экономика в значительной степени подвержена влиянию «корпоративного фактора», поскольку освоением ресурсов, как правило, занимаются подразделения крупных «экстерриториальных» корпораций. В последние годы в этих регионах с разной степенью остроты, но по сходным причинам проявляются проблемы формирования доходной части местных бюджетов, вызвавшие негативные последствия.

Анализ бюджетной и налоговой статистики показывает, что для большинства субъектов Федерации характерна нарастающая несбалансированность региональных бюджетов. Многие специалисты объясняют это тем, что бремя расходов по реализации «майских указов» Президента РФ 2012 г. было возложено на регионы. Нарастающие дефициты региональных бюджетов и лавинообразный рост долгов субъектов Федерации отчасти подтверждают это. Так, по мнению Н.В. Зубаревич, впору говорить о разразившемся бюджетном кризисе: «Последнее решение федеральных властей – повышение заработной платы бюджетникам. Основная тяжесть его исполнения легла на бюджеты регионов, что привело к росту их дефицита (в 2013 г. 60% регионов имели дефицит бюджета) и долга, объём которого достиг к концу 2013 г. 27% собственных (налоговых и неналоговых) доходов консолидированных бюджетов регионов» [1]. За 2014 г. дефицит региональных бюджетов

вырос в три раза – до 642 млрд руб., а суммарный долг регионов и муниципалитетов превысил в 2014 г. 2 трлн руб. – почти треть от всех собственных доходов бюджетов.

Общие бюджетные проблемы последних 2–3 лет в ресурсных регионах усугубляются спецификой формирования их доходной базы. Эта специфика, как будет показано дальше, имеет прямое отношение к «корпоративным ландшафтам» этих регионов, существенную роль в формировании которых играет наличие подразделений (дочерних компаний и филиалов) крупных корпораций, традиционно являющихся главными донорами федерального и регионального бюджетов.

«Голландская болезнь» наоборот

С постоянством, достойным лучшего применения, ресурсные регионы России испытывают проблемы со сбалансированностью бюджетов. Они сталкиваются с хроническим дефицитом финансовых ресурсов, ограничивающим возможности роста социальных расходов и реализации региональной инвестиционной политики, что приводит к застою в развитии «несырьевого» сектора. Степень остроты бюджетных проблем сильно зависит от того, какие ресурсы привлекли внимание крупных корпораций и на какой стадии находится их освоение.

В первую очередь это актуально для регионов с относительно невысоким уровнем экономического развития, на территории которых осуществляются крупные проекты по добыче углеводородного сырья. Главные инициаторы и операторы этих проектов – федеральные корпорации – активно привлекают оборудование, рабочую силу и сервисные компании из других регионов. При этом, как правило, они вывозят основную часть сырья и продуктов его переработки за пределы региона добычи и минимизируют локализацию произведенной добавленной стоимости, сопутствующих финансовых результатов (налоговую базу регионального бюджета) и денежных потоков.

Проблемы российских ресурсных регионов не уникальны. Негативное влияние быстрого развития сырьевого сектора порождает симптомы так называемой «голландской болезни» во многих странах. Ее связывают с притоком в страну (регион) экспортной выручки, стимулирующим укрепление национальной валюты и ослабляющим конкурентоспособность товаров местного

производства. Предпринимались попытки обнаружить симптомы «голландской болезни» в России и ее отдельных регионах [2].

Как и в медицине, где сходную клиническую картину могут давать совершенно разные заболевания, происходящие в ресурсных регионах процессы имеют мало общего с классической «голландской болезнью». Особенность России – в «вертикальной» организации ее экономики: лишь малая толика рублевой выручки от реализации сырья и продуктов его переработки остается в регионах. Из-за экстерриториальности крупных ресурсных корпораций регионы, в которых интенсивно осваиваются природные ресурсы, не получают адекватного притока добавленной стоимости. Недофинансирование и стагнация «несырьевого» сектора и социальной сферы в данном случае вызываются вовсе не избытком валютной выручки, которая практически не доходит до регионов, а напротив – дефицитом финансовых ресурсов. Истоки отмеченных выше проблем, на наш взгляд, прежде всего следует искать в сложившейся в течение последнего десятилетия системе взаимодействия федерального центра, крупных корпораций и регионов. Эта система устроена таким образом, что значительная часть эффектов, связанных с добычей и переработкой ресурсов, реализуется за пределами регионов [3], вследствие чего и возникает своего рода «голландская болезнь наоборот».

Налоговый кодекс VS ресурсные регионы

Налоговые новации последних лет в сочетании с широко практикуемыми схемами корпоративного управления неизменно приводили к относительному сокращению налоговых доходов бюджетов ресурсных регионов. Рассмотрим их влияние более подробно.

Введение с 01.01.2007 г. льготной (нулевой) ставки НДС для месторождений Республики Саха (Якутия), Иркутской области и Красноярского края было нацелено на создание дополнительных стимулов для разработки труднодоступных месторождений. Однако эта льгота является временной и предоставляется на срок, ограниченный достижением накопленного объема добычи в 25 млн т. При отмене льготы на сумму начисленного НДС увеличиваются расходы нефтедобывающих компаний и уменьшается база по налогу на прибыль, обеспечивающему около 30% поступлений в бюджеты субъектов Федерации. Эти негативные

последствия сотрудник налоговой службы одного из сибирских регионов окрестил «проклятием льготы по НДС» [4]. По его мнению, прекращение действия федеральной льготы по НДС вызывает в регионах явление, подобное известному в экономике «проклятию ресурсов», или «парадоксу изобилия». Увеличенные в результате притока «легких» денег социальные расходы в дальнейшем уже не смогут обеспечиваться доходной базой в регионе.

Снижение с 2009 г. базовой ставки налога на прибыль организаций с 24% до 20%, по замыслу, должно было уменьшить налоговую нагрузку на бизнес. Главным «спонсором» этого снижения стали бюджеты регионов, в которые, по статистике, перечисляется более 80% данного налога и, прежде всего, бюджеты тех регионов, в которых работают высокорентабельные предприятия по добыче и переработке сырья.

Отмена в 2009 г. «региональной» доли в НДС в части извлекаемого углеводородного сырья, декларированная как антикризисная мера, направленная на консолидацию доходов в федеральном бюджете, также принесла заметные потери бюджетам основных нефтедобывающих регионов.

В 2013 г. были введены в действие поправки в Налоговый кодекс, допускающие возможность формирования групп консолидированных налогоплательщиков [5]. Переход крупных корпораций на налогообложение по консолидированному финансовому результату предсказуемо привел к снижению поступлений в бюджеты тех регионов, которые не стали центрами консолидации прибыли. Так, после включения дочерних компаний в схему консолидации группы «Роснефть» бюджет Красноярского края потерял весь налог на прибыль, ранее поступавший от компании «Ванкорнефть».

Запускаемый в 2015 г. так называемый «налоговый маневр» в нефтяной отрасли предусматривает перераспределение налоговой нагрузки на нефтедобывающие компании за счет уменьшения экспортной пошлины и увеличения НДС. В проекте федерального бюджета на 2015 г. предполагалось, что рост доходов от НДС более чем в два раза компенсирует снижение сборов экспортных пошлин в части, связанной с «налоговым маневром». Соответствующие потери регионов в 2015 г. оценивались Минфином РФ в 164 млрд руб., и предусмотренные меры по компенсации этих потерь в условиях ухудшения бюджетной ситуации могут не возместить выпадающие доходы.

Кто платит за кризис?

Особенностью российской налоговой системы является то, что доходная часть бюджетов регионов в основном формируется за счет налога на прибыль, величина которого подвержена влиянию не вполне экономических факторов. Перенос места налоговой регистрации в другой регион, внедрение новой корпоративной схемы, влияющей на финансовые показатели компании, – все это может в одночасье изменить сумму налогов, идущих в региональный бюджет. Кроме того, сумма поступлений от налога на прибыль, в отличие от НДС или, скажем, налога на имущество организаций, гораздо сильнее зависит от экономической конъюнктуры. При ухудшении последней в первую очередь снижается объем продаж (выручка) предприятия, в то время как суммарные издержки, только переменная часть которых уменьшается вместе с объемом производства, не могут сокращаться такими же темпами. Это приводит к более быстрому снижению прибыли в сравнении с выручкой. В этом случае НДС, функционально связанный с выручкой и поступающий в федеральный бюджет, гораздо меньше зависит от экономической конъюнктуры, нежели налог на прибыль, большая часть которого поступает в бюджеты субъектов Федерации.

Для регионов, где добывается углеводородное сырье, ситуация усугубляется так называемыми «ножницами Кудрина». Поскольку формула расчета ставки НДС с запаздыванием учитывает снижение цен на нефть, с которого начинались кризис 2008–2009 гг. и спад, наметившийся в конце 2014 г., а выручка нефтяных компаний падает практически синхронно с мировыми ценами, то налоговая нагрузка на нефтяную отрасль относительно возрастает, уменьшая и прибыль, и чистый денежный поток добывающих компаний. В конце 2008 г. этот эффект привел к тому, что деятельность нефтяных компаний стала на некоторое время убыточной.

Корпорации и регионы: кто главнее?

Госкомстат РФ в своих методических разъяснениях к статистике валового регионального продукта предупреждает о занижении добавленной стоимости на территориях, где действуют подразделения вертикально интегрированных компаний: «На современном этапе институциональная структура экономики претерпела существенные изменения, широкое распространение

получило создание корпораций, функционирующих на основе интегрированно-вертикальных и горизонтальных схем. Принципы и порядок ведения бухгалтерского учета не позволяют оценить выпуск и затраты на производство производственных единиц, входящих в такие корпорации. Поэтому оценка добавленной стоимости по таким подразделениям носит относительно условный характер. В результате этого в регионах, где располагаются головные компании, добавленная стоимость несколько завышается, и, напротив, по регионам, где располагаются подразделения этих компаний, добавленная стоимость занижается» [6].

«Принципы и порядок ведения бухгалтерского учета» крупных корпораций (групп компаний) подчинены тому, чтобы, исходя из собственных интересов, осуществлять внутригрупповое перераспределение финансовых результатов и денежных потоков. Как правило, головные компании располагаются в мегаполисах, весьма удаленных от места добычи ресурсов, а главными налоговыми бенефициарами являются городские бюджеты Москвы и Санкт-Петербурга. Впрочем, и региональная прописка крупных корпораций («Норильский никель», «РусГидро» зарегистрированы в Красноярском крае) мало что меняет. Штаб-квартиры этих по сути федеральных холдингов, а, следовательно, и все возможности для управления финансовыми результатами и денежными потоками региональных подразделений находятся в Москве, поэтому обсуждаемые предложения по перенесению офисов крупных корпораций к местам дислокации их основных производственных активов – не более чем популистская демагогия.

За описанной ситуацией стоят серьезные экономические проблемы для регионов, на территории которых действуют подразделения крупных ресурсных корпораций. Занижение добавленной стоимости за счет трансфертных цен уменьшает финансовые результаты этих подразделений и, следовательно, налоговую базу региональных бюджетов. Кроме того, вывоз сырья за пределы региона приводит к потерям потенциальной добавленной стоимости, которая могла бы быть произведена в случае переработки на территории региона.

Впрочем, прямые потери региональных бюджетов в связи с применением «корпоративных» схем несопоставимы с потенциальными потерями в долгосрочном плане. Последние, по нашей оценке, для отдельных регионов с учетом долгосрочных

мультипликативных эффектов могут достигать величин, сопоставимых с их годовым ВРП.

Бюджетная эффективность или налоговая нагрузка?

Помимо изменений в налоговой системе и применения корпоративных схем, приводящих к перераспределению добавленной стоимости и налоговой базы между регионами, доходы региональных бюджетов в значительной степени зависят от макроэкономической конъюнктуры, экономической политики местных администраций, связанной, например, с региональными и муниципальными налоговыми льготами. С учетом многообразия сопутствующих прямых и косвенных (мультипликативных) эффектов достаточно сложно разделить влияние этих факторов.

В аналитике и даже в официальных документах принято использовать относительные показатели, например, отношение налогов к ВВП. Их иногда называют долей, т. е. частью ВВП, и связывают с «налоговой нагрузкой». Однако логика, применимая к доходам отдельного предприятия или его работника, не может быть перенесена на экономику региона и тем более страны в целом. Сумма перечисленных в бюджет налогов, по определению, не может быть «долей» ВВП. Если налоги, поступающие в федеральный бюджет, в определенном ограниченном смысле ещё можно считать изъятием из региональной экономики, то поступления в региональный бюджет в тот же период времени превращаются в расходы этого же бюджета и, в конечном счете, в зарплаты работников бюджетной сферы, которые, в свою очередь, идут на приобретение товаров и услуг местных компаний и вносят свой вклад в формирование ВРП. К тому же часть денег, переданных в федеральный бюджет, возвращается в виде трансфертов в региональный бюджет, прямых федеральных субсидий предприятиям и т. д. Очевидно, что в этой сложной цепочке взаимосвязей прямолинейное толкование «налоговой нагрузки» может привести к совершенно неверным выводам относительно желательных направлений её изменения.

Считается, что всякое снижение налоговой нагрузки на бизнес есть благо, поскольку создает больше возможностей для развития последнего. Однако в регионе, не имеющем собственных налоговых доходов, социальные выплаты, зарплаты бюджетников или

осуществление малопривлекательных для частного бизнеса проектов развития общей инфраструктуры будут возможны только за счет трансфертов из федерального бюджета. Здравый смысл подсказывает: регион, не имеющий собственной налоговой базы, превращается в управляемую извне территорию и перестает быть субъектом управления.

Отношение налоговых доходов, генерируемых экономикой региона, к величине ВРП может быть использовано в качестве метрики относительной бюджетной эффективности. Действительно, если в одном регионе на каждый рубль произведенного ВРП поступает в два раза больше налогов в бюджеты разных уровней, чем в другом, то очевидно, что экономика первого региона вдвое эффективнее с точки зрения налоговых доходов бюджета.

Показатель бюджетной эффективности для региона следует рассматривать как трехмерный вектор, включающий федеральную, региональную и муниципальную компоненты. Для упрощения анализа дальше будем понимать под региональной компонентой сумму доходов бюджета субъекта и муниципальных бюджетов (консолидированного регионального бюджета).

Рассмотрим, как соотносятся между собой и изменяются во времени показатели федеральной (табл. 1) и региональной (табл. 2) бюджетной эффективности для выбранных ресурсных регионов.

Таблица 1. Соотношение налоговых доходов, поступающих в федеральный бюджет, и величины ВРП в 2006–2013 гг. *, %

Год	Все регионы РФ	Томская обл.	Красноярский кр.	Сахалинская обл.	Иркутская обл.	Забайкальский кр.	Респ. Саха
2006	11,9	20,7	5,2	4,1	3,6	15,1	4,2
2007	11,9	17,3	5,7	5,9	4,0	3,3	2,8
2008	10,5	20,7	4,4	6,8	3,4	2,2	2,1
2009	7,8	14,9	1,2	6,3	0,5	2,5	3,8
2010	8,4	18,5	2,4	6,9	-0,7	2,7	4,6
2011	9,9	23,0	4,7	7,7	6,3	1,9	2,9
2012	10,3	24,9	10,6	5,1	5,1	1,2	1,3
2013	9,9	23,6	11,8	5,1	4,8	0,8	0,9

Источник табл. 1–2: Рассчитано по данным ФНС РФ //URL: http://www.nalog.ru/rn54/related_activities/statistics_and_analytics/forms/ (дата обращения: 07.05.2015).

* По Красноярскому краю, Иркутской области и Забайкальскому краю показатели за 2006–2008 гг. рассчитаны с учетом современных границ этих субъектов.

Таблица 2. Отношение налоговых доходов консолидированных региональных бюджетов к ВРП в 2006–2013 гг., %

Год	Все регионы РФ	Томская обл.	Красноярский кр.	Иркутская обл.	Забайкальский кр.	Респ. Саха	Сахалинская обл.
2006	10,2	10,7	13,2	10,6	28,9	12,0	9,2
2007	10,9	9,6	14,2	11,5	12,0	13,6	7,3
2008	10,6	9,8	14,5	12,6	11,6	12,6	9,0
2009	9,8	9,9	12,8	12,6	11,2	11,4	10,3
2010	9,7	9,8	13,2	12,2	11,9	12,2	7,4
2011	9,4	9,7	12,6	13,5	10,9	12,3	6,4
2012	9,3	10,1	12,1	14,7	10,9	12,8	7,7
2013	9,0	9,5	11,5	13,1	11,2	12,1	9,1

С точки зрения федерального бюджета, наибольшая эффективность у Томской области, опережающей средний по РФ показатель почти в 2,5 раза, а наихудшие значения – у Забайкальского края и Иркутской области. У последней в 2010 г. в связи с возвратом из федерального бюджета большой суммы НДС по экспортным операциям наблюдалось даже отрицательное значение показателя (в данном случае важны не столько абсолютные значения, сколько динамика их изменения). Чтобы выявить специфику выбранных нами регионов, сравним их показатели со среднероссийскими, которые будут служить своеобразным «эталонном».

Чем определяется динамика этих «эталонных» значений? Разумно предположить, что в первую очередь это основные для всех регионов факторы: общая макроэкономическая конъюнктура и, прежде всего, темпы роста национальной экономики, а также изменения налогового законодательства. Высоким темпам экономического роста 2006–2007 гг. соответствуют наибольшие значения показателя федеральной бюджетной эффективности – 11,9%. Кризис 2008–2009 гг. сопровождался относительным снижением «федеральных» налоговых доходов. С 2010 г. по 2012 г. наблюдалось восстановление докризисных значений, закончившееся небольшим откатом в 2013 г., объясняемым уже начавшимся торможением экономического роста. «Антикризисные» поправки в Налоговый кодекс РФ способствовали консолидации средств в федеральном бюджете за счет роста налоговых поступлений в федеральный бюджет из регионов в 2010–2011 гг.

Даже не вооруженным современными методами эконометрии глазом можно заметить, что в рассматриваемых регионах, за исключением Иркутской области и Республики Саха (Якутия), наблюдается общая тенденция снижения отношения суммы налоговых доходов, поступающих в консолидированный региональный бюджет, к ВРП. Вместе с тем динамика этого отношения во всех регионах, кроме Томской области, сильно отличается от эталона.

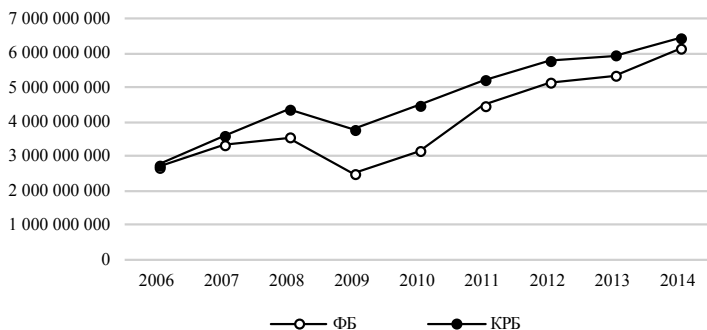
Неблагоприятные для ресурсных регионов изменения федеральной налоговой политики порождают неодинаковые последствия. Характер и глубина этих последствий часто определяются одной или несколькими крупными компаниями, определяющими «ресурсную» специализацию отдельно взятого региона. Различия корпоративных ландшафтов во многих случаях становятся ключевым фактором, формирующим уникальные региональные особенности динамики налоговых доходов и их распределения между бюджетами.

«Средняя температура по больнице»: не растет, но и не падает

Чтобы оценить влияние специфических региональных факторов на величину налоговых доходов, поступающих в бюджеты разных уровней, сравним их с «эталонными» значениями, рассчитанными для всей совокупности субъектов РФ.

В 2006 г. наблюдался паритет распределения налоговых доходов между федеральным и региональным бюджетами. В дальнейшем налоговые доходы в региональные бюджеты росли чуть быстрее. Наибольший разрыв был зафиксирован в 2009 г., на который пришелся максимум экономического спада. С 2010 г. региональная и федеральная составляющие сближаются. Если в целом за период темпы роста суммарных налоговых доходов по двум уровням бюджетной системы практически не отличались – их рост составил 2,3 раза, то характер динамики внутри периода менялся и в основном зависел от макроэкономической конъюнктуры (рис. 1). При высоких темпах роста экономики (2006–2008 гг.) налоговые доходы региональных бюджетов увеличивались быстрее, чем налоговые доходы федерального бюджета. В кризисном 2009 г. федеральные доходы снижались быстрее региональных. В период восстановительного роста тенденция

сменилась на противоположную, а начиная с 2010 г. федеральная компонента асимптотически приближалась к региональной.

Примечание. Показатели для рис. 1–5 рассчитаны автором по данным ФНС РФ [Электронный ресурс] //URL: http://www.nalog.ru/rn54/related_activities/statistics_and_analytics/forms (дата обращения: 07.05.2015).

Рис. 1. Налоговые доходы, поступившие в федеральный бюджет (ФБ), и консолидированные региональные бюджеты (КРБ) в целом по РФ в 2006–2014 гг., млн руб.

Помимо макроэкономической конъюнктуры, на величину налоговых доходов и их распределение между бюджетами влияли и другие факторы. В частности, опережающий рост налоговых доходов федерального бюджета, начавшийся в 2010 г., несомненно, связан с реализацией антикризисных мер, направленных на консолидацию средств в федеральном бюджете. Приоритетная поддержка крупных корпораций также сыграла свою роль.

На фоне близкой динамики федеральных и региональных налоговых доходов обратим внимание на устойчивую тенденцию снижения бюджетной эффективности региональных экономик. Сложение значений из таблиц 1 и 2 показывает, что отношение налоговых доходов в бюджеты всех уровней к суммарному ВРП всех субъектов Федерации с 2006 г. по 2013 г. снизилось с 22,1 до 18,9%. Эту тенденцию можно было бы считать позитивной и вполне достойной бодрых отчетов о «снижении налоговой нагрузки на бизнес», если бы не одно «но»: в общей сумме поступлений в федеральный бюджет из регионов не отражены доходы федерального бюджета от внешнеэкономической деятельности,

которые не распределяются по регионам. В случае падения этих доходов они могут замещаться только «внутренними» налоговыми доходами. Снижение значения этого показателя – верный признак того, что потенциал такого замещения уменьшается. Другими словами, экономическая система, «избалованная» «даровыми» доходами, утрачивает способность зарабатывать их самостоятельно. Излишне говорить, что любое падение внешних доходов в этом случае будет неизбежно увеличивать дефицит федерального бюджета.

Анализ суммарных по всем регионам данных, подобно пресловутой «средней температуре по больнице», плохо объясняет происходящее в отдельных регионах. Как уже отмечалось, степень присутствия подразделений крупных ресурсных корпораций и особенности их включения в групповые схемы консолидации финансового результата и денежных потоков привносят существенную специфику в формирование доходной базы федерального и региональных бюджетов. Даже в относительно крупных регионах, например, в Красноярском крае, одна-две компании могут определять ситуацию с наполнением регионального бюджета.

Томская область: инновации против ресурсов?

Томская область – единственный из рассмотренных субъектов, в котором налоговые доходы, поступающие в федеральный бюджет, кратно превосходят региональные поступления. Уже в 2006 г. федеральная часть в два раза превышала региональную. За 2006–2014 гг. они выросли в 2,4 и 2,1 раза соответственно, что увеличило разрыв. Это связано с тем, что в Томской области влияние корпоративного фактора, в сравнении с другими регионами, попавшими в орбиту нашего внимания, гораздо более заметно. Соответствует этому и динамика налоговых доходов (рис. 2). Постоянный, но очень медленный рост региональных доходов сочетается с более быстрым, но при этом крайне неравномерным увеличением федеральных доходов. Кризисное падение налоговых доходов федерального бюджета в 2009 г. сменилось их опережающим ростом по отношению к поступлениям в региональный бюджет как под влиянием улучшения нефтяной конъюнктуры, так и вследствие «антикризисного» изменения налогового законодательства. В 2012–2014 гг. номинальные поступления в федеральный и региональный бюджеты росли примерно одинаковым темпом.

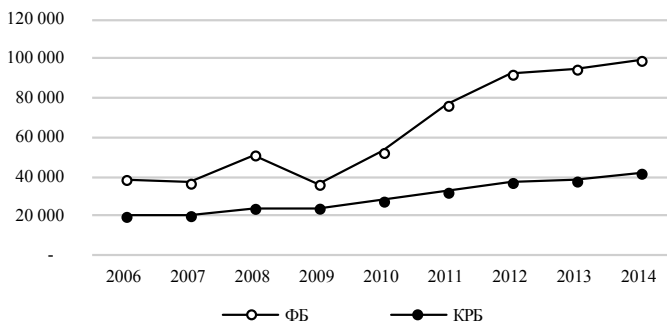

Рис. 2. Налоговые доходы, поступившие в федеральный бюджет (ФБ) и консолидированный региональный бюджет (КРБ) Томской области в 2006–2014 гг., млн руб.

Корпоративный ландшафт области достаточно стабилен. Компания «Томскнефть», находящаяся в паритетной собственности ОАО «Газпромнефть» и ОАО «Роснефть», неизменно является крупнейшим предприятием области и главным плательщиком налогов в областной бюджет. После убытков 2006 г. компания в 2007 г. показала максимальную для себя прибыль до налогообложения (30,4 млрд руб.) и в дальнейшем стабилизировала этот показатель на уровне 15–19 млрд руб. В 2006–2014 гг. она обеспечила около трети всех поступлений от налога на прибыль в региональный бюджет.

Высокорентабельная «дочка» «Газпрома» – ОАО «Томскгазпром» – является вторым по величине плательщиком в региональный бюджет. В связи с использованием трансфертных цен на перекачку газа бюджетный вклад другой «дочки» «Газпрома» – ООО «Газпром Трансгаз Томск», по величине выручки в области уступающей только «Томскнефти», гораздо скромнее. Ряд крупных компаний стабильно увеличивали свои налоговые платежи в областной бюджет. Компания «Метакхим», один из крупнейших российских производителей метанола, перейдя от «Сибура» к «Газпрому», увеличила платежи по налогу на прибыль с нуля в 2009 г. до более чем 500 млн руб. в 2013 г. «Томскнефтехим» после консолидации в группу «Сибур» также регулярно наращивал свои налоговые платежи в региональный бюджет. Вклад региональных компаний более чем скромнен: среди крупных налогоплательщиков – компании оптовой и розничной торговли (ООО «КДВ Групп»,

УК «Перекресток»), строители (ТДСК) и предприятия пищевой промышленности (ОАО «Томское пиво»).

Томская область, по нашей оценке, относится к числу регионов, бюджет которых в наибольшей степени пострадал от антикризисных налоговых новаций, и бюджетные перспективы на ближайшие пять лет не слишком оптимистичны. Вклад в формирование регионального бюджета дочерних компаний крупнейших российских корпораций («Газпром», «Роснефть», «Сибур»), включенных в корпоративные схемы головных офисов, из-за ограниченности эксплуатируемых запасов нефти и газа и неясных перспектив со временем будет уменьшаться. Широко декларируемые усилия по развитию инновационного комплекса области пока не дают заметной бюджетной отдачи, а высокие показатели инновационной активности объясняются в основном получением финансирования в федеральных программах поддержки инновационно-образовательного комплекса.

Причинно-следственные связи в социально-экономических системах сложны и неоднозначны. Нельзя утверждать, что все или даже большая часть проблем развития области вызваны нарастающими сложностями наполнения регионального бюджета. Однако определенно можно сделать вывод о том, что изменения налоговой системы последних лет не пошли на пользу экономике области: её развитие в последние 10 лет на фоне других регионов СФО замедлилось, и не в последнюю очередь из-за «бюджетного проклятия» [7].

Красноярский край: первые симптомы «ресурсной» аритмии

Зависимость региональной бюджетной эффективности от стадии реализации крупномасштабных проектов освоения ресурсов наиболее ярко проявляется в тех регионах, где действуют льготные условия налогообложения по новым месторождениям.

В частности, начало промышленной добычи нефти в Красноярском крае (Ванкорское месторождение) привело к быстрому росту налоговых доходов регионального бюджета. При этом край с опозданием примерно на семь лет следует той же траектории, что и Томская область. За 2006–2014 гг. поступления в федеральный бюджет увеличились в 5,5 раза, тогда как в региональный — лишь в 1,9 раза. Паритет федеральной и региональной составляющих налоговых доходов был достигнут в 2013 г.

Практически с 2010 г. региональная часть налоговых доходов в крае практически не растет (рис. 3). Это определяется особенностями корпоративного ландшафта края и изменениями в Налоговом кодексе. Крупнейшими предприятиями края (по объему выручки от реализации) в последние годы являются ГМК «Норильский никель» и ООО «Ванкорнефтегаз». «Норильский никель», традиционно крупнейший налогоплательщик края, после исторического максимума чистой прибыли в 170 млрд руб. в 2007 г. столь же рекордно провалился в 2008 г. до убытков в 86 млрд руб. Восстановление было неполным и недолгим. Чистая прибыль компании со 112 млрд руб. в 2011 г. упала до 34 млрд руб. в 2014 г. с соответствующими последствиями для бюджета края.

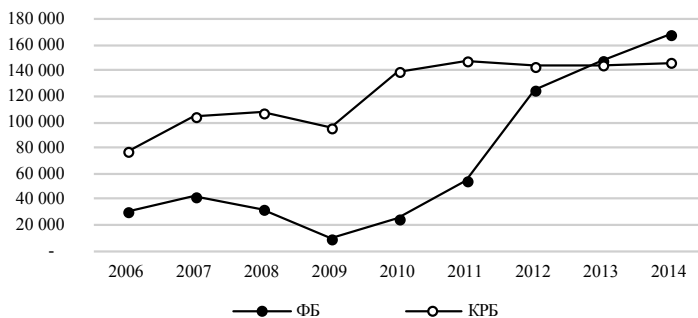

Рис. 3. Налоговые доходы, поступившие в федеральный бюджет (ФБ) и консолидированный региональный бюджет (КРБ) Красноярского края в 2006–2013 гг., млн руб.

Рекордный убыток металлургов в 2008 г. не в последнюю очередь предопределил общее резкое падение налоговых доходов. Дальнейший рост поступлений в региональный бюджет в основном был связан с налогом на прибыль, сумма которого в бюджет края достигла в 2010 г. исторического максимума в 70 млрд руб. (из них около 30 млрд приходилось на добывающую отрасль).

Отмена налоговых льгот для Ванкорского месторождения и переход группы «Роснефть» на консолидированную налоговую отчетность существенно снизили региональную бюджетную эффективность края. Уже к 2013 г. поступления от налога на прибыль в краевой бюджет упали до 42,6 млрд руб., а сумма налога, полученного от добывающих отраслей, сократилась в 15 раз.

По сути дела, развитие ситуации в Красноярском крае иллюстрирует классическую схему «бюджетного проклятия». Реализация крупного нефтяного проекта обеспечила лишь краткосрочный рост региональной бюджетной эффективности, сменившийся её последующим снижением.

Республика Саха: конец алмазной монополии?

Ещё до недавнего времени Республику Саха (Якутия) можно было смело отнести к монорегионам: ее корпоративный ландшафт единолично определяла корпорация «АЛРОСА». Это единственный из рассматриваемых нами регионов, демонстрировавший практически непрерывный рост региональной бюджетной эффективности. При этом федеральная бюджетная эффективность за 2006–2012 гг. практически не изменилась. И только в 2014 г. поступления в федеральный бюджет увеличились с 5 до 37 млрд руб. Беспрецедентный рост связан с повышением НДПИ в нефтедобыче (поступления выросли более чем в 13 раз в сравнении с 2013 г.).

В последние годы происходят изменения, которые могут иметь судьбоносные последствия для бюджета этого субъекта Федерации (рис. 4).

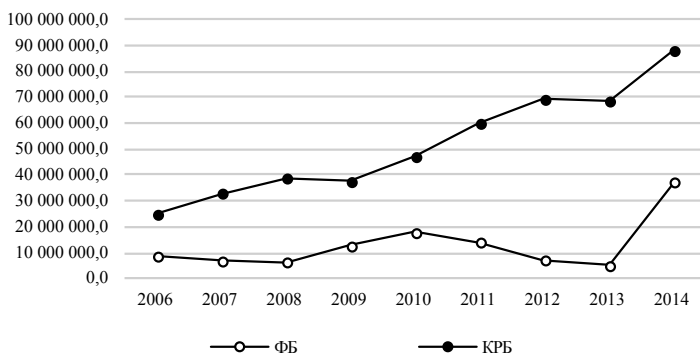

Рис. 4. Налоговые доходы, поступившие в федеральный бюджет (ФБ) и консолидированный региональный бюджет (КРБ) Республики Саха (Якутия) в 2006–2014 гг., млн руб.

После того, как в 2014 г. появилась возможность передачи якутской нефти в ВСТО и стартовал мегапроект «Сила Сибири», нет уже сомнений в том, что на наших глазах разворачивается

очередной крупномасштабный проект освоения новой углеводородной провинции. Если в настоящее время основными добывающими компаниями в республике являются «Сургутнефтегаз» и «АЛРОСА» (также имевшая до недавнего времени нефтедобывающие активы местного значения), то уже в ближайшем будущем корпоративный ландшафт радикально изменится. Активно начинают скупать лицензии и приобретать нефтедобывающие активы и другие компании федерального уровня – «Роснефть» и «Газпромнефть».

Крупномасштабное освоение углеводородного потенциала республики, которое в настоящее время уже рассматривается как неотъемлемый атрибут «светлого ресурсного будущего», может привести к таким же последствиям, как и в других регионах, а ситуация с доходами республиканского бюджета будет все больше напоминать вышеописанное положение дел в Красноярском крае.

Иркутская область: к новым реалиям

Федеральная бюджетная эффективность экономики в 2006–2010 г. была крайне низкой (табл. 1), а в 2010 г. – даже отрицательной, так как возврат НДС с лихвой перекрыл платежи в федеральный бюджет. В то же время с 2011 г. региональная бюджетная эффективность – самая высокая среди всех рассматриваемых субъектов Федерации. Это обусловлено своеобразием отраслевой и корпоративной структуры экономики: Иркутская область традиционно являлась вотчиной крупных энергетических, инфраструктурных и энергоемких перерабатывающих производств. Доля добывающей промышленности была невысока. Компании, входящие в группу «Русал», крупнейшая дочерняя компания «Транснефти» – «Транснефть-Восток» и ряд «дочек» крупных российских холдингов, связанных с нефтепереработкой, производством, распределением и сбытом электроэнергии, в течение нескольких лет определяли устойчивость корпоративного ландшафта региона.

Начало промышленного освоения Верхнечонского нефтегазоконденсатного месторождения резко изменило ситуацию. Компания «Верхнечонскнефтегаз» – бывшая «дочка» ТНК-ВР, а ныне один из главных восточносибирских активов «Роснефти», в 2009 г. вошла в десятку крупнейших компаний области по объему реализации. В течение последних пяти лет компания увеличила выручку с 7,4 до 232 млрд руб. С 2011 г. компания стала областным лидером по величине чистой прибыли. Вторая

по масштабам в нефтедобывающей отрасли «Иркутская нефтяная компания» по величине чистой прибыли в 2013 г. и 2014 г. занимала второе место. И хотя основные прелести «проклятия льготы НДПИ» для Иркутской области ещё впереди, тенденция меняется (рис. 5). Налоговые поступления в федеральный бюджет уже растут быстрее, чем в региональный. Простая экстраполяция показывает, что через два года суммы налоговых доходов, поступающих в региональный и федеральный бюджеты, сравняются.

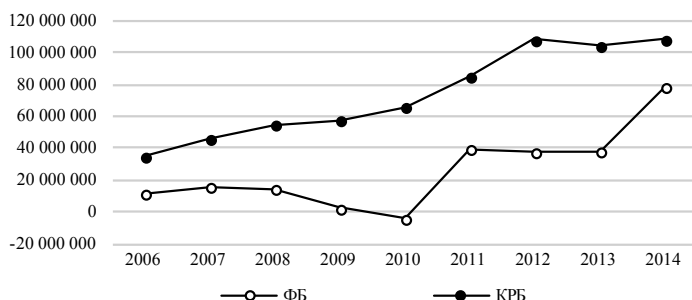

Рис. 5. Налоговые доходы, поступившие в федеральный бюджет (ФБ) и консолидированный региональный бюджет (КРБ) Иркутской области в 2006–2014 гг., млн руб.

Анализ бюджетной эффективности Забайкальского края и Сахалинской области, в наименьшей степени подверженных влиянию корпоративного фактора, показывает, что, несмотря на существенные различия в ресурсной специализации, у них наблюдается общая тенденция к опережающему росту региональной компоненты налоговых доходов, что не противоречит нижеследующим и общим для всех регионов выводам.

Крупномасштабные проекты освоения высокоэффективных природных ресурсов во многих случаях способствуют обострению региональных бюджетных проблем и порождают цепочку негативных последствий и упущенных возможностей для социально-экономического развития ресурсных регионов. Отмеченные негативные тенденции в первую очередь связаны с налоговыми новациями и вовлечением в корпоративные схемы

управления финансовым результатом и финансовыми потоками подразделений крупных ресурсных корпораций, непосредственно осуществляющих добычу и переработку природных ресурсов. Для преодоления этих тенденций необходимо, с одной стороны, внести давно назревшие изменения в сложившуюся систему налогообложения ресурсных (прежде всего – нефтяных и газовых) доходов, а с другой – модифицировать межбюджетные отношения с тем, чтобы сумма бюджетных доходов в большей степени зависела от экономических результатов регионов, а не от федеральных субсидий. Следует перенести акцент с «оптимизации» бюджетных расходов на увеличение налоговой базы и рост региональной бюджетной эффективности.

В средне- и долгосрочной перспективе, на наш взгляд, решить проблему поможет разумный баланс между интересами главных бенефициаров эффектов от освоения локальных природных ресурсов: федерального бюджета, крупных ресурсных корпораций и регионов. Регулирование процесса локализации издержек ресурсных корпораций с целью привлечения независимых региональных поставщиков, не вовлеченных в корпоративные схемы, также будет способствовать росту налоговых доходов регионов и созданию долгосрочного потенциала их бюджетной обеспеченности и саморазвития.

Литература

1. *Зубаревич Н. В.* Региональное развитие и региональная политика в России // ЭКО. – 2014. – № 4. – С. 7–27.
2. *Михеева Н.* Ресурсное проклятие на местах [Электронный ресурс] URL: <http://орес.ru/1149538.html> (дата обращения: 07.05.2015).
3. *Нефёдкин В. И.* Корпорации на территории: колонизация или локализация? // ЭКО. – 2013. – № 8. – С. 114–131.
4. *Подковыров В. Е.* «Проклятье» льготы по НДС // Налоговая политика и практика. – 2013. – № 8. – С. 76–78.
5. *Горбатенко Е. В.* Консолидированные группы налогоплательщиков и доходы региональных бюджетов (на примере Иркутской области) // ЭКО. – 2015. – № 4. – С. 177–183.
6. Сайт ФСГС РФ. Валовой региональный продукт. Методология.
7. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/met-r.htm (дата обращения: 13.05.2015).
8. Томская область: трудный выбор своего пути / Отв. ред. В. В. Кулешов; ИЭОПП СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2014. – 259 с.

Как учесть интересы нефтяных регионов?*

А.Н. ТОКАРЕВ, доктор экономических наук, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск.
E-mail: Tokarev@ieie.nsc.ru

В статье рассмотрены проблемы повышения социально-экономических выгод от развития нефтегазового комплекса для добывающих регионов. Особое внимание уделено анализу бюджетной эффективности с позиций нефтегазодобывающих регионов. Показано, что социально-экономические эффекты для этих субъектов Федерации во многом зависят от политики нефтегазовых компаний. Предложены рекомендации, связанные с повышением роли регионов в регулировании сферы недропользования.

Ключевые слова: нефтегазовые компании, нефтегазовые регионы, налогообложение, экология, налоговый маневр, государственное регулирование

Нефтегазовый комплекс (НГК) имеет важнейшее социально-экономическое значение для России как на государственном, так и на региональном уровне. Но из-за целого ряда проблем его функционирование пока не создает предпосылок для устойчивого развития добывающих регионов и трансформации потенциальных эффектов в реальные выгоды.

Решение этих проблем особо значимо для новых нефтегазовых районов, где имеется возможность использовать опыт и избежать ошибок зрелых провинций, сформировать условия для максимизации положительных эффектов в долгосрочной перспективе. К ним относится и Восточная Сибирь – новая провинция, показывающая высокие темпы роста добычи углеводородного сырья.

Развитие НГК: интересы добывающих регионов

Освоение и разработка нефтегазовых месторождений связаны для добывающих регионов с целым рядом социально-экономических эффектов, которые в значительной степени зависят от политики (поведения) нефтегазовых компаний на территориях. Каковы интересы данных регионов с позиций увеличения их социально-экономических выгод?

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (грант № 14–18–02345).

В современных условиях федеральный центр изымает основную часть рентных доходов через систему специального налогообложения, прежде всего, с использованием налога на добычу и экспортной пошлины. Для бюджетов нефтегазодобывающих регионов сегодня ключевое значение имеют налоги на прибыль, на имущество и на доходы физических лиц. При этом величина налога на прибыль во многом определяется не уровнем издержек и рыночными ценами, а политикой нефтегазовых компаний. Например, с использованием механизмов трансфертного ценообразования вертикально интегрированные компании могут существенно снижать уровень налога на прибыль, уплачиваемого в бюджеты регионов, перемещая его туда, где расположены их центры прибыли, либо вообще минимизируя его уплату [1].

Нефтегазодобывающие регионы заинтересованы в максимальном уровне извлечения ресурсов нефти и газа и продлении добычи на «зрелых» объектах, что способствует решению социальных вопросов, поддержанию высокого уровня занятости. При этом большое значение имеют мониторинг и контроль процессов освоения недр со стороны государства (регионы должны играть в нем важную, если не определяющую роль), стимулирование применения новых технологий, позволяющих повысить уровень извлечения нефти и газа [2].

Регионы заинтересованы в развитии производств, перерабатывающих углеводородное сырье, а также нефтесервиса, местных подрядчиков и поставщиков (включая производство оборудования для добычи). Создание и функционирование таких производств создает важные предпосылки для долгосрочного устойчивого развития сырьевых территорий [3]. А занятость и высокая зарплата на нефтегазовых предприятиях – это не только налоги в бюджет, но и платежеспособный спрос на потребительские товары, который способствует развитию и поддержанию целого ряда обеспечивающих и обслуживающих производств на соответствующих территориях (в том числе малого и среднего бизнеса).

Вклад нефтегазового комплекса в социально-экономическое развитие регионов может быть связан также с созданием инфраструктурных объектов, реализацией образовательных программ. Например, заметный вклад в экономику Якутии вносит деятельность нефтяной компании «Сургутнефтегаз», построившей, после получения в 2003 г. лицензии на разработку центрального

блока Талаканского месторождения, целый ряд инфраструктурных объектов, включая мощности по электрогенерации, аэропорт Талакан, причал для приемки сухогрузов и выгрузки нефтепродуктов в пос. Витим. Сейчас в Якутии более чем в 20 структурных подразделениях «Сургутнефтегаза» работают около 9 тыс. человек (из них около 30% – местные жители) [4].

Другой ключевой игрок в Восточной Сибири – «Ванкорнефть» – дочерняя структура «Роснефти». В социальной сфере одна из ее задач – увеличение доли работников, проживающих в Красноярском крае, через подготовку местных специалистов. В профессионально-технических учебных заведениях края при поддержке «Роснефти» открыт ряд новых специальностей для удовлетворения потребностей нефтяной промышленности.

В рамках долгосрочного соглашения между Красноярским краем и «Роснефтью» на реализацию социальных и производственных мероприятий на территории края ежегодно направляются сотни миллионов рублей. Средства идут на развитие материальной базы социальной сферы, строительство и ремонт спортивных и муниципальных объектов, реконструкцию школ, детских садов, профессиональных училищ. На благотворительную деятельность «Ванкорнефть» в 2011 г. направила 35 млн руб., а в 2012 г. – около 95 млн руб. По итогам 2013 г. расходы компании на благотворительность превысили 147 млн руб. [5].

Потенциально наиболее значимые социальные эффекты для добывающих регионов связаны с налогами, которые нефтегазовые компании направляют в их бюджеты. К сожалению, их успехи (в том числе отмеченные выше в рамках программ социального развития регионов) несколько меркнут на фоне экологических проблем, снижения уровня налоговых платежей в бюджеты регионов. При этом важно учитывать и масштабы эффектов: вклад компаний в программы социального развития регионов обычно измеряется в миллионах рублей, а сокращение налоговых платежей может достигать миллиардов рублей. Одно из немногих исключений – инвестиции «Роснефти» в строительство нового учебно-лабораторного корпуса Института нефти и газа Сибирского федерального университета в Красноярске, составившие около 890 млн руб.

Таким образом, для регионов значима не только добыча сырья сама по себе, хотя, конечно, она создает основу для всех последующих социально-экономических эффектов. Важно,

в какой мере потенциальные выгоды трансформируются в реальную социально-экономическую отдачу.

Влияние нефтегазового комплекса на экологию

Функционирование нефтегазовых компаний несет не только положительные, но и отрицательные эффекты, в том числе связанные с воздействием на окружающую среду, что влияет и на здоровье населения нефтегазовых регионов.

Интересы территорий связаны с тем, чтобы недропользователи минимизировали экологические издержки и риски в регионах добычи, выполняя экологические нормы и правила. Это требует повышенных затрат на природоохранные мероприятия. В некоторых регионах эти нормы могут быть более жесткими, из-за особых условий освоения недр, например, на территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов, в районах с высоким уровнем воздействия на экологию. К числу факторов, воздействующих на окружающую среду при освоении и эксплуатации нефтегазовых месторождений, относятся механические нарушения растительного и почвенного покрова, перераспределение стока воды, загрязнение атмосферного воздуха, почв, поверхностных и подземных вод [6].

Загрязнение атмосферного воздуха. Нефтегазовый комплекс генерирует до 30% всех промышленных выбросов загрязняющих веществ, из них две трети атмосферных выбросов приходятся на нефтедобычу, в первую очередь, на сжигание попутного нефтяного газа (ПНГ). Например, в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре (ХМАО) на долю добычи нефтегазовых ресурсов приходится около 80% выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух.

Экологические проблемы, связанные со сжиганием ПНГ, наиболее актуальны для новых нефтегазовых месторождений и провинций. Не является исключением и Восточная Сибирь. Так, например, при освоении Ванкорского месторождения, введенного в эксплуатацию в 2009 г., вплоть до середины 2013 г. утилизация ПНГ составляла менее 5%. Затем этот показатель вырос вследствие использования части добываемого газа для обратной закачки в пласты. Сейчас за счет ввода в эксплуатацию газопровода до системы межпромысловых трубопроводов «ЛУКОЙЛа», которые далее выходят на систему магистральных

газопроводов, созданы условия для достижения требуемого уровня утилизации ПНГ (95%).

При сжигании ПНГ на факельных установках около 65% продуктов углеводородного загрязнения поступает в атмосферу, 20% – в водные бассейны и около 15% – в почву. Помимо химического загрязнения, на природную среду оказывается еще шумовое и тепловое воздействие. Особенно опасны для человеческого организма поступающие в окружающую среду продукты сгорания ПНГ, которые приводят к существенному повышению заболеваемости населения в регионах нефтедобычи.

Например, в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком АО ухудшение здоровья населения во многом объясняется именно экологией: заболеваемость населения болезнями органов дыхания здесь выше среднероссийских показателей в 1,2 и 1,5 раза.

Загрязнение земель. Экологическую ситуацию усугубляют также аварии и разливы, которые происходят на кустовых площадках и трубопроводах. Высокая аварийность трубопроводов часто вызвана их сверхнормативной эксплуатацией и несовершенством технологий внутренней и внешней антикоррозионной защиты.

Загрязнение земель во многом связано с политикой нефтегазовых компаний. Например, по данным Управления Росприроднадзора по ХМАО, на территории округа на начало 2014 г. основной объем загрязненных земель приходился на дочерние структуры «Роснефти» – ООО «РН-Юганскнефтегаз» (37% площади нефтезагрязненных земель в округе) и ОАО «РН Менеджмент» «Западная Сибирь» (бывшее ТНК-ВР) (54%). В то же время на «ЛУКОЙЛ» и «Сургутнефтегаз» приходится, соответственно, 3,8% и 0,1% от общей площади таких земель. При этом данные компании сопоставимы с «Роснефтью» (и ранее – с ТНК-ВР) по объемам добычи нефти и площади территорий, на которых они работают в ХМАО, а также по степени зрелости разрабатываемых месторождений, что влияет на изношенность трубопроводов – основную причину загрязнения земель.

Процессы естественного восстановления природной среды довольно длительны. Поэтому на территориях, на которых происходят аварии и разливы, требуются дорогостоящие работы по восстановлению и рекультивации, которые далеко не всегда выполняются недропользователями в требуемом объеме и с нужным

качеством. Нарушение технологий при выполнении таких работ в дальнейшем лишь усложняет решение этой проблемы.

Таким образом, развитие нефтегазового комплекса связано не только с положительными эффектами, но и определенными издержками, среди которых одно из важных мест занимает влияние на экологию. Данные издержки должны учитываться при реализации налоговой политики государства в сфере недропользования. Например, одно из направлений может быть связано с обеспечением более справедливой налоговой базы (прежде всего по налогу на прибыль) для регионов. Какова ситуация с налоговой отдачей от нефтегазового комплекса для регионов сегодня?

Бюджетная эффективность нефтегазодобычи на региональном уровне

В ряде нефтегазовых регионов налоги по виду экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых» (подраздел «Добыча сырой нефти и природного газа; предоставление услуг в этих областях») занимают значительное место в общем объеме налоговых платежей, администрируемых Федеральной налоговой службой (ФНС). Например, в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком АО доля «нефтяных» налогов в платежах во все уровни бюджетной системы достигает 80–90%, в Ненецком АО – 70%, в Томской области – 65%. При этом ФНС не администрирует экспортную пошлину, занимающую, вместе с налогом на добычу, ключевое место с точки зрения общей налоговой нагрузки на нефтегазовый комплекс и в полном объеме поступающую в федеральный бюджет.

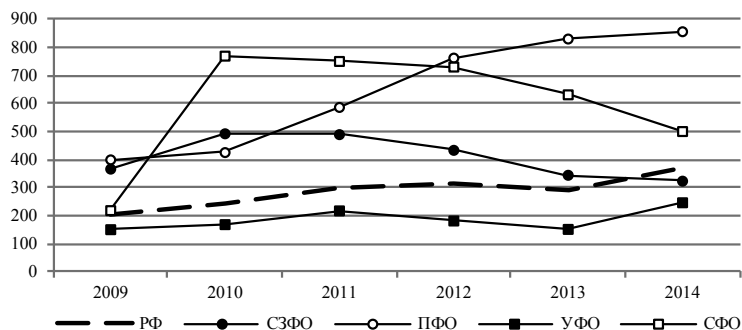
Доля налогов от нефтегазовых компаний, остающаяся в региональных бюджетах, относительно невысока: 10–15% от общего объема уплачиваемых ими налогов. Это связано с тем, что основной нефтегазовый налог – на добычу, доля которого сегодня в среднем достигает 75–80% от всех администрируемых ФНС налогов, уплачиваемых нефтегазовым комплексом, в полном объеме направляется в федеральный бюджет. При этом региональная доля может довольно сильно варьировать из-за льготного налогообложения: преференции по налогу на добычу сокращают как общий объем налогов, так и долю федерального центра.

Удельную налоговую отдачу (бюджетную эффективность) для регионов можно оценить как отношение общей суммы налогов

от нефтегазового комплекса, поступивших в бюджет субъекта Федерации, к объему добычи углеводородного сырья (нефть, конденсат, природный и попутный газ) в соответствующем регионе. При этом относительные показатели лучше характеризуют политику нефтегазовых компаний на той или иной территории и бюджетную эффективность комплекса для регионального уровня, чем объемные.

Рассмотрим налоговую отдачу от добычи нефтегазовых ресурсов на уровне *федеральных округов* (ФО). В период 2009–2014 гг. в них наблюдается увеличение налоговой отдачи, в том числе за счет роста цен на нефть (рис. 1). При этом лидером как по уровню бюджетной эффективности, так и по темпам ее роста является Приволжский ФО (ПФО).

Руб./т н. э.

Источник: рассчитано на основе данных Федеральной налоговой службы РФ.

Рис. 1. Налоговая отдача НГК по федеральным округам в 2009–2014 гг., руб./т н. э.

Низкая удельная налоговая отдача характерна для Уральского ФО (УФО), что определяется меньшей отдачей добычи газа в сравнении с добычей нефти (на уровне как регионов, так и федерального бюджета). В структуре добычи углеводородного сырья в этом округе преобладает природный газ. Так, например, с позиций федерального бюджета важно, что базовая ставка налога на добычу для газа (в пересчете на тонну нефтяного эквивалента – н. э.) намного ниже, чем на нефть. К тому же она длительное время не индексировалась, в то время как ставка налога для нефти практически постоянно росла.

Имеет место тенденция к снижению налоговой отдачи для регионов добычи Северо-Западного ФО (СЗФО). При этом платежи в бюджет Ленинградской области увеличиваются, что связано с переносом центров прибыли нефтегазовых компаний.

Важно обратить внимание, что налоговая отдача для Сибири падает, притом что для Приволжского ФО – растет. Объяснение во многом связано с налоговой политикой компаний в отдельных регионах. Так, крупные недропользователи Приволжского ФО – «Татнефть» и «Башнефть» (сейчас уже в меньшей степени) – связаны с местными органами власти и позиционируют себя как региональные, что во многом определяет их политику. Их поведение не предполагает переноса налогооблагаемой базы в другие регионы и строится на основе взаимовыгодного сотрудничества и партнерства с местными органами власти.

При этом падение налоговой отдачи для Сибирского ФО в основном происходит за счет Красноярского края (при стабилизации в двух других крупнейших нефтегазодобывающих регионах – Томской и Иркутской областях). Также Красноярский край заметно снижает общую налоговую отдачу и для Восточной Сибири (рис. 2) при достаточно высоких показателях для Иркутской области и Якутии.

Руб./т н.э.

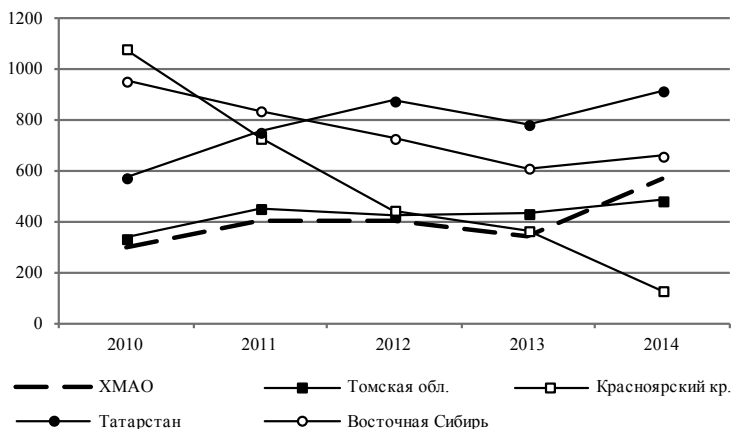

Рис. 2. Оценка налоговой отдачи для нефтегазовых регионов в 2010–2014 гг., руб./т н. э.

В значительной степени динамика рассматриваемого показателя в Красноярском крае связана с окончанием льгот по налогу на добычу для крупнейшего объекта – Ванкорского месторождения. Логика «Ванкорнефти» следующая: нет налоговых льгот, растут совокупные затраты, уменьшается прибыль и, соответственно, налог на прибыль, более 90% которого направляется в региональные бюджеты.

Среди других причин «разнонаправленности» налоговой отдачи в Сибирском и Приволжском округах следует отметить большее развитие нефтесервиса и в целом компаний-подрядчиков и поставщиков в Приволжском ФО, а также малых и средних нефтедобывающих компаний, которые имеют меньше возможностей и реже применяют на практике механизмы оптимизации уплаты налогов. Так, например, в Татарстане на долю малых компаний приходится около 20% добычи нефти, что является одним из самых высоких показателей для российских нефтегазовых регионов.

Отсюда следует важный практический вывод для регионов Сибирского ФО, Восточной Сибири (как и других новых районов и провинций): для роста совокупной налоговой отдачи необходимы развитие нефтесервиса, стимулирование создания малых и средних нефтегазовых компаний, а также формирование условий для их эффективного функционирования.

Сейчас удельная налоговая отдача ряда регионов Приволжского ФО, в частности Татарстана, может рассматриваться как индикатор – какой объем налогов могут потенциально принести добыча углеводородного сырья и нефтесервис. Этот ориентир – минимальный, поскольку большинство месторождений этого федерального округа значительно выработаны, что определяет низкую производительность скважин, высокую обводненность добываемой продукции. Так, например, показатели «Татнефти» по производительности действующих добывающих скважин в 2014 г. были почти в 2,5 раза ниже среднероссийских. То есть специфика современного состояния ресурсной базы республики определяет более высокие удельные издержки на добычу 1 т нефти, чем в среднем по России или в новых районах добычи, а, следовательно, и относительно низкую рентабельность.

В 2015 г. и ближайшей перспективе в ряде нефтедобывающих регионов может более отчетливо проявиться тенденция

к сокращению удельной налоговой отдачи из-за снижения уровня мировых цен на нефть и налогового маневра.

Налог на прибыль как индикатор политики нефтегазовых компаний

С позиций уровня и устойчивости налоговых поступлений в региональные бюджеты необходимо учитывать, что налог на прибыль является основным в структуре всех налоговых платежей нефтегазового комплекса в бюджеты регионов – в среднем его доля достигает 60–70%.

При этом на величину налога на прибыль влияет много факторов, включая цены реализации нефти на внутреннем и мировых рынках, затраты на добычу, которые также могут зависеть от политики нефтяных компаний. В этом отношении другие значимые (но все же менее важные) налоги – на имущество и на доходы физических лиц – более стабильны, и уровень платежей по ним лучше прогнозируется.

Налог на прибыль зависит от рентабельности освоения нефтегазовых объектов, которые могут существенно различаться по своим геологическим и технико-экономическим характеристикам. Но сегодняшний порядок налогообложения позволяет существенно выровнять условия разработки различных участков недр. Налоговая система дифференцирует уровень налоговой нагрузки в зависимости от условий добычи (при всей справедливой критике в адрес такой системы, больше напоминающей «лоскутное одеяло» и лишь косвенно учитывающей рентабельность освоения участков недр). Так, например, льготы для разработанных месторождений позволяют повысить рентабельность зрелых участков недр, а преференции для трудноизвлекаемых запасов и новых районов создают предпосылки для их вовлечения в хозяйственный оборот и эффективного освоения [7].

До введения налога на добычу одним из индикаторов поведения нефтяных компаний применительно к налоговой сфере в регионах добычи выступали цены реализации нефти, на основе которых уплачивались роялти и платежи на воспроизводство минерально-сырьевой базы. Уровень этих платежей зависел от цен реализации нефти, и они в основном направлялись в региональные бюджеты. В современных условиях в качестве такого индикатора также можно рассматривать цены на нефть, которые

определяют уровень уплаты ключевого, с позиций регионов, налога на прибыль. В современных условиях в рамках вертикально интегрированных компаний центры прибыли, как правило, формируются в «головных» структурах холдингов, которые в основном расположены не в регионах добычи, а в столицах. Исключения – компании «Сургутнефтегаз» (Ханты-Мансийский АО) и «Татнефть» (Татарстан).

В результате, например, в 2014 г. в рейтинге крупнейших регионов-получателей налога прибыль от нефтегазодобычи вслед за ХМАО (беспорный лидер) и Татарстаном 3-ю и 4-ю позицию занимали... Москва и Ленинградская область (рис. 3).

Млрд руб.

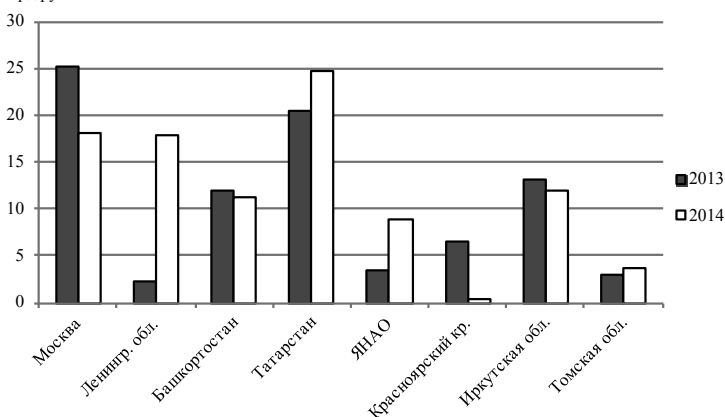

Рис. 3. Налог на прибыль, направляемый в региональные бюджеты от нефтегазовых компаний в 2013–2014 гг., млрд руб.

Учитывает ли налоговый маневр интересы регионов?

На федеральный бюджет, как и на бюджеты нефтегазовых регионов, большое влияние оказывают частые изменения в налоговой системе. Так, в 2014 г. было принято решение провести большой налоговый маневр в нефтегазовом секторе, существенно снизив экспортные пошлины на нефть и нефтепродукты и повысив налог на добычу, чтобы компенсировать бюджету выпадающие доходы. Одновременно были изменены соотношения между

пошлинами на различные нефтепродукты и нефть, снижены акцизы для сохранения уровня внутренних цен на нефтепродукты.

Необходимость такого маневра во многом была вызвана созданием Евразийского экономического союза. Поскольку, например, в Казахстане ставка экспортной пошлины на нефть намного ниже действовавшей в России, то создание союза могло привести к реэкспорту нефти через Казахстан с потерей бюджетных доходов для России. Другая причина маневра – отставание в темпах модернизации НПЗ.

Согласно налоговому маневру, предельная ставка экспортной пошлины на нефть снижается с 59% в 2014 г. до 30% в 2017 г., а базовая ставка налога на ее добычу – растет с 493 руб./т в 2014 г. до 919 руб./т в 2017 г. (табл. 1). Предусмотрены постепенное увеличение ставки экспортных пошлин на нефтепродукты и снижение ставки акцизов на моторные топлива.

Таблица 1. Динамика ставок экспортной пошлины и налога на добычу в 2014–2017 гг.

Год	Налог на добычу, руб./т		Экспортная пошлина, %	
	старые условия	маневр	старые условия	маневр
2014	493	493	59	59
2015	530	766	57	42
2016	559	857	55	36
2017	559	919	55	30

При подготовке и анализе параметров маневра основные дискуссии велись между нефтегазовым комплексом и Минфином РФ о том, в какой степени изменится налоговая нагрузка, сохранится ли уровень налоговых платежей в федеральный бюджет. При этом влиянию налогового маневра на формирование региональных бюджетов не уделялось требуемого внимания.

Какие возможные риски несет такое решение с точки зрения формирования региональных бюджетов, прежде всего нефтедобывающих субъектов Федерации? Например, к чему может привести снижение экспортной пошлины на нефть? Высокие пошлины помогали удерживать на относительно низком уровне цены внутри России, поскольку равновесные цены формируются с учетом затрат на ее транспортировку, экспортной пошлины и НДС. Соответственно, снижение экспортных пошлин будет способствовать росту внутренних цен на нефть, а затем –

и на нефтепродукты. К тем же результатам на внутреннем рынке приведет увеличение налога на добычу нефти.

С позиций нефтегазовых регионов важно, в какой степени цены на нефть будут реагировать на эти изменения. Если цены реализации вырастут в большей степени, чем налог на добычу, то налог на прибыль может повыситься. Но из-за возможных ограничений на увеличение цен для продукции нефтепереработки (имеющих важное социальное значение) вряд ли добывающим регионам следует ждать прироста налоговых поступлений. Так, по оценкам Центра рационального недропользования им. В.И. Шпильмана (ХМАО), в результате налогового маневра прогнозируется сокращение налоговых поступлений в бюджет округа в 2015–2017 гг. на уровне 9–11% [8].

Поскольку этот маневр разрабатывался в условиях высоких цен на нефть, прогнозировалось, что при ценах до 70 долл./барр. налоговая нагрузка на комплекс уменьшится. Но при низких ценах на нефть (50–60 долл./барр.) налоговая нагрузка увеличивается по сравнению с действовавшей ранее налоговой системой. Когда формировались параметры налогового маневра, сценарий такого резкого снижения цен просто не рассматривался.

Таким образом, основные новации маневра ведут к росту цен на внутреннем рынке на нефть, а затем и на нефтепродукты. Поэтому маневр предусматривает снижение акцизов на моторное топливо (бензин, дизельное топливо). Но сможет ли это снижение нивелировать ожидаемый рост внутрироссийских цен на нефть? Этот вопрос остается ключевым для населения и всех потребителей моторного топлива.

При этом основная часть (около 85%) акцизов на нефтепродукты поступает в региональные бюджеты (преимущественно для формирования дорожных фондов). Таким образом, бюджетные доходы регионов будут сокращаться из-за изменения ставок акцизов. Федеральный центр намерен компенсировать выпадающие (из-за снижения акцизов) доходы регионов, но остается вопрос: будут ли они компенсированы в полном объеме или только частично?

Таким образом, налоговый маневр создает дополнительные риски для формирования бюджетов нефтедобывающих регионов: налог на прибыль и так во многом зависит от политики нефтегазовых компаний. Вряд ли этот налог вырастет при низких

экспортных ценах на нефть и увеличении налоговой нагрузки на комплекс.

С позиций интересов нефтегазовых регионов необходима разработка механизмов формирования «справедливой» налоговой базы, прежде всего, для налога на прибыль. Такие механизмы должны включать формирование системы справочных (региональных) цен на нефть, используемых для определения налоговой базы нефтяных компаний. При их расчете должны учитываться поставки части продукции на экспорт по более высоким ценам, чем во внутрикорпоративном обороте компаний.

Формирование справедливой налоговой базы следует тесно увязать с дальнейшей налоговой реформой в нефтегазовом комплексе. Так, без объективизации издержек и «справедливых» цен будет сложно перейти к использованию налоговых механизмов (например, налога на дополнительный доход от добычи углеводородов), учитывающих финансовые результаты освоения того или иного участка недр или месторождения.

Один из проблемных и дискуссионных вопросов – участие регионов в распределении налога на добычу по нефти и газу (хотя бы в очень небольшой части). Есть основания при его распределении между бюджетами учитывать дополнительные издержки со стороны субъектов Федерации, в том числе экологические, а также связанные с формированием и поддержанием дополнительной социальной инфраструктуры.

К тому же 60% налога на добычу большинства полезных ископаемых зачисляется в бюджеты субъектов Федерации. В этом отношении нефтегазовые регионы оказываются в неравных условиях с рядом других территорий, где добываются значительные объемы угля, никеля, золота.

Требуется повышение роли региональных органов власти в регулировании сферы недропользования, в том числе нефтегазового комплекса. Это касается, например, вопросов налогового стимулирования, лицензирования, мониторинга и контроля процессов освоения недр в целом и нефтегазовых ресурсов, в частности, участия в регулировании деятельности локальных монополий. Регионы должны занимать более активную позицию,

подкрепленную адекватным уровнем полномочий и сфер компетенций, в обсуждении и формировании федеральной и региональной нормативно-правовой базы по рассмотренным вопросам [9].

Положение, когда регионы отстранены от прямого участия в процессах регулирования, вряд ли можно признать рациональным. Основные причины их привлечения к решению данных проблем связаны, в том числе, с уменьшением размеров нефтегазовых объектов, вовлекаемых в хозяйственный оборот, и необходимостью более «тонкого» регулирования процессов освоения и разработки таких объектов, а также уже зрелых, истощенных месторождений. Активное и заинтересованное участие регионов будет способствовать повышению социально-экономической отдачи от освоения нефтегазовых ресурсов для общества в целом, для федерального и регионального уровней.

Литература

1. *Крюков В.А., Токарев А.Н.* Особенности недропользования в России: анализ с позиции институционального подхода // Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки. – 2005. – Т. 5. – № 2. – С. 110–123.
2. *Крюков В.А., Токарев А.Н., Шмат В.В.* Как сохранить наш «нефтегазовый очаг»? // ЭКО. – 2014. – № 3. – С. 5–29.
3. *Крюков В.А., Севастьянова А.Е., Силкин В.Ю., Токарев А.Н., Шмат В.В.* Управление процессом формирования ценности потока углеводородов (на примере перспектив использования газовых ресурсов Восточной Сибири). – Новосибирск, 2011. – 360 с.
4. Сургутнефтегаз в Якутии: десять лет спустя // Нефтегазовая вертикаль. – 2014. – № 19. – С. 64–67.
5. Ванкор: от нефтяного месторождения к диверсифицированному кластеру. – Красноярск, 2014. – 31 с.
6. *Крюков В.А., Силкин В.Ю., Токарев А.Н., Шмат В.В.* Как потушить факелы на российских нефтепромыслах: институциональный анализ условий комплексного использования углеводородов (на примере попутного нефтяного газа) / Отв. ред. В.В. Кулешов; ИЭОПП СО РАН. – Новосибирск, 2008. – 340 с.
7. *Токарев А.Н.* Региональная дифференциация налогообложения в нефтяной отрасли России // Регион: экономика и социология. – 2013. – № 1. – С. 73–90.
8. *Филатов С.А., Клицук М.Н.* Налоговый маневр: возможные последствия // Нефтегазовая вертикаль. – 2015. – № 2. – С. 50–51.
9. *Крюков В.А., Токарев А.Н.* Недропользование и проблемы сырьевых территорий с позиций российского федерализма // Регион: экономика и социология. – 2003. – № 4. – С. 15–36.

Ресурсные регионы: экономические возможности и финансовая справедливость

С.В. БЕЛОУСОВА, кандидат экономических наук, Иркутский научный центр СО РАН, Отдел региональных экономических и социальных проблем.
E-mail: belousova-@mail.ru

В статье дан анализ вклада регионов в экономические результаты и финансовые ресурсы страны, а также собственных возможностей и итогов развития. С помощью кластерного метода проведена группировка регионов по уровню добавленной стоимости по разделу «Добыча ресурсов» в объеме ВРП с последующим статистическим анализом данных групп по широкому ряду макроэкономических показателей. Установлено, что, давая приоритетные вложения в федеральный бюджет, ресурсные регионы находятся в худшем положении по уровню приходящегося на них объема консолидированного бюджета субъекта РФ на душу населения, при более остром их социальном положении. Сделан вывод о необходимости трансформации институциональных условий функционирования ресурсных регионов, в том числе для привлечения инвестиций по расширению переработки сырья.

Ключевые слова: ресурсные регионы, ресурсодобывающие регионы, социальная и финансовая справедливость, налоги на добычу полезных ископаемых

Понятие «ресурсные регионы» является скорее географическим термином и подразумевает лишь наличие некоторого материального потенциала, могущего служить, наряду с другими, ресурсом хозяйствования. Развитие этого потенциала зависит от индивидуальных решений бизнеса, которые все чаще оцениваются как сложный субъективный механизм, связанный с политической сферой. При этом регион с его природным потенциалом часто остается лишь географическим местом, поскольку характеристика «ресурсодобывающей» для территории практически ничего не меняет в ее социально-экономической жизнедеятельности. Так, традиционно к «ресурсодобывающим» регионам относят «...территории, где разработка полезных ископаемых составляет большую часть валового регионального продукта, обеспечивает основные налоговые поступления в региональный

бюджет и занятость населения» [1]. Неоднозначность этого определения очевидна, поскольку оно объединяет три характеристики, часто либо не имеющие совместного действия, либо имеющие противоположную тенденцию.

Для целей анализа состояния групп регионов страны по уровню реализации их ресурсного потенциала было проведено ранжирование по доле добычи полезных ископаемых в объеме валовой добавленной стоимости субъектов РФ. Анализ выборки ресурсодобывающих, или ресурсных, регионов показывает, что, внося первостепенный вклад в развитие экономики страны, они тем не менее не имеют как точного научного определения, так и общепризнанной правовой и социальной специфики, позволяющей фиксировать условия и требования их развития.

Имеющиеся определения ресурсных регионов включают, по крайней мере, три условия их отнесения к этой группе, при этом на практике сложившиеся правовые и налоговые механизмы позволяют использовать только одно: значимый уровень добавленной стоимости по разделу «Добыча ресурсов» в объеме ВРП. Используя последний критерий, мы сформировали три группы регионов по уровню добавленной стоимости по разделу «Добыча ресурсов» в объеме ВРП.

В их числе – группа из 27 ресурсных регионов с уровнем добавленной стоимости по разделу «Добыча ресурсов» в объеме ВРП выше среднероссийского уровня (11,2%); группа из 33 нересурсных регионов (уровень добавленной стоимости ниже 1%) и средние – 23 региона с уровнем добавленной стоимости по разделу «Добыча ресурсов» в объеме ВРП ниже 10%, но выше 1% (табл. 1).

Из 27 «ресурсных» регионов 85% их общей территории приходится на Урал, Сибирь, Северо-Запад и Дальний Восток. Отдаленность, суровый климатический режим вкупе с интенсивным промерзанием горных пород и практически повсеместной многолетней мерзлотой делают эти регионы неблагоприятными как для жизни, так и для хозяйственной деятельности. Тем не менее эти ресурсные регионы обладают доминирующими позициями по объему ВРП, но полученный экономический результат никак не влияет на уровень их финансового, социального и иного благополучия.

Таблица 1. Группировка субъектов РФ по доле добычи полезных ископаемых в валовой добавленной стоимости субъектов РФ за 2012 г., %

№	Ресурсный регион	Доля	ФО	№	Нересурсный регион	Доля	ФО
1	Ненецкий АО	71,0	СЗФО	1	Липецкая обл.	0,9	ЦФО
2	Ханты-Мансийский АО	68,5	УФО	2	Ставропольский кр.	0,8	ЮФО
3	Сахалинская обл.	61,6	ДВФО	3	Воронежская обл.	0,6	ЦФО
4	Тюменская обл.	54,5	УФО	4	Краснодарский кр.	0,6	ЮФО
5	Ямало-Ненецкий АО	52,0	УФО	5	Респ. Дагестан	0,6	СКФО
6	Респ. Саха (Якутия)	42,9	ДВФО	6	Смоленская обл.	0,5	ЦФО
7	Оренбургская обл.	37,0	ПФО	7	Пензенская обл.	0,5	ЦФО
8	Чукотский АО	35,2	ДВФО	8	Омская обл.	0,5	СФО
9	Респ. Коми	32,2	СЗФО	9	Еврейская АО	0,5	ДВФО
10	Томская обл.	31,4	СФО	10	Владимирская обл.	0,4	ЦФО
11	Кемеровская обл.	26,9	СФО	11	Калужская обл.	0,4	ЦФО
12	Удмуртская Респ.	25,8	ПФО	12	Тульская обл.	0,4	ЦФО
13	Архангельская обл.	25,8	СЗФО	13	Кировская обл.	0,4	ЦФО
14	Респ. Татарстан	21,3	ПФО	14	Ивановская обл.	0,3	ЦФО
15	Астраханская обл.	19,2	ЮФО	15	Рязанская обл.	0,3	ЦФО
16	Магаданская обл.	18,6	ДВФО	16	Тверская обл.	0,3	ЦФО
17	Пермский кр.	17,3	ПФО	17	Новгородская обл.	0,3	ЦФО
18	Мурманская обл.	16,5	СЗФО	18	Московская обл.	0,2	ЦФО
19	Белгородская обл.	16,0	ЦФО	19	Псковская обл.	0,2	ЦФО
20	Иркутская обл.	15,7	СФО	20	Респ. Северная Осетия – Алания	0,2	СКФО
21	Красноярский кр.	15,2	СФО	21	Брянская обл.	0,1	ЦФО
22	Самарская обл.	14,7	ЦФО	22	Костромская обл.	0,1	ЦФО
23	Амурская обл.	14,6	ДВФО	23	Орловская обл.	0,1	ЦФО
24	Респ. Карелия	13,5	СЗФО	24	Ярославская обл.	0,1	ЦФО
25	Курская обл.	12,3	ЦФО	25	Вологодская обл.	0,1	ЦФО
26	Респ. Хакасия	11,9	СФО	26	г. Санкт-Петербург	0,1	СЗФО
27	Забайкальский край	11,0	СФО	27	Кабардино-Балкарская Респ.	0,1	СКФО
	Российская Федерация	11,2		28	Респ. Марий Эл	0,1	ПФО
			29	Чувашская Респ.	0,1	ПФО	
			30	Нижегородская обл.	0,1	ЦФО	
			31	Тамбовская обл.	0,0	ЦФО	
			32	г. Москва	0,0	ЦФО	
			33	Респ. Мордовия	0,0	ПФО	

Давая приоритетные вложения в федеральный бюджет, регионы практически никак не отличаются по уровню консолидированного бюджета субъекта РФ на душу населения (табл. 2).

Таблица 2. Удельные социально-экономические параметры по группам субъектов РФ, выделенных по уровню их добычи ресурсов за 2012 г., млн руб./ чел.

Показатель на душу населения	Регионы		
	ресурсные	нересурсные	средние
Объем ВРП	581,72	330,9	218,57
Полученные доходы федерального бюджета	49,3	16,56	19,5
Налоги и сборы в консолидированный бюджет субъекта РФ	41,05	41,17	25,7
Доходы консолидированного бюджета субъекта РФ	61087,82	59471,93	43211,17
Расходы консолидированного бюджета субъекта РФ	64284,63	61004,93	44511,11

При этом сами регионы по уровню остроты социальных проблем находятся в худшем состоянии (табл. 3).

Таблица 3. Средние социально-экономические параметры развития групп регионов РФ, сгруппированных по уровню их добычи ресурсов за 2012 г.

Показатель на душу населения	Регионы		
	ресурсные	нересурсные	средние
Доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума, %	12,1	12,3	15,9
Коэффициент смертности на 10000 чел.	14,76	12,044	12,44
Заболеваемость на 1000 чел.	884,096	773,12	768,9
Коэффициент Джини	0,405	0,39	0,65
Коэффициент фондов	15,08	13,37	13,01
Децильный коэффициент	6,9	6,3	5,9
Число зарегистрированных преступлений на 100 тыс. чел.	1884,8	1377,45	1545,8

Возможности изменения сложившегося неблагоприятного социального положения безусловно связываются с финансовыми потребностями и расходами территорий, оценить которые позволил анализ механизма реализации консолидированного бюджета РФ по субъектам РФ в разделе отраслевых и функциональных расходов. В итоге было установлено, что бюджетные затраты по основным социально-экономическим функциям не имеют прямой взаимосвязи как с гипотетическими финансовыми возможностями ресурсных регионов, так и с остротой проблем их развития. Так, например, социальные расходы как в абсолютном

выражении, так и на душу населения у ресурсных регионов почти в два раза ниже, чем у нересурсных, в частности, по статье «Образование» – на 30%, «Здравоохранения» – на 20% и т. д. (табл. 4).

Таблица 4. Суммарные и удельные объемы расходов консолидированного бюджета РФ по группам регионов РФ, сгруппированных по уровню добычи ресурсов за 2012 г.

Группа расходов		Регионы		
		ресурсные	нересурсные	средние
Национальная экономика	Всего, млрд руб.	505,2	892,6	318,2
	Тыс. руб. на 1 чел.	12,89	13,35	8,115
Национальная безопасность	Всего, млрд руб.	35,8	44,1	24,25
	Тыс. руб. на 1 чел.	0,91	0,65	0,617
Национальная оборона	Всего, млрд руб.	3,469	4,184	0,899
	Тыс. руб. на 1 чел.	1,793	3,779	1,19
Социальная политика	Всего, млрд руб.	367,6	645,1	289,3
	Тыс. руб. на 1 чел.	177,65	541,3	353,46
Охрана окружающей среды	Всего, млрд руб.	7,613	13,563	4,311
	Тыс. руб. на 1 чел.	18,917	22,23	9,48
Физическая культура и спорт	Всего, млрд руб.	58	76,45	32,7
	Тыс. руб. на 1 чел.	1,48	1,14	0,83
Средства массовой информации	Всего, млрд руб.	11,07	21,23	7,54
	Тыс. руб. на 1 чел.	0,0024	0,0049	0,005
Общегосударственные вопросы	Всего, млрд руб.	198,3	228,9	133,3
	Тыс. руб. на 1 чел.	0,069	0,153	0,28
Здравоохранение	Всего, млрд руб.	366,3	592,8	279,8
	Тыс. руб. на 1 чел.	0,227	0,215	0,277
Образование	Всего, млрд руб.	751,7	963,2	559,7
	Тыс. руб. на 1 чел.	962,85	972,92	8758,9
Межбюджетные трансферты	Всего, млрд руб.	194,5	80,7	90,5
	Тыс. руб. на 1 чел.	0,017	0,102	0,19
Обслуживание государственного долга	Всего, млрд руб.	23,712	52	12,15
	Тыс. руб. на 1 чел.	0,001	0,0023	0,001
Жилищно-коммунальное хозяйство	Всего, млрд руб.	263,5	464,3	145,1
	Тыс. руб. на 1 чел.	808,03	1143,03	394,4
Культура, кинематография	Всего, млрд руб.	86,5	132,8	61,7
	Тыс. руб. на 1 чел.	25,7	27,2	21,5
Общегосударственные вопросы	Всего, млрд руб.	26,6	2,9	2,3
	Тыс. руб. на 1 чел.	1,203	0,113	0,13

Ограниченность бюджетных средств сырьевых регионов заложена в Налоговом кодексе РФ, согласно которому 90% всех ресурсных платежей и более 8% всех доходов консолидированного бюджета России приходится на налог на добычу полезных ископаемых, идущий в большинстве случаев в федеральный бюджет. Региональным бюджетам остаются лишь налоги с добычи общераспространенных полезных ископаемых (песок, глина, гравий и т. п.).

Эксперты [2] неоднократно отмечали необходимость отчисления налога на добычу полезных ископаемых в бюджеты регионов, особенно это касается сибирских и дальневосточных территорий, которым необходимы средства не только на проведение геологоразведки, укрепление экономического потенциала, но и для инфраструктурного выравнивания с европейской частью страны. В этом же ключе звучит призыв премьер-министра Д. А. Медведева: «Субъекты РФ должны получить больше возможностей, чтобы получать больше доходов от добычи полезных ископаемых» [3], который, однако, «повис в воздухе».

Другой вариант решения проблемы – возвращение части налога в качестве инвестиционных проектов по созданию производств по глубокой переработке сырьевых ресурсов: природных ископаемых, древесины, сельскохозяйственной продукции. Однако для этого необходима серьезная проработка привлекательности таких инвестиций. Потенциальные инвесторы основную причину ограниченности вложений связывают с высокой неопределенностью в отношении текущего и будущего налогообложения. «Налоговая система отрицательно влияет на принятие инвестиционных решений не столько тяжестью нагрузки, сколько своей неопределенностью» [4]. Так, например, ставки экспортных пошлин на нефтепродукты законодательно не установлены, а при текущих их размерах эффективность вложений в глубокую переработку нефти (внутренняя норма доходности) составляет всего 10–15%, в то время как для инвестиций в первичную ее перегонку доходность достигает 30–35% [5]. Изменить ситуацию могло бы снижение пошлин на экспорт нефтепродуктов при росте – для нефти, но требования политического характера, связанные с подписанием Договора о ЕАЭС, диктуют иной подход – снижение экспортных пошлин на нефть до уровня, например, Казахстана, т. е. в 4,5 раза.

Реализовать такую задачу Правительство РФ планирует посредством налогового маневра, который, однако, по оценкам экспертов, только «стимулирует экспорт сырья и дестимулирует его переработку на внутренний рынок» [6]. Стремление увеличить бюджетные доходы за счёт роста налога на добычу полезных ископаемых по нефти в 1,7 раза, по газовому конденсату – в 6,5 раза при поэтапном снижении экспортной пошлины на нефть и снижении акцизов имеет скорее компенсационную цель для бюджета. Хотя этот маневр мог бы сбалансировать изъятие природной ренты, которая, по оценкам экспертов, в нефтяной отрасли составляет до 90%, а в газовой – лишь 35%.

Как бы то ни было, но подобный налоговый маневр не способствует инвестиционному стимулированию проектов переработки, замораживая проблему крайней неэффективности сырьевого сектора экономики из-за того, что сырье транспортируется на тысячи километров для дальнейшей переработки. В итоге для регионов такой маневр грозит лишь потерями как в хозяйственной, так и в финансовой сфере. Эксперты ожидают усугубления финансовых проблем в нефтепереработке, что вызовет рост цен на бензин, дизтопливо и др. Уменьшатся доходы региональных дорожных фондов, основным источником которых являются акцизы на сырьевые продукты, и т. д.

При отсутствии потенциального роста налоговых поступлений от расширения производства, включая переработку сырья, возможности региональных бюджетов ограничены конкурентной борьбой за лучшие позиции в перераспределительной политике. Такая политика в аспекте межбюджетных отношений на текущий момент делает акцент на выравнивание уровня бюджетной обеспеченности регионов, часто игнорируя вопросы справедливости в отношениях как периферийных территорий со столичными, так и между собой.

Рассмотрение последних проблем в аспекте территориальной и социальной справедливости в основном ограничено вопросами вертикальных и горизонтальных дисбалансов в модели бюджетного устройства, решение которых строится на основе различных механизмов трансфертов, субсидий и заимствований. Между тем **оптимальным подходом могли бы стать налоговая автономия и самодостаточность бюджетов регионов вместе с принятием**

для всей России единого уровня минимальных социальных стандартов, которые на текущий момент определены крайне избирательно и расплывчато.

Проходящие реформы межбюджетных отношений в большей степени направлены не столько на четкое разделение полномочий между бюджетами различных уровней, сколько, как считают эксперты, на финансовое подчинение регионов федеральному центру. Поэтому реальное положение дел в бюджетной сфере эксперты характеризуют как процесс строительства «гибридного режима» бюджетной системы страны в форме унитарного федерализма [7], который направлен на последовательное усиление полномочий федерального центра для целей построения жесткой вертикали власти.

Изменить ситуацию призвана территориальная политика формирования программ для регионов, обладающих элементами особого статуса (к ним относят более 80% территории России, где проживают около 50% населения страны) [8]. «Территории с особым статусом», «особые территории» или «особые регионы», устанавливаются отдельными учредительными нормами и обладают особыми механизмом управления и правовыми основами функционирования. В этом случае создается прецедент единства как объекта развития, так и субъекта действий в лице федеральной, региональной и местной властей, консолидирующих свои действия, что позволяет лучше согласовывать интересы власти и общества, формировать не только «экономический кулак», но и мотивационный вектор развития. Правда, этот вариант чаще избирательно используется для решения частных политических задач в ущерб социальным.

Подобная «особость» территорий проявляется, в том числе, в финансовой, налоговой и иных сферах. Так, для трех регионов (Республика Саха (Якутия), Пермский край и Астраханская область) действует поправка в Бюджетный кодекс, согласно которой они имеют право распоряжаться всеми поступлениями от налога на добычу алмазов. В этом случае, думается, из-за природных, климатических и социальных условий функционирования ресурсных регионов необходимо установление их особого юридического и экономического статуса, позволяющего не только решать их острые социально-экономические проблемы, но и предоставлять

дополнительные экономические преференции для привлечения субъектов переработки сырья, что будет способствовать большей социальной и финансовой справедливости.

Литература

1. *Радушинский Д. А.* Эффективные подходы к сбалансированному развитию добывающих регионов // Современные научные исследования и инновации. – 2013. – № 7. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2013/07/25590> (дата обращения: 07.05.2015).
2. *Голованов Г. Р.* Правовое регулирование налога на добычу полезных ископаемых. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. к. ю.н. – М.: Всероссийская государственная налоговая академия, 2009.
3. Регионы должны получать больше доходов от ископаемых // РИА Новости [Электронный ресурс] URL: <http://ria.ru/economy/20090925/186347357.html> (дата обращения: 05.02.2015) .
4. *Тарасюк В.* Инвестиционный потенциал нефтеперерабатывающей отрасли // Бурение и нефть. – 2011. – № 11. URL: <http://burneft.ru/archive/issues/2011-11/1> (дата обращения: 07.05.2015).
5. Широкий круг узких мест // Энергополис. – 2010. – № 3. URL: http://energyopolis.ru/portal/2010/2010_03/303-shirokij-krug-uzkix-mest.html (дата обращения: 05.02.2015) .
6. *Костин Ф. И.* Налоговое стимулирование инвестиционной активности в секторе обрабатывающей промышленности // Экономические науки. – 2010. – № 8 (69). – С. 123–127.
7. *Швецов А.* Региональная политика в российской унитарной Федерации // Федерализм. – 2008. – № 2. – С. 5–27.
8. *Максимова И. И.* Территории с особым статусом: типологические и институциональные аспекты. Дисс. на соиск. уч. ст. д. э. н. – М.: Ин-т системного анализа РАН, 2010. – 477 с.

Ресурсная экономика: бюджетный отклик^{*}

П.В. ГУЛЯЕВ, кандидат экономических наук, Научно-исследовательский институт региональной экономики Севера Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, Якутск, E-mail: petr_gulyaev@mail.ru

В статье проанализировано влияние результатов хозяйственной деятельности крупного горнодобывающего предприятия на объём налоговых доходов бюджета региона ресурсного типа. Представлена динамика показателей, характеризующих зависимость налоговых доходов бюджета от прибыли и фонда оплаты труда.

Ключевые слова: ресурсная экономика, горнодобывающая компания, бюджетный отклик, налоговые доходы, прибыль, фонд оплаты труда, модель с передаточными отношениями

Республика Саха (Якутия) относится к регионам России, экономика которых специализирована на добыче полезных ископаемых (сырьевые территории, ресурсные регионы) [1]. По общему объёму запасов всех видов природных ресурсов республика занимает первое место в Российской Федерации, а по объёму добычи алмазов, золота, олова и сурьмы – ведущие места. Широкие перспективы связаны с месторождениями редкоземельных металлов, имеющими стратегическое значение для всех развитых стран [2].

Экономика Республики Саха (Якутия) имеет ярко выраженную экспортно-ориентированную специализацию с высокой зависимостью от сырьевых отраслей – алмазо-, угле-, золотодобычи, нефтегазовой промышленности. Коэффициент специализации на горнодобывающей промышленности Якутии в 2013 г. составлял 5,36. В структуре ВРП республики доля стоимости, возникающей от добычи и реализации полезных ископаемых, составляет 36,1%. На ее территории осуществляют свою деятельность такие крупные российские компании, как «АЛРОСА», «Сургутнефтегаз», «Транснефть», «Мечел», «Газпром», «Роснефть» и «РусГидро».

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках базовой части государственного задания на выполнение НИР «Оптимизация систем управления финансами Республики Саха (Якутия) в соответствии с потребностями устойчивого социально-экономического развития Северо-Востока России» (проект № 01201460079).

Ведущая отрасль экономики республики – алмазодобывающая, которая создает основную долю валового продукта в региональном промышленном производстве и существенно влияет на поступления налоговых доходов в региональный бюджет. На территории республики добывается 99,8% алмазов в РФ – это около 25% от объема мировой добычи [3]. На государственном балансе полезных ископаемых Якутии учитываются 40 месторождений алмазов, а крупнейшим продуцентом алмазов является компания «АЛРОСА». Также на территории республики добычу алмазного сырья осуществляют такие крупные предприятия, как ОАО «Алмазы Анабара» и ОАО «АЛРОСА-Нюрба». При этом на территории районов, относящихся к «алмазной провинции», данные предприятия являются градообразующими.

Налоговые платежи алмазодобывающих предприятий формируют значительную часть доходов государственного бюджета Республики Саха. Поэтому в системах управления региональными финансами особое внимание уделяется оценке степени влияния результатов хозяйственной деятельности крупных горнодобывающих предприятий на бюджетную систему и бюджетный процесс. В 2013 г. Правительством Якутии был принят Комплексный план по увеличению поступления налоговых и неналоговых доходов в консолидированный бюджет республики, включающий мероприятия, нацеленные на оптимизацию налогообложения горнодобывающих предприятий.

Методика оценки влияния результатов хозяйственной деятельности крупного горнодобывающего предприятия на объем налоговых доходов бюджета региона ресурсного типа разработана на основе анализа деятельности акционерной компании «АЛРОСА». При проведении исследования предполагалось, что оценка степени этого влияния может быть формализована с помощью методов и инструментов функционального анализа.

Исследованием были поставлены и решены следующие задачи:

- выделены основные налоги в структуре налоговых доходов бюджета республики, которые могут соотноситься с деятельностью АК «АЛРОСА»;

- проведен анализ результатов деятельности АК «АЛРОСА», влияющих на поступление выделенных налогов;

- дано аналитическое представление зависимости выделенных налоговых доходов бюджета Якутии от результатов деятельности АК «АЛРОСА».

По данным Министерства финансов Республики Саха (Якутия), в 2013 г. более половины налоговых доходов консолидированного бюджета республики обеспечивается поступлением налога на прибыль организаций (29,6%) и налога на доходы физических лиц (НДФЛ) (35,7%) (налоги, сборы и регулярные платежи за пользование природными ресурсами – 13,6%, налоги на имущество – 13,2%). Поэтому целесообразно провести анализ зависимости данных видов налоговых поступлений от результатов деятельности АК «АЛРОСА» на территории республики. Основными результатами деятельности этой компании, влияющими на налог на прибыль и НДФЛ, поступающие в бюджет республики, являются прибыль до налогообложения и фонд платы труда (таблица).

Динамика показателей АК «АЛРОСА» и доходов бюджета Республики Саха (Якутия) в 2004–2013 гг., млрд руб.

Показатель	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Доходы бюджета РС (Я)	42,88	51,75	56,03	65,34	79,62	92,68	104,99	126,14	140,19	153,84
Налоговые доходы бюджета РС (Я)	20,42	23,84	24,89	33,06	35,90	34,52	47,18	60,04	69,30	71,22
Доходы бюджета РС (Я) от налога на прибыль	5,67	7,57	6,91	10,69	13,90	7,77	14,63	23,79	27,39	21,10
Доходы бюджета РС (Я) от НДФЛ	6,52	7,78	9,22	11,92	14,33	15,84	17,41	19,70	22,81	25,39
Объем добычи алмазов АК «АЛРОСА», млн карат	38,86	38	38,36	35,3	40,7	39,8	34,3	34,6	34	36,9
Выручка АК «АЛРОСА»	64,13	72,15	75,84	71,89	73,98	63,84	96,82	117,78	129,48	138,22
Прибыль АК «АЛРОСА» до налогообложения	15,62	17,74	18,76	21,13	14,56	12,14	28,86	41,56	49,14	43,40
Налог на прибыль АК «АЛРОСА»	3,20	3,50	5,56	4,74	2,41	0,11	3,20	8,10	7,80	7,40
Фонд оплаты труда АК «АЛРОСА»	11,40	12,54	13,71	15,22	18,05	15,71	17,10	23,32	29,77	32,89

Источник: Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://sakha.gks.ru>

Официальный сайт АК «АЛРОСА». URL: <http://www.alrosa.ru/>

Как видно из таблицы, поступления налога на прибыль организаций в 2013 г. сократились на 23% к уровню 2012 г. (на 6,29 млрд руб.). Это обусловлено изменениями в налоговом

и бюджетном законодательстве: введение с 1 января 2012 г. в Налоговый кодекс РФ института консолидированных групп налогоплательщиков негативно сказалось на поступлении налога на прибыль в бюджет Якутии. Кроме того, причиной сокращения поступлений в бюджет является ухудшение результатов финансово-хозяйственной деятельности предприятий. Анализ динамики поступлений налога на прибыль показывает, что максимальный прирост наблюдался в 2011 г. (9,166 млрд руб.), а минимальный – в 2013 г. (–6,281 млрд руб.). Среднегодовой темп роста составил 16%, средний абсолютный прирост – 1,715 млрд руб.

Удельный вес НДС в налоговых доходах бюджета Республики Саха составляет 35,65%. Максимальный прирост наблюдался в 2012 г. – 3,117 млрд руб., а минимальный – в 2005 г. (1,255 млрд руб.). Поступление НДС в бюджет республики ежегодно увеличивалось в среднем на те же 16%, а средний абсолютный прирост равен 2,097 млрд руб.

Являясь самым крупным налогоплательщиком и работодателем в Якутии, АК «АЛРОСА» играет важнейшую роль в экономике региона. По итогам 2013 г. она обеспечила 40% общего объема производства в республике, доля в валовом региональном продукте составила 21%. При этом на протяжении последних пяти лет доля платежей компании в общем объеме налоговых поступлений в бюджет региона составляет в среднем 25% [4]. Общий объем выплаченных налоговых обязательств АК «АЛРОСА» в бюджеты и внебюджетные фонды в 2013 г. составил 26 881,2 млн руб. В бюджет республики в 2013 г. компания выплатила 15 093,1 млн руб. налогов (более 26% от общего объема налоговых поступлений). Сумма налоговых выплат в федеральный бюджет составила 8 010,6 млн руб., в бюджеты муниципальных образований – 491,3 млн руб.

На начало 2014 г. численность персонала компании, занятого на территории Якутии, составила 28 227 чел., а выплаты по налогу на доходы физических лиц в бюджет республики за 2013 г. составили 4 082,1 млн руб. с ростом к уровню 2012 г. на 3,5%. Приращение данного показателя, прежде всего, связано с увеличением на 13,9% номинальной начисленной заработной платы. Максимальный прирост прибыли до налогообложения АК «АЛРОСА» наблюдался в 2011 г. (22,696 млрд руб.), а минималь-

ный – в 2008 г. (–14,728 млрд руб.). Этот показатель ежегодно увеличивался в среднем на 28,644 млрд руб.

Графический анализ динамики величины прибыли АК «АЛРОСА» и доходов бюджета Республики Саха от налога на прибыль организаций в период с 2003 по 2013 гг. показывает наличие сильной корреляции между данными показателями (рис. 1). Траектория кривой «доходы бюджета от налога на прибыль» практически повторяет траекторию кривой «прибыль до налогообложения».

Рис. 1. Динамика доходов бюджета Республики Саха (Якутия) от налога на прибыль и прибыли АК «АЛРОСА» за 2003–2014 гг., млрд руб.

С 2008 по 2009 гг. наблюдается эффект с замедленной реакцией доходов бюджета на ухудшение результатов хозяйственной деятельности компании в связи с мировым экономическим кризисом 2008 г. В 2013 г. доходы бюджета от налога на прибыль организаций мгновенно отреагировали на изменение порядка уплаты налога на прибыль консолидированными группами налогоплательщиков. Это может свидетельствовать о различной природе данных реактивных эффектов.

Экономический кризис 2008 г. существенно повлиял на хозяйственную деятельность АК «АЛРОСА», так как компания реализует экспортоориентированную продукцию, спрос на которую зависит от состояния мировой экономики. При этом доходы бюджета Республики Саха (Якутия) от налога на прибыль организаций снизились только в 2009 г., что может говорить о наличии механизма, обеспечивающего замедленную реакцию региональной экономической и финансовой систем на изменения конъюнктуры

на мировых рынках. Даже при экспортоориентированном характере деятельности крупной бюджетообразующей компании региональная финансовая система при существующей отраслевой структуре экономики республики способна нивелировать последствия мировых финансовых и экономических кризисов.

Другой характер реакции бюджетной системы на заявляемый объем прибыли организаций наблюдается при изменении налогового законодательства. В 2012 г. все крупные компании, работающие на территории республики, заплатили налог на прибыль, используя институт консолидированных групп налогоплательщиков. Доходы бюджета Якутии от налога на прибыль уменьшились, мгновенно отреагировав на данное изменение.

Анализ динамики величины фонда оплаты труда (ФОТ) АК «АЛРОСА» показывает, что максимальный прирост наблюдался в 2011 г. (6,45 млрд руб.), минимальный – в 2009 г. (–2,34 млрд руб.), а ежегодное увеличение ФОТ компании в среднем составляет 2,33 млрд руб.

Графический анализ динамики величины фонда оплаты АК «АЛРОСА» и доходов бюджета Республики Саха от НДФЛ в период с 2003 по 2013 гг. показывает наличие корреляции между данными показателями (рис. 2), однако реакция доходов бюджета на колебания величины ФОТ имеет несущественный характер (доходы бюджета от НДФЛ практически не изменились при значительном уменьшении ФОТ компании в 2009 г.). Такая реакция может объясняться наличием в республике большого числа бюджетных учреждений, выплачивающих НДФЛ и не зависящих от рыночной конъюнктуры.

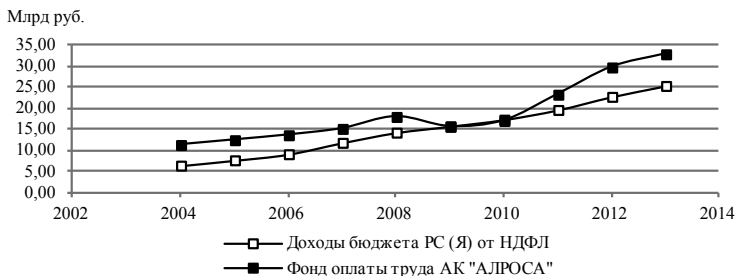

Рис. 2. Динамика фонда оплаты труда АК «АЛРОСА» и доходов бюджета Якутии от НДФЛ в 2003–2014 гг., млрд руб.

Таким образом, в условиях ресурсной экономики при наличии в регионе крупной бюджетообразующей корпорации можно утверждать, что:

- изменения рыночной конъюнктуры влияют на динамику доходов бюджета от налога на прибыль организаций «замедленным» образом;
- изменения налогового законодательства мгновенно воздействуют на динамику доходов бюджета от налога на прибыль организаций;
- изменения рыночной конъюнктуры практически не влияют на динамику доходов бюджета от НДС.

Для оценки степени зависимости налоговых доходов Республики Саха от результатов деятельности АК «АЛРОСА» был использован метод функционального анализа – двухфакторная модель с передаточными отношениями, построенная на основе исходных данных, представленных в таблице 1. Структурное описание модели представлено на рисунке 4, где:

x_1 - прибыль АК «АЛРОСА» до налогообложения;

x_2 - фонд оплаты труда АК «АЛРОСА»;

$W_1(x_1)$ - передаточное отношение (функция), отражающее зависимость: «доход бюджета республики от налога на прибыль организаций» – «прибыль компании до налогообложения»;

$W_2(x_2)$ - передаточное отношение (функция), отражающее зависимость дохода бюджета республики от НДС от фонда оплаты труда компании;

y – налоговые доходы бюджета Якутии (бюджетный отклик).

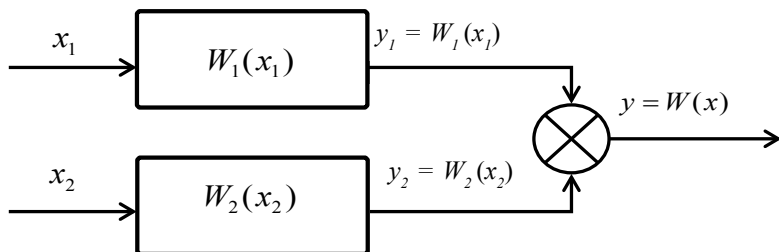

Рис. 4. Структура модели с передаточными отношениями, описывающей бюджетный отклик ресурсной экономики на результат деятельности компании

Расчет результирующего бюджетного отклика производится по формуле:

$$y = W(x) = W_1(x_1) + W_2(x_2).$$

Полученная модель является открытой, масштабируемой двухфакторной системой с передаточными отношениями. На вход системы могут подаваться различные комбинации условий, увеличивая при этом размерность модели и количество факторов, определяющих бюджетный отклик на деятельность крупной добывающей компании в регионе с ресурсной экономикой.

Результаты данного исследования могут применяться для оценки степени влияния хозяйственной деятельности крупных горнодобывающих предприятий на социально-экономическое развитие и на доходы бюджета региона с экономикой ресурсного типа.

Литература

1. *Крюков В. А.* Сырьевые территории в новой институциональной реальности // *Пространственная экономика*. – 2014. – № 4. – С. 26–60.

2. *Крюков В. А., Самсонов Н. Ю., Толстов А. В., Похиленко Н. П.* Томтор как приоритетный инвестиционный проект обеспечения России собственным источником редкоземельных элементов // *ЭКО*. – 2014. – № 2. – С. 22–32.

3. *Курнева М. В.* Минерально-сырьевой комплекс алмазодобывающей отрасли России // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. – 2014. – № 4–3. – С. 119–121.

4. *Николаев М. В., Григорьева Е. Э.* Алмазная биржа в Республике Саха (Якутия) // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. – 2014. – № 4–3. – С. 124–126.

Современный валютный кризис в России

Д.А. ФОМИН, кандидат экономических наук, Новосибирский государственный технический университет. E-mail: fomin-nsk@yandex.ru

Непрерывное изменение валютного курса российского рубля на протяжении всего 2014 г. является результатом сложного взаимодействия различных политических, экономических и внешнеторговых факторов. Статья содержит анализ валютного рынка России и субъектов, определяющих его конъюнктуру. Рассматриваются последствия обесценивания рубля, предлагаются меры по стабилизации валютного рынка.

Ключевые слова: валютный рынок, внешний долг, валютный курс, Центральный банк, российский экспорт, российский импорт, государственное регулирование экономики

Критическим для российской национальной валюты стал 2014 г., особенно его вторая половина. Однако предпосылки валютного кризиса и обесценивания¹ рубля вызревали давно. Валютный рынок представляет собой не только важнейший инструмент международного обмена, но и индикатор состояния национальной экономики.

В статье рассматриваются факторы, влияющие на спрос и предложение валюты, как с точки зрения их происхождения (внутренние или внешние), так и с позиций субъектов рынка.

Предпосылки

Непосредственные предпосылки валютного кризиса были сформированы еще в 2013 г. По нашим с Г.И. Ханиным расчетам, основанным на анализе динамики энергопотребления и грузоперевозок, в 2013 г. произошло сокращение промышленного производства примерно на 2–3% [1]. Поначалу это не повлекло снижения доходов населения и спада инвестиций, но сказалось на внешнеторговых операциях. Если собственное производство падает, значит, уменьшаются экспортные возможности, объем продаж российской продукции должен сократиться, а импорт-

¹ В экономической, а особенно в публицистической литературе повышение валютного курса часто называют девальвацией. Это неверно, так как термин «девальвация» означает уменьшение золотого содержания в денежной единице, что в условиях отмены золотого стандарта не имеет никакого значения. «Обесценивание» – более правильный и понятный термин.

ные поставки с целью компенсации этого спада – увеличиться. Именно это и случилось. По данным Росстата, рассчитанным по методологии платежного баланса, объем экспорта в 2013 г. сократился на 0,9% к уровню 2012 г., а импорт увеличился на 2,6% [2].

Это изменило конъюнктуру валютного рынка. Из-за сокращения выручки российских экспортных компаний снизилось предложение валюты на внутреннем рынке. Одновременно российские компании-импортеры увеличили закупки на мировом рынке, что повысило давление на валютный рынок со стороны спроса. Спрос на валюту и одновременно сокращение ее предложения на рынке повлекли за собой повышение цены на валюту и рост обменного курса.

Таким образом, **предпосылки валютного кризиса имеют длительную эволюцию и связаны с падением производства в России.** Кризис обусловили внутренние долгосрочные факторы развития российской экономики, связанные с ее хронической недоинвестированностью и истощенностью советского материального и кадрового наследия, критической зависимостью российского потребительского рынка и сферы инвестиций от импорта.

На эти долгосрочные крайне неблагоприятные для российского валютного рынка факторы наложился ряд внешних и внутренних обстоятельств, прежде всего, введение санкций западных стран. Наиболее негативное воздействие оказал запрет на кредитование западными банками отечественных компаний. Дешевые западные кредиты традиционно рассматривались как основные источники инвестиций и пополнения оборотных средств крупнейших российских корпораций.

Российская банковская система, вследствие высокой задолженности перед иностранными банкирами, оказалась в тяжелейшем положении. Однако до середины 2014 г. ситуация не казалась критической: интеграция в рынок мирового капитала позволяла российским банкам и корпорациям гасить старые кредиты путем их реструктуризации и новых займов. В конце 2014 г. российские компании, банки и государственные органы лишились возможности привлечения внешних финансовых ресурсов, а для погашения ранее выданных кредитов могли рассчитывать только на собственные средства (табл. 1).

Таблица 1. Оценка внешнего долга РФ в 2014 г. и 2015 г. (на 1 января), по данным ЦБ РФ, млрд долл.

Заемщик	2014	2015
Органы государственного управления	61,7	41,5
Центральный банк	16,0	10,4
Банковский сектор	214,4	171,1
Корпоративный сектор	436,8	376,5
Итого	728,9	599,5

Источник: данные ЦБ РФ [3].

Как видно, за год внешний долг России уменьшился на 129,4 млрд долл., за счет как экспортной выручки отечественных компаний, так и сокращения валютных запасов субъектов экономики. Это существенное снижение, превышающее, например, трехмесячную экспортную выручку российских компаний², привело к снижению предложения валюты на внутреннем рынке и увеличению спроса на нее субъектов, которые имели долги в иностранной валюте, но при этом не располагали валютной выручкой и валютными накоплениями.

При официальном курсе рубля к доллару в январе 2014 г., равном 35,24, объем задолженности западной кредитной системе составил 25,7 трлн руб. (728,9 млрд долл. x 35,24 руб./долл.). Сравним эту величину с внутренней кредитной задолженностью. На начало 2014 г. объем размещенных средств, которые кредитные организации предоставили организациям и населению в виде кредитов, депозитов, составил 38,8 трлн руб.³ Однако часть внутренней задолженности сформирована за счет иностранных межбанковских кредитов, которые банки России использовали в качестве собственных активов. На начало 2014 г. эта величина составила 7,6 трлн руб. (214,4 млрд долл. x 35,24 руб. / долл.), т. е. чистая внутренняя задолженность составляла 31,2 трлн руб. (38,8 трлн руб. – 7,6 трлн руб.). Таким образом, общий долг всех субъектов экономики РФ отечественной и иностранной кредитной системе на начало 2014 г. достиг 56,9 трлн руб., а удельный вес задолженности западным банкам – 45,2%. Такой размер иначе, как критическим, назвать нельзя.

² По данным Росстата, в 2014 г. среднемесячный размер экспортной выручки составил 41,4 млрд долл. [4]

³ Данные Росстата, основанные на статистике ЦБ РФ [5].

Столь высокая зависимость российской экономики от кредитных западных рынков имеет только одно объяснение. В России, несмотря на бурный рост и финансовые возможности последнего десятилетия, так и не создана полноценная банковская система. Ее слабость проявляется в том, что она по качеству своего менеджмента и размеру располагаемых активов не способна играть активную роль в структурных экономических преобразованиях, о необходимости которых столь много говорится. Банковская система для этого не имеет ни долгосрочных пассивов, ни инвестиционных инструментов, ни кадров. Российские банки не в состоянии обслужить даже примитивную современную российскую экономику, обеспечить сырьевые корпорации необходимыми финансовыми ресурсами, а потребительское кредитование доминирует над инвестиционным.

Цены

Сокращение поступления валюты на российский рынок произошло также по причине снижения цен на основные экспортные товары, главным образом сырьевые, занимающие в структуре поставок за границу около 75%, начавшегося во второй половине 2014 г. и приведшего к изменению экспортной выручки⁴.

По данным Росстата, месячная динамика экспорта РФ в 2014 г. составила (% к аналогичному периоду 2013 г.): в январе – 102%, феврале – 87,1, сентябре – 85,1, октябре – 94,6, ноябре – 78,3, декабре – 75,9% [6].

Как видно, за год экспортная выручка снизилась на 5,1%, что негативно сказалось на предложении валюты на российском рынке. Похоже, падение цен на российские экспортные товары будет иметь долгосрочную тенденцию. Для России эта новая реальность означает повышение валютного курса и снижение доступности иностранных товаров и услуг.

Население

Население, в настойчивых, но тщетных попытках сохранить свои накопления, дестабилизировало рынки практически всех

⁴ Может происходить не только за счет снижения цен на российские товары, но и изменения объемов продаж, которое, правда, не было существенным. Например, в 3-м квартале 2014 г. индекс физического объема экспорта составил 99,4% к уровню 2013 г. То есть, основную роль в изменении выручки российских экспортных компаний сыграл ценовой фактор.

товаров (от гречневой крупы до элитной недвижимости). В вопросах избавления от рубля россияне, от пенсионеров до новой элиты, проявили полное единодушие, столь редко встречаемое в других обстоятельствах. Инвестиционный марафон наблюдался в течение всего 2014 г., достигнув апогея к его концу.

Не стал исключением и валютный рынок: жители России традиционно и вполне обоснованно не доверяют рублю и рассматривают иностранную валюту как инструмент сохранения своих сбережений. На протяжении всего 2014 г. спрос на иностранную валюту со стороны населения превышал ее предложение, особенно в последнем квартале (табл. 2).

За 2014 г. население увеличило запасы наличной валюты на 46,3 млрд долл., из них за счет ее покупки – на 40,2 млрд долл., сокращения валютных счетов в банках – на 6,1 млрд долл. (в России существует заблуждение, что банк – это место, в котором меняются рубли на валюту, но никак не учреждение, в котором следует хранить деньги, в том числе иностранные).

Размер годового (за 2014 г.) накопления населением валюты примерно соответствует месячной экспортной выручке всех российских экспортных компаний. Стихийная паническая реакция людей на изменение валютных курсов и связанный с ним рост цен на импортные товары привели к увеличению спроса на валюту, что усугубило негативную конъюнктуру на валютном рынке.

К настоящему времени иностранная валюта пока выполняет только функцию накопления (причем не только у населения, но и у государственных структур, банков, корпораций). В дальнейшем нельзя исключить, что иностранная валюта будет служить также мерой стоимости товаров на российских рынках и средством внутреннего платежа, как это было в 1990-е годы. Предпосылки тому – большой объем наличной валюты на руках у населения и стремительное обесценивание российского рубля.

Парадоксальность сегодняшней ситуации заключается в том, что политическое и идеологическое противостояние России с западными странами привело к существенному укреплению позиций иностранных валют на территории нашей страны. А если принять во внимание получаемый западными странами эмиссионный доход от размещения национальных денег за пределами собственных стран, то получается, что это укрепление произошло за счет России в результате дискредитации и обесценивания

ее национальной денежной единицы. Вне всякого сомнения, это одна из характерных черт современного российского экономического постмодернизма.

Банки

Столь ажиотажный спрос на иностранную валюту не могли оставить без внимания российские банки, которые традиционно являются посредниками между валютной биржей и населением, выступая на валютной бирже как самостоятельные игроки, формирующие свои доходы за счет маржи между биржевой и розничной ценой валюты (табл. 3).

Таблица 2. Спрос и предложение физических лиц на иностранную валюту в 2014 г., млн долл.

Показатель	Янв.	Февр.	Март	Апр.	Май	Июнь	Июль	Авг.	Сент.	Окт.	Нояб.	Дек.
Спрос, всего	9443	9616	14304	9484	8958	8679	8869	8942	8905	13412	10057	20791
Куплено и получено по конверсии	6282	5822	7393	4786	5466	5447	5151	5169	4993	8635	5216	7503
Снято с валютных счетов	3161	3794	6912	4698	3492	3232	3718	3774	3913	4777	4841	13288
Предложение, всего	5640	6686	7485	7605	5992	6375	7103	5801	6351	6786	6791	12561
Продано и сдано на конверсию	1777	2446	2533	2997	2326	2418	3062	2525	2809	2325	2764	3695
Зачислено на валютный счет	3863	4240	4952	4608	3666	3956	4041	3276	3542	4461	4027	8866
Превышение спроса	3803	2930	6819	1879	2966	2304	1766	3141	2554	6626	3266	8230
Сальдо покупок	4505	3376	4860	1789	3140	3029	2089	2644	2184	6310	2452	3808
Сальдо вкладов	-702	-446	1960	90	-174	-724	-323	498	371	316	814	4422

Источник: рассчитано по: Обзор состояния внутреннего рынка наличной иностранной валюты за соответствующие месяцы [7].

Если верить банковской валютной статистике (а заслуживает ли она доверия – это большой вопрос), в 2014 г. количество валютных сделок населения с банками достигло 56,6 млн. Конечно, эта цифра не показывает, сколько людей и в какой степени используют ведущие мировые валюты в качестве средства накопления, но позволяет утверждать, что валютные накопления активно формируются у значительной части населения, не обремененной разного рода кредитными обязательствами.

Таблица 3. Расчет доходов банковского сектора от операций с наличной валютой физических лиц в 2014 г.

Месяц	Средне-взвешенный биржевой курс валюты, руб.	Средне-месячный курс, руб.		Покупка				Продажа			
		покупки	продажи	средняя маржа по операции, руб.	средний размер сделки, ед. валюты	количество сделок, тыс.	доход, млн руб.	средняя маржа по операции, руб.	средний размер сделки, ед. валюты	количество сделок, тыс.	доход, млн руб.
Доллар США											
Янв.	34,09	33,74	34,34	0,35	1364	882,23	421,18	0,25	2452	1518,25	930,6873
Февр.	35,36	34,99	35,66	0,37	1702	989,31	623,01	0,3	2105	1619,28	1022,575
Март	36,14	35,86	36,7	0,28	1405	1172,74	461,36	0,56	2301	1802,06	2322,062
Апр.	35,67	35,43	35,94	0,24	1631	1209,19	473,33	0,27	1454	1736,96	681,8958
Май	34,77	34,51	35,08	0,26	1237	1197,66	385,19	0,31	1596	1888,65	934,4285
Июнь	34,33	34,16	34,61	0,17	1288	1243,84	272,35	0,28	1486	1969,88	819,6277
Июль	34,74	34,48	34,95	0,26	1450	1432,14	539,92	0,21	1325	2053,3	571,3307
Авг.	36,17	35,86	36,4	0,31	1169	1441,54	522,40	0,23	1485	1926,63	658,0405
Сент.	38,05	37,66	38,28	0,39	1294	1487,81	750,84	0,23	1620	1836,79	684,388
Окт.	41,14	40,59	41,5	0,55	1123	1365,77	843,57	0,36	2714	2154,62	2105,15
Нояб.	46,32	45,82	46,77	0,5	1399	1392,11	5293,13	0,45	2083	1644,5	1541,472
Дек.	56,64	55,13	58,24	1,51	1465	1807,00	10165,09	1,6	2647	1828,42	7743,724
Итого						15621,34	20751,35			21979,34	20015,38
Евро											
Янв.	46,52	46,04	46,77	0,48	812	438,15	170,77	0,25	2506	699,6	438,2994
Февр.	48,238	47,94	48,66	0,298	939	494,82	138,46	0,422	2107	766,78	681,7855
Март	50,04	49,7	50,57	0,34	917	595,23	185,58	0,53	2341	937,35	1162,998
Апр.	49,28	48,99	49,55	0,29	858	618,8	153,97	0,27	1664	858,16	385,5541
Май	47,67	47,48	48,01	0,19	773	619,83	91,03	0,34	1652	1017,42	571,4645
Июнь	46,74	46,55	47,02	0,19	729	656,95	90,99	0,28	1492	1136,65	474,8469
Июль	47,02	46,74	47,45	0,28	726	762,04	154,91	0,43	1379	1160,05	687,8748
Авг.	48,17	47,87	48,45	0,3	623	808,45	151,10	0,28	1538	1036,56	446,3842
Сент.	49,07	48,78	49,24	0,29	760	767,92	169,25	0,17	1614	896,17	245,8911
Окт.	52,14	51,56	52,59	0,58	752	724,49	315,99	0,45	2221	925,05	924,5412
Нояб.	57,75	57,3	58,24	0,45	855	665,78	256,16	0,49	1984	663,54	645,067
Дек.	69,45	68,45	72,68	1	865	837,19	724,17	3,23	2306	868,27	6467,205
Итого						7989,65	2602,39			10965,6	13131,91

Источник: рассчитано по [8].

Доходы банков, полученные от спекуляции с валютой (если называть вещи своими именами), в 2014 г. составили 56,5 млрд руб., большая часть была получена в последнем квартале года.

Российские банки, вне всякого сомнения, играли на повышенные стоимости валюты и не только удовлетворяли ажиотажный спрос, но и в значительной степени его формировали. Обвал российского рубля на валютной бирже стал источником крупной банковской прибыли. О том, что валютные сбережения сокращают депозитные счета, а снижение активов уменьшает кредитные возможности, банковское сообщество не задумывалось.

ЦБ РФ

Центральный банк предпринимал отчаянные, но явно не достаточные усилия по стабилизации российского рубля. До декабря 2014 г. для этого использовались только валютные интервенции: с января 2014 г. по март 2015 г. их объем составил 42,3 млрд долл. Наибольший объем пришелся на первую половину 2014 г., а рекорд расхода средств за всю свою историю Центральный банк установил 4 марта, спустив на биржевых торгах 11,3 млрд долл. [9].

Валютные интервенции, а также валютные займы и кредиты российским банкам и корпорациям привели к тому, что золото-валютные резервы ЦБ сократились с 510,5 млрд долл. на начало 2014 г. до 386,2 млрд долл. в конце, а к концу апреля 2014 г. – до 350,5 млрд долл. [10].

Тем не менее добиться стабилизации рубля так и не удалось. В условиях ажиотажного спроса на валюту и стремительного таяния резервов ЦБ 5 ноября выпускает пресс-релиз под нелепым названием «О параметрах курсовой политики Банка России» [11]. Из его туманных формулировок можно понять следующее: Банк России отказывается от сохранения валютного коридора, размер дневных интервенций отныне не будет превышать 350 млн долл., а курс рубля будет формироваться под воздействием рыночных факторов. **Вне всякого сомнения, данный релиз был направлен не на спасение российского рубля, а на снятие с ЦБ всякой ответственности за его дальнейшую судьбу.**

Однако с ситуацией на рынке нужно было что-то делать. Следующим шагом ЦБ стало повышение ключевой ставки до 17% с 16 декабря 2014 г. Эта мера затем широко обсуждалась.

Главное – с ее помощью так и не удалось покончить с посредниками на валютном рынке, поскольку доходность валютных спекуляций, даже если они велись на кредиты с высокой стоимостью, существенно превышала новую ставку ЦБ. Справедливости ради следует признать, что с помощью этой меры удалось в какой-то степени связать наличную денежную массу населения. Об этом, в частности, свидетельствуют громадные очереди вкладчиков в офисах банков, образовавшиеся вскоре после объявления о повышении ставок по депозитам⁵.

Тем не менее вряд ли по этому поводу можно испытывать оптимизм, даже осторожный. По сути, эта мера ЦБ была направлена на борьбу не с причинами валютного кризиса, а с его следствиями. Более того, повышение ключевой ставки сделает кредиты российских банков еще более недоступными и дорогими, а значит, есть все основания считать, что принятое ЦБ решение дестабилизирует кредитный рынок и всю российскую экономику. Наконец, эта мера наверняка ослабит и без того неразвитый российский банковский сектор. В текущей экономической ситуации основная проблема для российских производителей заключается в более медленном росте оптовых цен по сравнению со стоимостью кредитных ресурсов. По официальным данным, в 2014 г. индексы цен производителей промышленной продукции выросли всего на 5,9% [13]. Российские предприятия в условиях ограниченного спроса не в состоянии повысить оптовые цены, чтобы оправдать дополнительные издержки привлеченного капитала. Повышение ключевой ставки, вне всякого сомнения, существенно затруднит размещение кредитов и увеличит риски использования заемных средств.

Однако самое плохое даже не это. Российский валютный рынок отныне функционирует в условиях новой реальности. Реальность эта такова, что **основные движущие факторы этого рынка – спрос и предложение – предоставлены сами себе**. В России нет никаких сил, которые могли бы обуздывать и сдерживать рынок и порождаемые им фантомы – ажиотаж и панику. Отныне государство, банки, организации и население стали безвольными заложниками рыночной стихии.

⁵ В первой декаде декабря 2014 г. средняя ставка по вкладам в десяти крупнейшим банкам России равнялась 10,6%, а во второй декаде поднялась до 15,33% [12].

Государство

Нет никакого сомнения в том, что действия государства оказали колоссальное воздействие на валютный рынок. Решения о санкциях были приняты в марте 2014 г. Тогда же отчетливо обозначилась дестабилизация валютного рынка, были зафиксированы максимальные спрос на валюту со стороны населения и интервенции ЦБ. Однако никаких стабилизирующих мер государство не предпринимало.

К середине декабря 2014 г. стало понятно, что возможности интервенций ЦБ РФ для стабилизации валютного курса и повышения ключевой ставки исчерпаны и, самое главное, недостаточны. На совещании Правительства РФ 16 декабря было принято воззвание к экспортерам об «ответственной политике на валютном рынке». В деловых изданиях появились сообщения о достигнутой между Правительством и крупнейшими компаниями-экспортерами договоренности: компании обязывались поставлять на внутренний валютный рынок ежедневно не менее 1 млрд долл. Правительство в свою очередь обязывалось помогать им рассчитываться с западными кредиторами за счет средств Фонда национального благосостояния и золотовалютных резервов ЦБ.

Логика действий Правительства заключалась в максимальном стимулировании предложения валюты на рынок. Однако принятые соглашения трудно назвать кардинальными. Прежде всего, дневной объем торгов на валютной бирже с расчетами «сегодня» в середине декабря был немногим менее 2 млрд долл. и 0,3 млрд евро [14]. Понятно, что добиться стабилизации рубля в условиях ажиотажного валютного спроса такими мизерными средствами было невозможно.

То же касается и обязательств государства. На конец 2014 г. совокупный объем средств Фонда национального благосостояния был равен 78 млрд долл., а объем Резервного фонда – 88 млрд, т.е. всего 166 млрд [15]. При этом общий долг российских компаний – 376,5 млрд долл. (см. табл. 1). Понятно, что средств государства не хватит для погашения внешних корпоративных долгов, поэтому его помощи будет явно недостаточно. Вне всякого сомнения, ее основными получателями станут крупные российские корпорации, способные лоббировать свои интересы. Впрочем, и они вряд ли много получат: у государства и без того хватает финансовых неотложных обязательств. Достаточно

указать, например, что на борьбу с прошлым кризисом, который был, вне всякого сомнения, гораздо легче, государство истратило в 2008–2011 гг. 116,6 млрд долл.

Тем не менее принятые на себя обязательства перед российскими корпорациями государство выполняет. В конце декабря 2014 г. «Роснефть» с целью привлечения средств для выплаты валютной задолженности выпустила облигации на сумму 625 млрд руб. Под эмиссионный выпуск, используемый в качестве залога, нефтяная компания через посредническую фирму получила у ЦБ валюту [16. С. 49]. Для погашения иностранной корпоративной задолженности задействованы также средства Фонда национального благосостояния. Размер средств фонда за три первых месяца 2015 г. сократился на 3,6 млрд долл [17].

Принятые государством и ЦБ в конце 2014 г. меры результатов не дали, падение курса рубля продолжалось до начала февраля 2015 г. Рынок сам определил дно падения и то, когда и каким оно будет. Это самый главный итог усилий российского государства по спасению национальной валюты.

Последствия

Экономическое сообщество активно обсуждало практически в течение всего 2014 г. проблему влияния санкций и изменения валютного курса на потребительский рынок, основываясь на данных Росстата о структуре товарных ресурсов. Последнее наиболее тщательное исследование на эту тему было выполнено Росстатом в конце 2012 г. [18]. Согласно этим данным, впоследствии многократно растиражированным, но мало кем понятым правильно, в 2011 г. российский рынок в целом формировался на 57% за счет собственного производства и на 43% – за счет импорта. На рынке продовольствия доля импортных товаров составляла 33%, а на рынке непродовольственных товаров – 51%. Эти цифры убедили многих в том, что большая часть потребляемых товаров производится в России, а ценообразование на них определяется исключительно внутренними российскими факторами. Однако в действительности все оказалось не так.

Сейчас очевидно, что скачок цен практически на все товары в конце 2014 г. – начале 2015 г. стал полной неожиданностью, причем не только для населения, но и для государственных органов. Государство, не осознав подлинных причин роста цен

и объективный его характер, обвинило в этом различные сети и производителей. В январе и феврале проводились полицейские рейды, прокурорские проверки, многосторонние совещания, многие регионы пытались административно ограничивать цены на социально значимые товары. Не менее нелепо и также бесполезно выглядела на фоне роста цен и экономическая наука, представители которой с помощью цифр Росстата комментировали последствия санкций и валютного кризиса.

Для понимания происходящего, прежде всего, нужно осознать, что приводимые в многочисленных публикациях данные Росстата свидетельствуют о конечной продукции, но не промежуточной, необходимой для ее производства. Является ли российской одежда, полностью сшитая из импортных тканей? Продовольствие, произведенное из западного сырья? Машины, собранные из заграничных деталей? Формально, статистически, это – продукция российского производства, но фактически она импортная, с минимальной российской величиной добавленной стоимости. Для ответа на вопрос о том, сколько отечественного производит наша промышленность, необходимы специальные расчеты коэффициента локализации продукции. Однако в России такие расчеты, насколько я знаю, не проводятся. Единственное известное исключение – это расчеты иностранных компаний, которые в России размещают различные сборочные производства.

Возможен только грубый расчет влияния импорта на внутренний рынок. В 2012 г. удельный вес потребительской продукции в структуре российского импорта составил 38,1%, инвестиционной – 24,9; промежуточной – 37% [19]. Если допустить, что промежуточная продукция распределяется между потребительской и инвестиционной пропорционально их удельному весу в структуре импорта, получим, что потребительский импорт конечной и промежуточной продукции равен 60,5% (38,1% + 22,4%), а инвестиционный – 39,5% (24,9% + 14,6%). Соотношение конечной и промежуточной потребительской продукции может составлять 58,8% ($22,4 / 38,1 \times 100\%$). Получается, что российский потребительский рынок на 43% формируется за счет конечной импортной продукции и на 25,3% – за счет промежуточной ($43 \times 58,8 / 100\%$). То есть, в целом 68,3% потребительской продукции обеспечиваются импортными поставками и лишь оставшиеся 31,7% – собственно российское производство. Этот

расчет, при всей своей приближенности, показывает крайнюю уязвимость нашего рынка потребления от внешней конъюнктуры.

Еще одна причина роста внутренних цен при изменении валютного курса заключается в открытости российского рынка. Снижение стоимости рубля улучшает внешнеторговые перспективы российских компаний, экспорт для них является альтернативным каналом реализации продукции. Статистические данные об экспорте выходят с большим опозданием. Но в деловых изданиях после начала обесценивания рубля были сообщения, например, о том, что из Новосибирской области в Казахстан вывозился скот, китайские компании скупали кедровый орех в Сибири и запасы рыбы на Дальнем Востоке, а оказавшиеся в России иностранные туристы приобретали технику. Соответственно, выравнивание внутренних и мировых цен при изменении валютного курса неизбежно должно было сопровождаться ростом цен на российском потребительском рынке.

Чтобы более подробно рассмотреть соотношение внутренних оптовых промышленных цен и внешних экспортных, проанализируем динамику цен за 2009–2013 гг. – период, в течение которого валютный курс значительно не менялся (табл. 4).

Таблица 4. Индексы цен внешней торговли, производителей промышленной продукции и курса рубля к доллару США, 2009–2013 гг., % к предыдущему году

Индекс	2010	2011	2012	2013	2013 к 2009
Цен внешней торговли	123,1	132,9	101,6	95,7	159,07
Цен производителей промышленной продукции	114,9	117,3	106,8	103,4	148,84
Курса рубля и доллара США	100,8	105,6	94,3	107,8	108,23

Источник: [20. Табл. 23.31; 25.1; 26.33].

Как видно, за четыре года промышленные цены выросли в 1,49 раза, а курс доллара – в 1,08 раза. Совокупный рост внутренних цен и доллара США по отношению к российскому рублю составил 1,6 раза (1,49 x 1,08). Это довольно близко к росту экспортных цен на российские товары (1,59 раза). Приведенный расчет свидетельствует о том, что **динамика внутренних российских цен практически полностью определяется внешними ценами и валютным курсом, ни о какой свободе ценообразования и независимости внутренних цен от мировых не может быть и речи.**

Это явление давно и хорошо известно как валютный демпинг. И если бы не безграмотность наших экономистов и государственных деятелей, представить последствия обесценивания рубля в условиях открытости российских границ было совсем не сложно.

От повышения валютного курса пострадало не только население. Существенно ухудшились инвестиционные возможности российской экономики, причем не только из-за санкций, но и возросшей стоимости инвестиционного импорта. Обесценивание рубля, в принципе, выгодно только российским компаниям-экспортерам. Однако большая их часть являются сырьевыми, поэтому для них на эффект от снижения стоимости рубля накладываются гораздо большие потери от сокращения стоимости сырья на мировых рынках. Выигрыш могут получить только высокотехнологичные российские компании, продукция которых востребована мировым рынком. По мнению В.К. Фальцмана, к ним можно отнести компании трех отраслей: оборонной, атомной и газонефтехимию [21]. К сожалению, автор не приводит оценок фактического и возможного экспорта этих отраслей, но понятно, что речь идет лишь о нескольких процентах общего российского экспорта.

Ничего хорошего населению и экономике России современный валютный кризис дать не может. В этом заключается его главное отличие от аналогичного кризиса 1998 г. Установившийся в результате кризиса 1998 г. высокий валютный курс обеспечил импортозамещение за счет роста внутреннего производства, ставшего возможным благодаря избытку производственных мощностей и резервов рабочей силы, сформированных в советское время и не использованных в начале 1990-х годов. Сейчас таких резервов нет. **Создание производственных мощностей, практически невозможное за счет внутренних источников, неизбежно поднимет вопрос о стоимости национальной валюты и выработке государственных мер, направленных на ее долгосрочную стабильность.**

Будущее

Укрепление российского рубля в марте-апреле 2015 г. не должно создавать иллюзий относительно его будущего. Это **временная стабильность, так как не устранена ни одна из причин, приведших к валютному кризису.** Меры дальнейшего

развития валютного рынка должны быть связаны с усилением регулирования рыночного спроса и предложения. Речь идет не о государственном администрировании валютного обращения, как это было в СССР, а о построении валютной системы, в которой действие рыночных факторов регламентируется **системой государственных мер, направленных на стимулирование предложения валюты на внутреннем рынке и ограничение спроса на нее**. Эти меры могут быть сведены к следующим.

1. Установить за валютной выручкой российских компаний-экспортеров жесткий государственный контроль, цель которого – зачисление всей экспортной выручки предприятий на счета российских банков. Рассмотрим данные платежного баланса РФ [22]. В 2014 г. отток капитала со стороны банков и корпоративного сектора составил 154,1 млрд долл., большая часть которого была израсходована на оплату внешней кредиторской задолженности. Согласно данным таблицы 1, сумма платежей российских банков и корпораций западным кредиторам составила 103,6 млрд долл. Образующаяся разница между общей суммой заграничных трансфертов и платежам по кредитам в размере 50,5 млрд долл. представляет собой величину экономически не обоснованного оттока капитала за границу.

Контролировать нужно также цены, по которым компании продают российскую продукцию. Как показало наше исследование, российские экспортные цены зачастую на 10–15% ниже мировых, так как компании продают свою продукцию не напрямую, а через посреднические фирмы (многие из них зарегистрированы в офшорных зонах), которые контролируются менеджерами компаний [23]. Облегчает задачу контроля то, что значительная часть экспортных российских компаний являются государственными. Эта мера позволит увеличить предложение на внутреннем российском валютном рынке.

2. Ограничить импорт товаров, которые не относятся к жизненно необходимым, не являются социально значимыми, а также товаров, производство которых можно организовать на территории России в короткие сроки. Речь идет главным образом о предметах роскоши, товарах престижного потребления и технологически простой в изготовлении продукции. Конечно, эта мера входит в прямое противоречие с принципами ВТО. Но, как показал 2014 г., принципы ВТО уже не являются основополагающими в торговой

политике как России, так и по отношению к России. Ограничение импорта приведет к снижению спроса на иностранную валюту и, тем самым, к укреплению российского рубля. В этих условиях можно будет наращивать импорт технологической и инвестиционной продукции, проводить модернизацию российской экономики.

3. Пересмотреть правила проведения торговых сессий на валютной бирже и отбор участников этих торгов. К торгам необходимо допускать только тех участников, которые имеют счета от иностранных контрагентов на оплату импортных товаров. Тем самым от рынка будут отсечены валютные посредники. Рынок перестанет быть ареной получения спекулятивных доходов, а превратится в нормальную торговую площадку по обмену одной валюты на другую.

4. Ввести запрет на операции с валютой физическими лицами. Оценим объем иностранной валюты, которым располагает население. На конец 2014 г., по данным Центрального банка, эта сумма оценивалась в 21 млрд долл. [24] (как и всем прочим официальным оценкам, этому не стоит особо доверять)⁶. В 2014 г. население увеличило запасы валютной наличности еще на 46,3 млрд долл. за счет покупки валюты и ее снятия с банковских счетов, и к концу 2014 г. эта сумма достигла не менее 67,3 млрд долл. Это наличные накопления. Есть еще банковские валютные счета физических лиц. На начало 2015 г. размер вкладов в иностранной валюте составил 4846 млрд руб. [26]. При курсе доллара в январе 2015 г., равном 68,93 руб. [26], получаем размер валютных вкладов равным 70,3 млрд долл. Итого население располагает валютными накоплениями в размере 137,6 млрд долл. Это лишь немногим меньше, чем совокупное количество валютных средств в Фонде национального благосостояния и Резервном фонде. Но в действительности накоплений у населения может быть значительно больше вследствие плохого учета валютной наличности.

Запрет свободного хождения иностранной валюты в стране позволит повысить устойчивость валютного рынка, так как население, подверженное периодическим приступам паники

⁶ Например, в 2006 г. первый заместитель председателя ЦБРФА. Улюкаев оценивал запасы наличной валюты у населения в размере 30 млрд долл. США. При этом, по данным Федеральной резервной системы, объем валютных наличных накоплений составил 80 млрд долл., а Россия занимала первое место в мире по объему наличных долларовых накоплений [25].

и ажиотажа, – очень серьезная дестабилизирующая стихийная сила. Кроме того, отсутствие валютной альтернативы позволит населению хранить деньги в рублях на банковских счетах, что в целом существенно повысит устойчивость отечественной денежной системы. Нужно отметить, что ограничения по продаже валюты являются действенной мерой преодоления финансового и валютного кризиса. К таким мерам в последнее время прибегали, например Белоруссия, Украина и Казахстан.

Продажа валюты возможна только в случаях выезда за границу, в лимитированном объеме и при предъявлении подтверждающих документов (туристических путевок, виз, договоров об оказании образовательных и лечебных услуг за границей и т. д.). При этом принимать наличную валюту от населения нужно без всяких ограничений и с минимальной разницей от текущего валютного биржевого курса, а существующие валютные вклады выдавать только в рублях с переводом стоимости валюты по официальному курсу. Эти меры приведут к тому, что население в течение 2–3 лет практически полностью избавится от валютных накоплений. Полученную валютную выручку можно будет использовать на закупку за границей импортных технологий, машин и оборудования.

По большому счету, задача государственного регулирования сводится к построению такой валютной системы, которая стала бы важнейшим элементом модернизации российской экономики. Валютная система в новых условиях должна обеспечивать не высокий уровень потребления населения и возможности сохранения его активов, а создавать благоприятные возможности для технического перевооружения экономики и ее насыщения необходимыми средствами производства.

Литература

1. Ханин Г. И., Фомин Д. А. В России начался экономический кризис и, скорее всего, он будет долгим... // Terra Economicus. – 2013. – № 2. – С. 11–15.
2. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_11/lssWWW.exe/Stg/d02/26-02.htm (дата обращения: 26.03.2015).
3. URL: http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=credit_statistics/debt_est_new.htm (дата обращения: 27.03.2015).

4. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_01/Main.htm (дата обращения: 29.03.2015).
5. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/finance/# (дата обращения: 29.03.2015).
6. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/ftrade/ (дата обращения: 29.03.2015).
7. URL: <http://www.cbr.ru/analytics/Default.aspx?Prtid=bnksyst> (дата обращения: 30.03.2015).
8. Статистический бюллетень Банка России. – 2015. – № 3. – С. 95, 101, 102. URL: <http://www.cbr.ru/publ/BBS/Bbs1503r.pdf> (дата обращения: 31.03.2015).
9. URL: http://www.cbr.ru/hd_base/Default.aspx?Prtid=valint_day (дата обращения: 31.03.2015).
10. URL: http://cbr.ru/hd_base/Default.aspx?Prtid=mrrf_7d (дата обращения: 02.04.2015).
11. URL: http://cbr.ru/press/PR.aspx?file=05112014_095635dkp2014-11-05T09_54_18.htm (дата обращения: 02.04.2015).
12. Миледин П., Вериникин А., Дворников В. Аномальные ставки // РБК. – 2015. – № 3. – С. 28–30.
13. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/lssWWW.exe/Stg/d05/74.htm (дата обращения: 05.04.2015).
14. URL: http://www.cbr.ru/hd_base/Default.aspx?Prtid=micex_doc (дата обращения: 06.04.2015).
15. URL: <http://www.minfin.ru/ru/> (дата обращения: 06.04.2015).
16. Игуменов В., Тофанюк Е. Сбили с курса // РБК. – 2015. – № 3. – С. 46–52.
17. URL: <http://www.minfin.ru/ru/performance/nationalwealthfund/statistics/> (дата обращения: 20.04.2015).
18. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B12_04/lssWWW.exe/Stg/d05/2-torg-1.htm (дата обращения: 28.03.2015).
19. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_58/Main.htm (дата обращения: 28.03.2015).
20. Российский статистический ежегодник, 2014. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_13/Main.htm (дата обращения: 22.04.2015).
21. Фальцман В. К. Приоритеты структурной политики: импортозависимость, импортозамещение, возможности экспорта инновационной продукции промышленности // ЭКО. – 2014. – № 5. – С. 162–180.
22. URL: <http://cbr.ru/statistics/?Prtid=svs> (дата обращения: 22.04.2015).
23. Ханин Г. И., Фомин Д. А. Оптовая торговля в современной России // Проблемы прогнозирования. – 2007. – № 5. – С. 42–62.
24. Баязитова А., Деметьева К. Население России хранит в валюте более 20 млрд долларов США // Известия. – 2013. – 22 ноября. URL: <http://izvestia.ru/news/561092>. (дата обращения: 17.04.2015).
25. URL: <http://bankinform.ru/news/SingleNews.aspx?newsid=10488> (дата обращения: 17.04.2015).
26. URL: http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=bank_system/4-2-1a_15.htm&pid=pdko_sub&sid=dpbvf (дата обращения: 22.04.2015).
27. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_01/Main.htm (дата обращения: 22.04.2015).

Анализ состояния сферы интеллектуальной собственности в регионах России

О.В. КОЗЛОВСКАЯ, доктор экономических наук, председатель Законодательной думы Томской области, председатель комитета по законодательству АИРР, Томский политехнический университет. E-mail: refze70@gmail.com

Е.Н. АКЕРМАН, доктор экономических наук, Законодательная дума Томской области, Томский политехнический университет. E-mail: aker@tomsk.gov.ru

Ю.С. БУРЕЦ, Законодательная дума Томской области, Томский политехнический университет. E-mail: buretsys@tomsk.gov.ru

В статье проанализированы показатели состояния сферы интеллектуальной собственности и нормативно-правовой базы развития данного института в регионах России. Представлены основные формы правового регулирования в этой области, направления государственной поддержки хозяйствующих субъектов, создающих и использующих объекты интеллектуальной собственности. Даны рекомендации по совершенствованию управления в сфере интеллектуальной собственности в регионах.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, государственная поддержка, регионы России, законодательство, АИРР

Патентная активность регионов АИРР¹

Статистические показатели патентной активности являются одними из основных при анализе инновационной деятельности и технологического развития регионов.

По абсолютному показателю выдачи патентов по заявкам, поданным в патентное ведомство, в которых изобретения (полезная модель или промышленный образец) соответствуют критериям охраноспособности, наблюдается достаточно сильная дифференциация среди регионов АИРР (в 2013 г. Республика Татарстан – 1267, Мордовия - 88); значения этого показателя сильно колеблются и по годам. Доля регионов АИРР в общем объеме патентов по РФ (2010 г. – 19,8, 2013 г. – 19,6%) остается относительно стабильной. Однако сравнивать регионы по показателю абсолютного количества патентов некорректно в связи с разным масштабом региональных экономик, лучше использовать в этих целях относительный

¹ АИРР - Ассоциация инновационных регионов России.

показатель – коэффициент изобретательской активности (Киа) – количество поданных заявок на выдачу патентов на изобретение и полезную модель на 10 000 человек населения (табл. 1).

Таблица 1. Коэффициент изобретательской активности в регионах АИРР за 2011-2013 гг.

Регион	2011	2012	2013
Томская обл.	6,01	5,71	5,36
Респ. Татарстан	3,49	4,23	3,72
Ульяновская обл.	3,91	4,29	3,47
Самарская обл.	3,3	3,44	3,07
Новосибирская обл.	2,63	2,94	3,00
Пермский кр.	2,41	2,38	2,51
Респ. Башкортостан	1,96	2,02	2,3
Красноярский кр.	2,26	2,16	1,89
Калужская обл.	1,72	1,74	1,85
Иркутская обл.	1,18	1,5	1,34
Алтайский кр.	1,22	1,22	1,31
Респ. Мордовия	1,32	1,03	1,25
Липецкая обл.	0,91	0,98	0,98
В среднем по АИРР	2,49	2,59	2,47
В среднем по РФ	2,75	2,94	2,95

Источник табл. 1, 2: Федеральная служба по интеллектуальной собственности.

Здесь лидируют регионы, занимающие средние места в рейтинге по абсолютному показателю – Томская (5,36) и Ульяновская области (3,47).

По уровню изобретательской активности регионы делятся на четыре условные группы: высокий ($K_{иа} \geq 3$); средний ($2 \leq K_{иа} < 3$); низкий ($1 \leq K_{иа} < 2$); критически низкий ($K_{иа} < 1$). Пять регионов попадают в группу с высокой изобретательской активностью (38,4% всех регионов АИРР), два – со средней и шесть – с низкой.

Несмотря на ежегодную² стабильность и даже рост количества выданных патентов в регионах, данные Федеральной службы по интеллектуальной собственности говорят о крайне низкой вовлеченности в хозяйственный оборот патентов в сравнении с показателями их выдачи (табл. 2).

² По данным Роспатента с 2006 г.

Таблица 2. Выдача и использование патентов в регионах АИРР за 2011-2013 гг., ед.

Регион	2011		2012		2013	
	выдано	использовано	выдано	использовано	выдано	использовано
Респ. Татарстан	950	1023	1247	1017	1267	1283
Пермский кр.	500	965	586	1029	556	1015
Красноярский кр.	474	597	529	593	499	825
Самарская обл.	720	436	843	639	921	512
Респ. Башкортостан	582	313	758	345	689	358
Тюменская обл.	248	151	289	271	206	222
Ульяновская обл.	380	176	446	182	351	196
Новосибирская обл.	636	117	639	140	659	178
Алтайский кр.	241	105	269	136	240	172
Калужская обл.	126	115	133	92	155	152
Томская обл.	478	62	552	133	539	144
Липецкая обл.	70	146	92	153	102	134
Иркутская обл.	256	330	269	149	314	129
Респ. Мордовия	107	36	66	51	88	33
Всего по АИРР	5768	4572	6718	4930	6586	5353
Всего по РФ	30910	17137	33633	18247	33532	19529
Доля АИРР в РФ, %	18,7	26,7	20,0	27,0	19,6	27,4

Если соотнести число патентов, выданных за 2005-2013 гг. (на основе сведений о сроках действия патентов в России от 10 до 20 лет), с количеством используемых патентов в регионе, можно получить показатели *степени коммерциализации патентов* в региональных экономиках: от 3,3% и 3,5% в Новосибирской и Томской областях до 21,1% и 21,8% в Красноярском и Пермском краях. Оставшиеся изобретения не востребованы на рынке. Средняя по АИРР степень коммерциализации патентов составляет 10,4%, а по России – 7,7%.

Передовые производственные технологии

За 2010-2013 гг. отмечается устойчивая динамика роста созданных передовых производственных технологий³ как в целом по России (165,4%), так и по регионам АИРР (180,4%).

³ В соответствии с методологией Росстата, созданные передовые производственные технологии – это технологии и технологические процессы (включая необходимое для их реализации оборудование), управляемые с помощью компьютера или основанные на микроэлектронике и используемые при проектировании, производстве или обработке продукции (товаров и услуг).

Лидеры по количеству созданных передовых производственных технологий в 2013 г. – Калужская (65), Иркутская (41) и Ульяновская (32) области, а в таких регионах, как Республика Мордовия и Алтайский край, отмечается отрицательная динамика этого показателя.

В соответствии с методологией Росстата, технология считается используемой лишь при производственной эксплуатации, результатом которой является выпуск продукции или оказание услуг. Данный показатель в регионах АИРР и в целом по России за рассматриваемый период не имеет устойчивой тенденции, при этом доля регионов АИРР в РФ по количеству используемых передовых производственных технологий устойчиво растет: в 2010 г. – 20,18%, 2011 г. – 20,96%, 2012 г. – 21,43%, 2013 г. – 22,30%.

Доля созданных передовых производственных технологий в числе используемых позволяет определить *технологическую самообеспеченность* региона (технологические возможности в отношении к технологическим потребностям региона) (табл. 3).

Таблица 3. **Доля созданных передовых производственных технологий в числе используемых в регионах АИРР за 2011-2013 гг., %**

Регион	2011	2012	2013
Иркутская обл.	0,71	5,42	3,7
Калужская обл.	1,47	2,01	3,16
Красноярский кр.	1,67	1,68	1,01
Ульяновская обл.	0,95	1,39	1,86
Новосибирская обл.	2,16	1,22	0,99
Респ. Татарстан	0,33	0,89	0,45
Пермский кр.	0,55	0,41	0,32
Самарская обл.	0,38	0,28	0,29
Респ. Мордовия	0,27	0,23	0,18
Томская обл.	0,32	0,16	0,44
Респ. Башкортостан	0,13	0,09	н.д.
Липецкая обл.	0,09	0,04	н.д.
Алтайский кр.	0	0	н.д.
Среднее по АИРР	0,69	1,06	1,24
Среднее по РФ	0,59	0,69	0,74

Источник: рассчитано по данным Федеральной службы государственной статистики.

Показатель отношения созданных передовых производственных технологий к используемым в среднем по регионам АИРР имеет устойчивую тенденцию к росту и опережает данный показатель по РФ. Но и в целом по России, и по регионам АИРР значение данного показателя остается на крайне низком уровне, что свидетельствует о технологической зависимости от импорта технологий и услуг технического характера.

Экспорт, импорт и обмен технологиями и услугами технического характера

Торговля технологиями с зарубежными странами охватывает все коммерческие сделки по экспорту и импорту технологий и услуг технического характера, включая сделки филиалов, представительств подразделений, действующих на территории Российской Федерации иностранных организаций, имеющих самостоятельно заключенные контракты с иностранными партнерами (нерезидентами) по обмену технологиями (табл. 4).

Таблица 4. Экспорт и импорт технологий и услуг технического характера в регионах АИРР за 2013 г., тыс. долл.

Регион	Экспорт			Импорт		
	число соглашений	стоимость	поступление средств	число соглашений	стоимость	поступление средств
Иркутская обл.	47	8338,1	6819,1	56	62148,9	41965,9
Калужская обл.	75	14084,8	4668,2	166	283564,8	275618,9
Красноярский кр.	24	24796,3	8941	37	530481,7	136678,1
Липецкая обл.	1	341,9	355,9	43	102112,9	28827,4
Новосибирская обл.	174	55049,1	17297	33	3958,5	959,2
Пермский кр.	74	22951,2	12541,8	160	109268,1	39205,8
Респ. Башкортостан	11	637	617,7	21	96239,9	38781,7
Респ. Мордовия	-	-	-	11	1549,5	1549,4
Респ. Татарстан	64	22873,3	34797,6	208	808687,7	312176,1
Самарская обл.	39	158198,5	13761,8	91	543588,9	133445,7
Томская обл.	23	505,4	505,4	3	539,2	76,6
Ульяновская обл.	15	53878	2673,7	15	6039,4	3389
Алтайский кр.	Нет данных					
Тюменская обл.	3	2349,7	6760	62	315182,3	35192,5
Всего по АИРР	509	307270,2	99800,1	844	2548179,5	1012673,8
Всего по РФ	1914	4701205	770585	2637	6876953	2463626
Доля АИРР в РФ, %	26,59	6,54	12,95	32,01	37,05	41,11

Источник: Федеральная служба государственной статистики.

В 13 регионах АИРР чистый экспорт отрицателен, что говорит о зависимости от иностранных технологий и услуг технического характера. Лишь в Новосибирской области экспорт превышает импорт, как по стоимости предметов соглашения, так и по фактическим поступлениям за год. Фактические поступления по экспорту превышают поступления по импорту и в Томской области. Чистый экспорт технологий по АИРР в 2013 г. равен -2 240 909,5 тыс. долл. по стоимости предмета соглашения и -912 873,7 тыс. долл. по фактическим поступлениям за год. Доля регионов АИРР в экспорте всех технологий и услуг технического характера в России составила 6,5%, в импорте – 37%, что свидетельствует о финансировании Россией зарубежных исследований и разработок, притом весомая доля в этом принадлежит регионам АИРР.

Относительно активный экспорт технологий наблюдается в Самарской, Новосибирской и Ульяновской областях, по импорту технологий лидируют Республика Татарстан, Красноярский край и Самарская область.

О состоянии рынка интеллектуальной собственности, степени защиты интеллектуальных прав косвенно свидетельствует *технологический обмен* в организациях (удельный вес организаций, приобретавших и передавших новые технологии, в общем числе осуществляющих технологические инновации). Он характеризует применение подхода «открытых инноваций», в котором инновационные процессы нацелены на поиск идей и технологий и реализацию собственных во внешней среде, если для самостоятельной их коммерциализации недостаточно ресурсов. Высока доля организаций, которые осуществляют технологический обмен, в региональных системах с развитым информационным полем, консультационной поддержкой, наличием объектов инновационной инфраструктуры и т.д. (табл. 5).

Как видно из таблицы, наибольшая доля организаций, приобретавших новые технологии, была у Иркутской области, Красноярского края, республик Татарстан и Мордовия. А показатели в регионах АИРР в среднем выше, чем по России. Доля же организаций, передавших новые технологии, низка – региональные организации преимущественно приобретают технологии со стороны и не реализуют свои (из-за их отсутствия либо недостаточной степени защиты интеллектуальных прав).

Наибольшая доля передавших технологии организаций – в Томской области (2012 г.), у остальных регионов – значительно меньше. В среднем по АИРР доля организаций, способных реализовывать свои технологии, ниже, чем по России.

Таблица 5. Удельный вес предприятий в общем числе организаций, осуществляющих технологические инновации, и обмени ими за 2011-2012 гг., %

Регион	Приобретали новые технологии		Передавали новые технологии	
	2011	2012	2011	2012
Иркутская обл.	54,8	60,6	3,2	9,1
Калужская обл.	34,3	37,5	11,4	10
Красноярский кр.	47,5	43	1,3	4,7
Липецкая обл.	27,3	31,3	н.д.	н.д.
Новосибирская обл.	25	27,4	15	8,3
Пермский кр.	37,6	33,7	10,6	9
Респ. Башкортостан	27,4	20,6	8,5	6,5
Респ. Мордовия	40,6	37,8	н.д.	н.д.
Респ. Татарстан	34	37,9	6,5	7,6
Самарская обл.	35,5	28,2	5,3	1,4
Томская обл.	25	36,8	8,3	21,1
Ульяновская обл.	25,9	19,2	3,7	3,8
Алтайский кр.	33,9	31,7	9,7	5
Среднее по АИРР	34,52	34,28	6,42	6,65
Всего по РФ	34,7	31,9	7	7,1

Источник: Федеральная служба государственной статистики совместно с Высшей школой экономики.

Следствием недостаточно развитого рынка интеллектуальной собственности и системы защиты интеллектуальных прав при высоких показателях изобретательской активности становится низкая степень вовлечения в хозоборот объектов интеллектуальной собственности (в среднем по АИРР – 10,4%), зависимость регионов от импорта технологий и услуг технологического характера, финансирование сектора исследований и разработок за рубежом (в форме активного импорта технологий), низкая степень технологического обмена: в приобретении технологий участвуют не более половины инновационных компаний, в передаче – не более 20%.

Роль регионов в развитии института интеллектуальной собственности

Как показал первичный обзор региональных нормативных правовых актов, только в половине всех субъектов РФ существуют

отдельные акты, посвященные вопросам интеллектуальной собственности. В частности, из регионов-членов АИРР – в республиках Башкортостан и Татарстан, Алтайском, Пермском краях, Иркутской, Калужской, Новосибирской, Самарской и Томской областях.

Анализ нормативных правовых актов в сфере интеллектуальной собственности⁴ в регионах РФ позволил сделать следующие выводы. Согласно Конституции РФ, правовое регулирование интеллектуальной собственности относится к ведению Российской Федерации, и в настоящий момент его основой является ч. IV Гражданского кодекса РФ. Полномочия регионов в этой области ограничены созданием условий и стимулированием развития сферы интеллектуальной собственности за счет различных инструментов, находящихся в компетенции субъектов РФ.

Единичным опытом принятия регионального закона с целью эффективного управления интеллектуальной собственностью субъекта РФ является закон Пермского края №569-ПК от 25.12.2009 г. «Об управлении и распоряжении интеллектуальной собственностью Пермского края». Им устанавливаются полномочия органов государственной власти края в сфере управления и распоряжения интеллектуальной собственностью, приобретенной (созданной) за счет средств бюджета Пермского края.

В соответствии с федеральным законом от 06.10.1999 г. №184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» порядок управления и распоряжения собственностью субъекта РФ должен быть установлен законом этого субъекта. Анализ таких законов позволяет сделать вывод об отсутствии в них особого порядка управления и распоряжения интеллектуальной собственностью, находящейся

⁴ По ст. 1226 ГК РФ интеллектуальной собственностью являются: 1) произведения науки, литературы и искусства; 2) программы для ЭВМ; 3) базы данных; 4) исполнения; 5) фонограммы; 6) сообщение в эфир или по кабелю радио- или телепередач (вещание организаций эфирного или кабельного вещания); 7) изобретения; 8) полезные модели; 9) промышленные образцы; 10) селекционные достижения; 11) топологии интегральных микросхем; 12) секреты производства (ноу-хау); 13) фирменные наименования; 14) товарные знаки и знаки обслуживания; 15) наименования мест происхождения товаров; 16) коммерческие обозначения. Поскольку в статье идет речь об инновационной деятельности, из обзора исключены аспекты в области авторского права и смежных прав в сфере культуры.

в ведении субъекта РФ, результаты интеллектуальной деятельности рассматриваются как одна из категорий имущественных прав в собственности региона. Более того, в большинстве регионов интеллектуальная собственность вообще не идентифицирована в перечне объектов госсобственности.

Аналогичная практика регулирования данных вопросов учета результатов интеллектуальной деятельности имеется во многих субъектах РФ и представлена в нормативно-правовых актах более низкой правовой иерархии (постановления, распоряжения и т.д.), в большинстве регионов эти объекты подлежат учету в реестре государственного имущества в общем порядке.

Опыт программно-целевого управления представлен в трех регионах РФ: Республике Татарстан, Санкт-Петербурге и Москве. Долгосрочная целевая программа «Развитие рынка интеллектуальной собственности в Республике Татарстан на 2013–2020 гг.» является составной частью Стратегии развития научной и инновационной деятельности в республике до 2020 г. Она носит комплексный характер (в рамках полномочий субъектов РФ) и увязывает кадровую, образовательную, организационно-консультационную составляющие, а также управление и распоряжение интеллектуальной собственностью, принадлежащей республике. В частности, для формирования системы стратегического анализа и планирования научно-технической деятельности предусмотрено создание институтов: Центр интеллектуальной собственности и банк данных «Интеллектуальный потенциал» Республики Татарстан – единый реестр результатов интеллектуальной деятельности.

Программа Санкт-Петербурга «Охрана результатов интеллектуальной деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства» входит в состав Программы развития малого и среднего предпринимательства в Санкт-Петербурге на 2012–2015 гг. Она определяет порядок господдержки субъектов малого и среднего предпринимательства путем оказания мер консультационно-организационного характера, и ее реализация ограничена этой сферой.

Концепция вовлечения в хозяйственный оборот объектов интеллектуальной собственности в Москве ограничивается государственной сферой. Она содержит приоритетные задачи, направленные на создание, коммерциализацию и использование

объектов интеллектуальной собственности, осуществленных только за счет бюджетных средств.

В целях управления и координации взаимодействия участников отношений в сфере интеллектуальной собственности целесообразно создание экспертно-аналитических структур. Обзор регионального законодательства показал, что такие структуры в России немногочисленны и разнородны по своим целям, составу и роли в органах исполнительной власти регионов (межведомственная комиссия, экспертный совет, городской штаб, рабочая группа и т.д.). Кроме того, в 30 субъектах РФ заключены соглашения с Роспатентом, направленные на оказание всесторонней помощи в организации патентно-лицензионной деятельности на местах.

Государственная поддержка развития сферы интеллектуальной собственности

Господдержка представлена двумя группами мер: финансовые (в форме субсидий) и организационные. Отдельные нормативные правовые акты, устанавливающие субсидии хозяйствующим субъектам, деятельность которых связана с созданием и использованием объектов интеллектуальной собственности (ИС), предусмотрены в девяти регионах. Проанализируем направления субсидирования хозяйствующих субъектов.

- Патентование, регистрация и поддержание интеллектуальных прав (компенсация расходов на оплату патентных и иных госпошлин): Ханты-Мансийский АО (2010), Тамбовская (2013), Иркутская обл. (2012), Санкт-Петербург (2011), Пензенская (2010), Московская (2009), Калужская обл.(2014), Татарстан (1994, 2007), Новосибирская (2012, 2013), Самарская обл. (2011), Мордовия (2011).

- Правовая охрана интеллектуальной собственности (защита прав): Санкт-Петербург (2011), Пензенская (2010), Московская обл. (2009).

- Консультации по вопросам ИС: Ханты-Мансийский АО (2010), Воронежская обл. (2014).

- Оснащение современным оборудованием, необходимым для практического применения результатов интеллектуальной деятельности (РИД): Воронежская (2013), Новосибирская обл. (2012, 2013).

- Лицензирование и сертификация: Воронежская (2013), Тамбовская обл. (2013).
- Аренда помещений, необходимых для практического внедрения РИД: Воронежская обл. (2013).
- Приобретение новых технологий, программных средств: Тамбовская (2013), Самарская обл. (2011), Мордовия (2011).
- Развитие системы научно-технической информации: Татарстан (2011).
- Развитие рынка ИС, изобретательства и рационализаторства: Татарстан (2011).
- Повышение квалификации кадров в области управления правами на ИС и коммерциализации технологий: Санкт-Петербург (2012), Воронежская (2014), Самарская обл. (2014), Татарстан (2013, 2014).
- Инвентаризация и оценка ИС: Москва (2001).
- Обеспечение доступа к базам данных Федерального института промышленной собственности, пользование подпиской на платные базы данных института: Воронежская обл. (2014).

Получатели поддержки в регионах – это субъекты инновационной деятельности (Пензенская, Новосибирская области); субъекты малого и среднего предпринимательства (Санкт-Петербург, Московская, Новосибирская области); субъекты промышленной деятельности (Санкт-Петербург); субъекты научной и научно-технической деятельности (Санкт-Петербург); малые инновационные компании, деятельность которых заключается в практическом применении результатов интеллектуальной деятельности (Томская, Тамбовская, Воронежская, Новосибирская области); субъекты малого и среднего предпринимательства, осуществляющие инновационную деятельность (Иркутская, Калужская, Новосибирская, Самарская области, Республика Мордовия); юридические лица, осуществляющие образовательную, научно-исследовательскую, научно-техническую, научно-информационную деятельность, создавшие центр поддержки технологий и инноваций с целью распространения знаний по вопросам правовой охраны и использования РИД и проведения патентных исследований (Воронежская область, Республика Татарстан); образовательные учреждения по подготовке специалистов в сфере инновационной деятельности (Новосибирская область).

В регионах поддержка направлена на узкий круг лиц и, как правило, связана со стимулированием субъектов инновационной деятельности и малого и среднего предпринимательства. Во многих регионах сфера интеллектуальной собственности не регулируется как самостоятельная область экономики.

Развитие рынка и защита прав интеллектуальной собственности

Среди отдельных региональных нормативных правовых актов, посвященных мерам по развитию рынка интеллектуальной собственности и вовлечению объектов ИС в хозяйственный оборот, в основном представлены акты, регулирующие управление объектами, принадлежащими субъекту РФ и созданными за счет средств бюджета этого субъекта.

Но есть два исключения. Это план мероприятий по развитию сферы ИС в Республике Башкортостан на 2011-2013 гг., в котором реализован комплексный подход к формированию мероприятий на регулярной основе (планы обновляются каждые три года, реализованы планы за 2003-2005 гг. и 2008-2010 гг.). А также Постановление губернатора Белгородской области №47 от 22 марта 2007 г. «О мерах по повышению эффективности функционирования рынка интеллектуальной собственности на территории Белгородской области», в котором изложены все меры по развитию данного рынка в области. Это – проведение паспортизации ИС предприятий; создание регионального банка данных объектов ИС на базе регионального центра интеллектуальной собственности; разработка перечня технологий и оборудования, востребованных на рынке ИС предприятиями, организациями и физическими лицами; создание группы независимых экспертов-специалистов по оценке ИС; организация постоянно действующей выставки «Предлагаем изобретения».

Широкое распространение в регионах получили документы по развитию рационализаторства и изобретательства, которые, как правило, носят рекомендательный характер для органов власти и руководителей организаций.

Оригинальностью отличается Постановление Кабинета министров Республики Татарстан №36 от 26 января 2004 г. «Об утверждении положения по определению годового экономического эффекта от использования изобретений и рационализаторских

предложений в Республике Татарстан», в котором сформулированы основные принципы определения экономического эффекта от новаций. А также Постановление главы г. Тулы №1171 от 08.08.2003 «О мерах по развитию изобретательства и рационализаторства в городе Туле», где разработана «Комплексная система мероприятий возрождения изобретательства и рационализации на предприятиях, организациях всех форм собственности города Тулы», включающая, помимо рекомендаций различным субъектам управления, систему мер по развитию ИС.

Нормативные правовые акты, посвященные защите интеллектуальных прав, есть только в Санкт-Петербурге [2] и Астраханской области [3], при этом все документы приняты в 2001–2002 гг. В Санкт-Петербурге правообладателям даны рекомендации по обращению в органы исполнительной власти города в случае нарушения интеллектуальных прав, а исполнительным органам – соблюдать права правообладателей на РИД при размещении госзаказа, раскрыты вопросы защиты прав на объекты ИС при подготовке инвестиционно-тендерной документации. В Астраханской области в акте по защите интеллектуальных прав представлены мероприятия по оказанию помощи ученым, творческой молодежи и изобретателям по защите их авторских прав.

Ведение реестров результатов интеллектуальной деятельности в регионах, как правило, предусмотрено только в отношении объектов ИС, принадлежащих субъекту РФ и созданных с участием или полностью за счет средств бюджета этого субъекта. Во всех регионах ведется учет таких объектов в порядке управления и распоряжения государственным имуществом субъекта РФ. Однако в трех регионах приняты решения о создании реестров всей интеллектуальной собственности региона, включая собственность организаций. Например, в распоряжении губернатора [4] Белгородскому госуниверситету рекомендуется создать региональный банк данных объектов ИС на базе регионального центра ИС. В постановлении Кабинета министров Чувашии [5] предусмотрено формирование банка данных объектов ИС организаций в республике. Постановление Кабинета министров Татарстана [6] предусматривает создание государственной информационной системы, содержащей сведения о государственном заказчике, исполнителе работ, номере и дате государственного контракта, названии исследования, сумме финансирования, сроках начала и

завершения работ, а также иные сведения, идентифицирующие объект учета. Однако учету в данном реестре подлежат не сами объекты ИС, а научно-технические отчеты, регистрационная и информационная карты.

В долгосрочной целевой программе «Развитие рынка интеллектуальной собственности в Республике Татарстан на 2013-2020 годы» отмечена невозможность эффективного развития патентно-лицензионной деятельности в республике без создания интегрированной площадки информационного обмена в сфере интеллектуальной собственности – автоматизированной информационно-аналитической системы «Банк данных “Интеллектуальный потенциал Республики Татарстан”». Регионы начали формировать базы данных РИД относительно недавно: Белгородская область – с 2007 г., Республика Татарстан – с 2013 г., Чувашия – с 2014 г.

Рекомендации по совершенствованию управления интеллектуальной собственностью

Процесс управления интеллектуальной собственностью в регионе целесообразно разделить на два блока: формирование условий для ее создания и использования хозяйствующими субъектами и управление ИС, созданной за счет средств бюджета субъекта РФ. Первый блок представлен созданием следующих институтов развития сферы ИС.

1. Интегрированная региональная площадка информационного обмена в сфере интеллектуальной собственности (в соответствии с опытом Республики Татарстан). Этот единый реестр результатов интеллектуальной деятельности должен включать следующие сведения:

- о зарегистрированных в Роспатенте результатах интеллектуальной деятельности заявителей из субъекта РФ;
- о зарегистрированных за рубежом результатах интеллектуальной деятельности заявителей из субъекта РФ;
- об изобретателях субъекта РФ;
- база данных «открытых инноваций»: инновационные и инвестиционные проекты субъекта РФ;
- нормативно-правовые акты Российской Федерации, субъектов РФ, стран дальнего зарубежья и СНГ в сфере инноваций и интеллектуальной собственности;

- сведения о предприятиях и организациях субъекта РФ, занимающихся инновационной деятельностью;
- завершенные научно-технические работы, в том числе отчеты о НИОКР и диссертации;
- нерешенные научно-технические проблемы;
- сведения об экспертах и авторах научных исследований и разработок;
- методические и справочные материалы, в том числе по вопросам охраны интеллектуальной собственности и защиты прав на нее, научные публикации и периодические научно-технические издания;
- тематические электронные сборники документов, базы промышленных каталогов;
- депонированные научные работы.

2. Сеть центров поддержки технологий и инноваций (далее ЦПТИ) в соответствии с Приказом Роспатента [7]. Заключение соглашения о создании ЦПТИ между Федеральным институтом промышленной собственности и хозяйствующими субъектами, осуществляющими образовательную, научно-исследовательскую, научно-техническую, научно-информационную деятельность в рамках региональных торгово-промышленных палат или иную деятельность, направленную на распространение знаний по вопросам правовой охраны и использования РИД и проведения патентных исследований.

3. Совокупность мер финансово-экономического и организационно-информационного характера должна быть представлена в документах стратегического (концепции, стратегии) и программно-целевого управления (государственные программы) субъекта РФ в сфере ИС. Это государственная поддержка хозяйствующих субъектов, создающих и использующих РИД, необходимая для субсидирования части расходов, связанных с правовой охраной интеллектуальной собственности (защита прав); консультациями по вопросам ИС; лицензированием и сертификацией; оснащением современным оборудованием и арендой помещений, необходимыми для получения и практического применения РИД; приобретением новых технологий, программных средств; регистрацией юрлица и началом предпринимательской деятельности организаций, занимающихся практическим применением (внедрением) РИД; повышением

квалификации кадров в области защиты ИС; обеспечением доступа к патентным и непатентным базам данных Федерального института промышленной собственности, использованием подпиской на его платные базы данных.

Также необходимы и налоговые льготы для организаций, осуществляющих создание и практическое применение РИД (по региональным и федеральным налогам в части зачисляемых в бюджет субъекта Федерации).

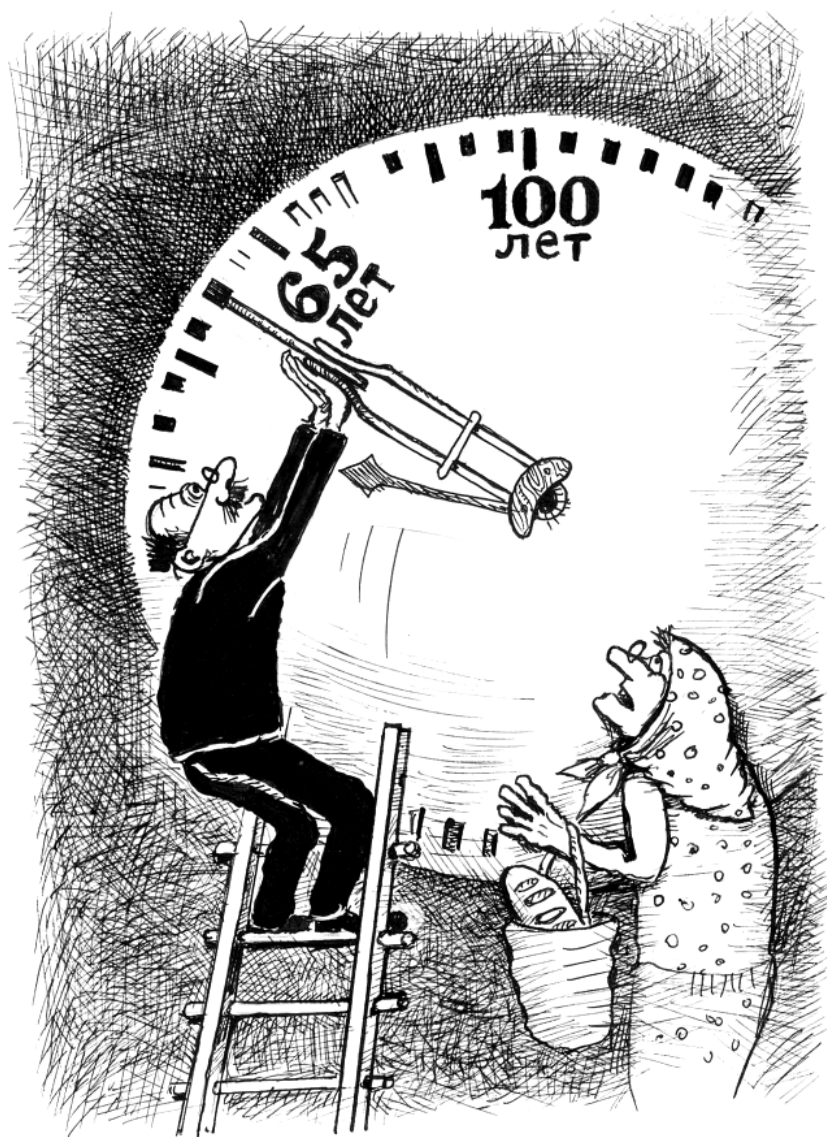
Организационно-информационные меры государственной поддержки хозяйствующих субъектов, создающих и использующих РИД, включают в себя:

- организацию и проведение конференций и симпозиумов, олимпиад, школ для ученых и студентов по вопросам ИС;
- конкурсы инновационных проектов, лучших технических решений и изобретений, а также рационализаторов и изобретателей;
- освещение в СМИ мероприятий в сфере ИС, выступления с пропагандой достижений изобретателей, рационализаторов;
- включение в образовательные программы вузов обязательной учебной дисциплины «Управление интеллектуальной собственностью»;
- торговые выставки и ярмарки для продвижения товаров на мировые рынки.

Анализ состояния сферы ИС в регионах РФ свидетельствует о необходимости формирования системного подхода к управлению интеллектуальной собственностью во взаимосвязи с основными направлениями инновационной, промышленной, культурной и другими видами государственной политики. Прежде всего, это обусловлено тем, что сфера интеллектуальной собственности не может выступать самостоятельным направлением государственной политики, она интегрируется в другие ее направления, так как объекты интеллектуальной собственности создаются и используются во всех областях жизнедеятельности. Кроме того, в долгосрочной стратегии в области ИС, разрабатываемой Министерством образования и науки РФ, необходимо предусмотреть региональный аспект, в котором раскрываются как политика Российской Федерации в отношении регионов в сфере интеллектуальной собственности, так и направления деятельности регионов в пределах своих полномочий.

Литература

1. Касаев Т.Т. Интеллектуальный капитал как фактор инновационного развития экономики // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки. – 2007. – № 3. – С. 40.
2. Распоряжение Администрации Санкт-Петербурга №669-ра от 16 августа 2001 г. «О мерах по защите прав на объекты интеллектуальной собственности в Санкт-Петербурге» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: справочно-правовая система. – М., 2014. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 04.12.2014); Приказ Администрации Санкт-Петербурга №133-п от 30 октября 2002 г. «О вопросах защиты прав на объекты интеллектуальной собственности при подготовке инвестиционно-тендерной документации» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: справочно-правовая система. – М., 2014. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 04.12.2014).
3. Распоряжение главы Администрации Астраханской области №983-р от 16 сентября 2002 г. «О работе по защите и использованию интеллектуальной собственности, создаваемой в научной сфере» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: справочно-правовая система. – М., 2014. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.12.2014).
4. Распоряжение губернатора Белгородской области №47 от 22 марта 2007 г. «О мерах по повышению эффективности функционирования рынка интеллектуальной собственности» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: справочно-правовая система. – М., 2014. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.12.2014).
5. Постановление Кабинета министров Чувашской Республики №176 от 23.05.2014 «О внесении изменений в государственную программу Чувашской Республики «Экономическое развитие и инновационная экономика на 2012 - 2020 годы» и признании утратившими силу некоторых решений Кабинета министров Чувашской Республики» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: справочно-правовая система. – М., 2013. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 04.12.2014).
6. Постановление Кабинета министров Республики Татарстан № 133 от 12.03.2010 «Об утверждении Положения о Единой системе государственного учета и хранения результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ гражданского назначения в Республике Татарстан» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: справочно-правовая система. – М., 2014. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 04.12.2014).
7. Приказ Роспатента №161 от 27.12.2013 г. «Об утверждении Концепции развития сети центров поддержки технологий и инноваций в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: справочно-правовая система. – М., 2013. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.12.2014).

Социально-трудовые и социально-страховые методы определения возраста выхода на пенсию

В.Д. РОИК, доктор экономических наук, Научно-исследовательский институт
труда и социального страхования Минтруда России, Москва.
E-mail: vdroid@niitss.ru

Демографические изменения возрастной структуры и феномен «старения населения» приводят к снижению возможности финансирования пенсионной системы при быстром росте доли пенсионеров в общей численности населения. Это требует значительных финансовых ресурсов и вызывает необходимость трансформации существующей системы социального обеспечения, а также научного обоснования возраста выхода на пенсию.

Ключевые слова: пенсия, демография, пенсионное страхование,
социально-трудовые и социально-страховые критерии
обоснования возраста выхода на пенсию

Формирование современных пенсионных систем

Сегодня одной из самых «горячих» и публично обсуждаемых является тема пенсионного возраста. В нашей стране он – один из самых низких среди экономически развитых стран (для мужчин – 60, для женщин – 55 лет). На необходимость повышения пенсионного возраста указывают нарастающий дефицит бюджета Пенсионного фонда России; увеличение за последние 80 лет средней продолжительности жизни россиян более чем на 20 лет (притом, что возраст выхода на пенсию был определен на основе социальных стандартов 1930-х годов); сохранение в долгосрочной перспективе тенденции старения населения, приводящей к повышению доли пенсионеров в общей численности населения и росту пенсионной нагрузки на работающих.

Сегодня в стране соотношение получателей трудовой пенсии, приходящихся на одного наемного работника, составляет 0,76, через 10 лет оно повысится до 0,89, к 2031 г. – до 1,0, к 2050 г. – до 1,2.

Пенсионный возраст играет решающую роль в определении расходов пенсионной системы. К примеру, при выходе на пен-

сию в возрасте 55 лет они могут быть вдвое (и даже больше) выше расходов при пенсионном возрасте в 65 лет. В этой связи, казалось бы, желательнее отправлять работников старших возрастных групп на заслуженный отдых как можно позже. Но не все так просто. Определение оптимального возраста выхода на пенсию зависит от состояния здоровья и трудоспособности немолодых людей, материального положения, возможности продолжать работу посильной напряженности. В ряде случаев требуется ротация кадров, особенно в тех сферах, где знания и квалификация быстро устаревают. Поэтому важно учитывать и позицию работодателей, которые настаивают на установлении законодательного порядка, позволяющего увольнять работающих в определенных возрастах. Выработать единую позицию даже для отдельных субъектов в этой сфере вряд ли удастся.

Следует отметить, что границы пенсионного возраста сопряжены не только с устройством пенсионных институтов, систем здравоохранения и социального обеспечения. Проблем тут намного больше, поскольку от его величины во многом зависят организация занятости, доходы населения, семейная политика, эффективность экономики и социальная сплоченность общества.

До XVII века только 1% людей достигал 65-летнего возраста. К началу XX века этот показатель повысился до 5% [1. Р. 187]. Сегодня, по оценкам демографов, около 70% населения Западной Европы проживут более 65 лет, а 30–40% – более 80 лет [2. Р. 65].

На протяжении XVII–XVIII веков продолжительность жизни в большинстве европейских стран прирастала не более чем на 3–4 дня в год, а с середины XIX века – уже на 100–120 дней в год, что свидетельствует о «взрывном характере» процесса, приведшего к увеличению ожидаемой продолжительности жизни с 50 лет перед первой мировой войной до 75 лет в настоящее время, к росту доли пожилых и старению населения (табл. 1). Продолжительность жизни в СССР росла достаточно быстро, но была существенно ниже, чем в западноевропейских странах¹.

¹ Следует отметить, что в СССР, несмотря на огромные потери в двух мировых войнах, гражданской войне, а также из-за голода 1930-х гг. и 1947 г., темпы прироста ожидаемой продолжительности жизни в отдельные периоды времени были выше, чем в среднем по Европе, но в целом за 1920–1994 гг. составили около 3 месяцев за каждый календарный год [3. С. 281].

**Таблица 1. Ожидаемая продолжительность жизни мужчин
и женщин в ряде западноевропейских стран,
СССР и России в 1920–1994 гг.**

Страна	1920	1930	1950	1970	1994
Великобритания	57,6	60,8	69,2	72,0	76,8
Франция	54,0	56,7	66,5	72,4	77,5
Германия	53,6	61,4	67,5	71,0	76,3
Италия	50,0	54,9	66,0	72,1	77,5
Испания	45,8	54,6	63,9	72,9	77,1
СССР и Россия	42,9	-	67,3	68,2	64,5

Источник: [4. С. 237].

Результатом стало введение институтов пенсионного обеспечения и социального пенсионного страхования: в Германии – в 1889 г., в Великобритании – в 1908 г., во Франции – в 1910 г. Их основу составили базовые принципы социального страхования: увязка размеров пенсий с размерами страховых взносов и заработной платы работников, обязательное по закону пенсионное страхование работников наемного труда (и их иждивенцев) от социальных рисков старости, инвалидности и утраты кормильца [5].

Впервые юридические границы старости, дающие право на пенсионное обеспечение, были установлены в рамках пенсионных систем Германии, Великобритании, Франции, США в конце XIX – начале XX веков. Однако в их основе лежали не демографические и физиологические критерии, а более прозаичные факторы: пенсионный возраст устанавливался в границах около 70 лет, исходя только из финансовых и экономических ограничений². Поэтому еще в начале XX века большинству рабочих приходилось работать до глубокой старости, пока оставались хоть какие-то силы и здоровье. Например, в США фактический средний возраст прекращения трудовой деятельности был равен 74 годам [6. Р. 65]. Такое положение дел трудно было признать

² В Советском Союзе институт пенсий по старости был введен только в начале 1930-х годов. До этого пожилой человек в случае потери трудоспособности мог претендовать на получение пенсии по инвалидности. Проведенное в те годы обследование инвалидов показало, что большинство работников-мужчин теряют трудоспособность к 60, а женщин – к 55 годам. Эти границы и были установлены для получения права на пенсии по старости. Соответственно, в основе определения возрастных границ лежали физиологические критерии.

нормальным: ведь люди утрачивают большую часть своей трудоспособности гораздо раньше³.

В этой связи важное значение приобретала объективная необходимость обоснования законодательного установления возрастной границы выхода на пенсию, с одной стороны, на основе состояния здоровья и трудоспособности пожилых работников, а с другой – с учетом финансовой ситуации, которая гарантировала бы пенсию в размере 40–60% от заработной платы, получаемой перед окончанием трудовой деятельности.

Это была достаточно сложная задача. Финансовая нагрузка на первых этапах формирования пенсионного страхования (в 1935 г.) представлялась крайне высокой – 5–10% от размера заработной платы застрахованных работников. Поэтому «экономили» на предполагаемых периодах выплат пенсий – в актуарные расчеты «закладывали» всего четыре-пять лет среднего дожития. Другими словами, устанавливали весьма высокую возрастную границу: 70 лет – в Германии и Великобритании, 65 – во Франции и в США.

Возрастные границы были завышены, поскольку только треть мужчин, достигших возраста 20 лет, доживали до 65 лет и не более 20% – до 70 лет. Здесь побеждали финансовые интересы предпринимателей, опасавшихся удорожания продукции и снижения ее конкурентоспособности.

Со временем пришло понимание того факта, что пенсионное страхование не увеличивает стоимость издержек на рабочую силу, а выполняет необходимую функцию перераспределения финансовых ресурсов во времени, учитывает необходимость компенсации социальных рисков утраты трудоспособности. Впоследствии в результате деятельности профсоюзов и исходя из возросших экономических возможностей пенсионный возраст в Великобритании, Германии и Франции был снижен.

В настоящее время в подавляющем большинстве экономически развитых стран нормативный пенсионный возраст составляет 65 лет и более и не зависит от пола работника. В то же время во многих странах предусмотрена и возможность получения пенсии ранее достижения общеустановленного пенсионного

³ Примечательным в этой связи выступает следующий аргумент: в 1996 г. средний возраст выхода на пенсию в США составил 61,5 лет.

возраста (обычно в рамках программ, в которых размер пенсий устанавливается пропорционально заработку). Как правило, это влечет за собой пропорциональное, актуарно обоснованное сокращение размера пенсий⁴.

Необходимость гибкости в отношении установления пенсионного возраста получила в последние несколько десятилетий все большее признание. В результате фактический возраст выхода на пенсию в большинстве развитых стран является ниже общеустановленного (табл. 2).

Таблица 2. Нормативный и фактический возраст выхода на пенсию у мужчин в некоторых странах ОЭСР в 1980–2014 гг.

Страна	Нормативный	Фактический		
		1980–1985	1990–1995	1994–2014
Великобритания	65	62,3	61,2	63,0
Германия	65	62,2	60,1	62,5
Греция	65	62	62,9	62,7
Дания	67	64,7	62,3	63,4
Испания	65	61,4	60,3	61,1
Италия	60	60,8	57,9	59,3
Нидерланды	65	58,7	59,6	62,6
Норвегия	67	66,3	63,2	64,2
Португалия	65	62,7	64,7	65,3
США	65	63,7	63,6	65,1
Финляндия	65	60,4	58,9	61,8
Франция	60	59,7	59,1	60,3
Швеция	65	63,6	62,5	64,3
Япония	65	68,4	70,2	69,8

Источник: [7].

В настоящее время в 21 из 30 стран ОЭСР фактический пенсионный возраст ниже общеустановленного. К 60 годам прекращает работать большая часть мужчин в Австрии, Бельгии, Франции, Венгрии, Люксембурге. В то же время наблюдается

⁴ Законодательно сокращение размера пенсий при ее досрочном назначении предусмотрено, например, в системе социального страхования США, страховой пенсионной системе Канады, Финляндии, Германии, Южной Кореи, Испании, для государственных базовых пенсий и пенсий по обязательным профессиональным программам в Швейцарии, в ряде других стран, а также в некоторых дополнительных «квазиобязательных» пенсионных программах, например, в Швеции.

и противоположная тенденция: в семи странах фактический возраст выхода на пенсию – выше 65 лет, включая Исландию, Японию и Швейцарию [8. Р. 83].

Сокращение фактического возраста выхода на пенсию сопровождается снижением смертности и увеличением ожидаемой продолжительности жизни в старших возрастах (табл. 3). В результате увеличивается период выплаты пенсий. Так, например, если в 1970-х годах ожидаемый период нахождения на пенсии для мужчин составлял 10 лет, то в 1990 г. – 16 [9], а в 2004 г. – около 20 лет.

Таблица 3. Продолжительность жизни в возрасте 60 лет (факт и прогноз) в некоторых странах мира в 1970–2012 гг., лет

Страна	Мужчины		Женщины	
	вторая половина 1970-х годов	2005–2012 гг.	вторая половина 1970-х годов	2005–2012 гг.
Австрия	16,2	20	20,4	24
Великобритания	15,8	20	20,4	23
Германия	16,0	19	20,2	24
Испания	17,1	20	20,6	25
Италия	16,5	21	20,3	25
Канада	17,2	21	22,0	25
Норвегия	17,7	21	21,9	24
Португалия	15,6	19	19,6	23
Финляндия	15,7	19	20,5	24
Франция	17,1	20	22,1	26
Швейцария	16,7	21	20,4	26
Швеция	17,8	21	22,0	24
Япония	18,5	22	22,1	27

Источник: [10].

В течение 1990-х годов все более отчетливо стала проявляться новая тенденция. Многие страны законодательно увеличили установленный возраст для досрочного и обычного выхода на пенсию из-за демографической ситуации и финансовых проблем, с которыми столкнулись государственные пенсионные системы. Меры правительств развитых стран включают в себя и ужесточение условий предоставления пенсий до достижения общеустановленного пенсионного возраста, увеличение «штрафных санкций» и стимулирование откладывания назначения пенсии путем актуарного ее увеличения.

Особый подход к определению пенсионного возраста применяется в системах с условно-накопительными счетами. В них устанавливается не нормативный возраст, а минимальный либо возрастной интервал, в течение которого пенсия должна быть назначена.

В большинстве стран, где пенсионный возраст гендерно дифференцирован, были приняты решения о выравнивании пенсионного возраста мужчин и женщин, обоснованные, помимо экономических причин, социальной составляющей – требованием равноправия для обоих полов. Кроме того, более ранний выход на пенсию ставит женщин в неравное положение с мужчинами и частично объясняет более низкий уровень пенсий за счет сокращенной продолжительности страхового стажа.

Критерии оценки пенсионного возраста

Социальными рисками старости являются: неизбежная утрата трудоспособности и заработной платы; высокая вероятность заболеваний и необходимость в связи с этим ухода за тяжело и длительно болеющими пенсионерами, что вызывает необходимость нести существенные затраты на лечение и уход граждан в старших возрастных группах.

Кроме этого, на установление величины пенсионного возраста влияют и другие факторы:

- демографические – состояние структуры населения, удельный вес старших возрастных групп и групп трудоспособного возраста;
- экономические – ситуация на рынке труда, наличие вакансий и удельный вес безработных;
- финансовые – страховая нагрузка на работающее население, ее доля по отношению к заработной плате и ВВП.

Поэтому пенсионный возраст следует устанавливать с учетом комплексного рассмотрения ряда критериев: трудоспособности пожилых людей, их положения на рынке труда, экономических возможностей финансирования пенсий, величины страхового тарифа (финансовая нагрузка на плательщиков взносов), сбалансированность пенсионной системы по всему комплексу факторов и т.д. Важно, чтобы в результате размер пенсии с позиции замещения заработной платы составлял 40–50% от средней заработной платы.

Большинство перечисленных факторов постоянно изменяется, что существенно влияет на финансовую сбалансированность бюджета пенсионной системы. Так, увеличение численности пенсионеров приводит к росту страховой нагрузки, повышение доли безработных и теневых форм занятости уменьшает объем собираемых страховых взносов.

При анализе финансового состояния пенсионной системы определяют роль не только таких демографических факторов, как численность экономически активного населения и пенсионеров, период предстоящей жизни на пенсии, коэффициент воспроизводства населения, но и отношение численности экономически активного населения к количеству пенсионеров в средне- и долгосрочной перспективе, не только динамику изменения ВВП и заработной платы, но и их соотношение, не только численность занятых и безработных, но и динамику их изменения (табл. 4).

Таблица 4. Основные факторы, влияющие на финансовое равновесие пенсионной системы

Фактор	Влияние на уровень	
	доходов	расходов
<i>Экономический</i>		
Состояние экономики	Доля заработной платы в ВВП страны	Величина пенсий в ВВП страны
Занятость	Численность застрахованных лиц	Численность получателей пенсий по старости в долгосрочной перспективе
Периоды страхования	Продолжительность периодов пенсионного страхования (зарабатывания пенсионных прав)	Продолжительность выплат страховых пенсий
<i>Демографический</i>		
Начальная возрастная структура населения	Отношение численности экономически активного населения к численности пенсионеров	
Изменения в смертности	Изменения в количестве потенциальных плательщиков взносов и потенциальных пенсионеров	Изменения численности получателей пенсий и среднего стажа работы, средней продолжительности выплаты пенсий
Увеличение рождаемости	Количество плательщиков взносов (на длительный период) при благоприятном экономическом развитии	Количество получателей пенсий (на длительный период)

Ошибки в прогнозировании могут привести к нарушению принятых обязательств перед пенсионерами, непредвиденному росту размеров взносов или к необходимости нежелательного субсидирования за счет средств государственного бюджета.

Методы определения возраста выхода на пенсию

Критериями обоснования пенсионного возраста, признанными в мировой практике, являются:

- продолжительность жизни населения, демографическая структура, доля пожилых людей в общей численности, соотношение долей пожилого и работающего населения;
- трудоспособность пожилых людей;
- социально-трудовые условия занятости, экономические и финансовые возможности работодателей и работников по организации обязательного и добровольного пенсионного и медицинского страхования.

Данные критерии и отражающие их показатели учитываются в ходе актуарных прогнозных оценок финансовой сбалансированности пенсионных систем с учетом законодательно установленного пенсионного возраста. Пенсионный возраст рассматривается в тесной увязке с экономическими, социальными и демографическими реалиями. Например, как повлияет возможное повышение возраста выхода на пенсию на рынок труда? Ведь наряду с официальной существует и достаточно значимая нерегистрируемая безработица: в отдельных регионах страны примерно каждый 10–12-й трудоспособный гражданин не может найти себе работу. Поэтому при рассмотрении пенсионного возраста важно учитывать способы решения вопросов занятости, как старших, так и средних и молодых групп населения.

Использование социально-трудовых и социально-страховых методов при рассмотрении сложного вопроса о пенсионном возрасте включает в свой арсенал системный учет всех критериев и факторов, влияющих на установление пенсионного возраста, а также выделение нескольких ключевых критериев. Важнейшие из этих критериев следующие.

1. *Демографические показатели* – уровень продолжительности жизни и темпы его увеличения, включая удельный вес 20-летних мужчин и женщин, доживающих до пенсионного возраста (приемлемый уровень – не менее 60–70% от численности 20-летних). Это условие в России выдерживается для существующих нормативных показателей возраста выхода на пенсию. В то же время с учетом этого фактора величина возможного повышения пенсионного возраста в среднесрочной перспективе для России

весьма небольшая: примерно 3–5 лет для женщин и два года – для мужчин. Если бы российские мужчины выходили на пенсию в 65 лет, то до этой границы не доживала бы половина мужчин, перешагнувших 20-летний возраст!

В то же время существующая долгосрочная тенденция увеличения продолжительности жизни населения в стране позволяет сделать вывод: принципиальных демографических препятствий для постепенного увеличения пенсионного возраста в среднесрочной перспективе у России нет. Более того, современное законодательство (новая пенсионная формула, введенная с 1 января 2015 г.) стимулирует более поздний выход на пенсию.

2. *Институциональные требования к пенсионному страхованию* – финансовая сбалансированность доходов и расходов системы в стране не обеспечена. Ее достижение возможно с помощью повышения размеров страховых тарифов, роста доли заработной платы в ВВП страны, увеличения пенсионного возраста и др. Оптимальное сочетание этих факторов позволяет говорить о возможности определенного умеренного повышения пенсионного возраста при наличии активной государственной политики в сфере занятости.

3. *Критерий утраты постоянной трудоспособности и необходимость компенсации в связи с этим утраченного заработка.* Законодательно установленный возраст выхода на пенсию на общих основаниях не учитывает индивидуальную трудоспособность конкретных людей. Использование столь универсального подхода можно объяснить тем, что при введении национальных пенсионных систем предоставление права на пенсию основывалось на принципах социального страхования, при котором, как правило, отсутствует индивидуализация рисков в отношении отдельных лиц.

В качестве реалистичного можно использовать вариант гибкого выхода на пенсию, применяемого в ряде стран: желающие продолжать трудиться в старших возрастных группах могут оформить пенсию позже стандартного возраста, в обмен на это им назначается более высокое пособие.

4. *Учет зарубежной и отечественной практики установления пенсионного возраста:*

- пенсионный возраст устанавливается с учетом возможности для большинства населения доживать до него и получать

пенсию на протяжении периода, равного примерно 40% от продолжительности страхового стажа (43–45 лет – страховой стаж и 16–18 лет – получение пенсии);

- в большинстве экономически развитых стран пенсионный возраст установлен в диапазоне 63–67 лет для мужчин и женщин;

- в России пенсионный возраст составляет 60 лет для мужчин и 55 лет – для женщин; кроме того, примерно 35% работающих имеют право на досрочную пенсию на 5–10 лет раньше установленной границы;

- в России пенсионный возраст был установлен в середине 1930-х годов, когда продолжительность жизни населения была на 10–12 лет меньше современной;

- социологические опросы свидетельствуют, что практически 50% граждан, достигших пенсионного возраста, желают продолжать посильную трудовую деятельность, т. е. в стране изменились мотивационные установки граждан на их жизнедеятельность в старших возрастных группах.

Основной демографической особенностью России является низкая продолжительность жизни, когда существенная доля населения не доживает до пенсионного возраста. В странах Европейского союза (ЕС-27) в 2008 г. до 65 лет доживало 90,5% женщин и 81,3% мужчин, в России – 78,6% женщин и всего 48,7% мужчин [11]. Кроме того, ожидаемая продолжительность жизни в начале трудоспособного (20-летнего) и пенсионного (60-летнего) возрастов в России также существенно ниже, чем в странах Западной и Южной Европы (табл. 5).

В России в 1995–2010 гг. практически не наблюдалось повышения продолжительности жизни.

5. Критерии и алгоритм установления пенсионного возраста – предложения для законодателей. Важным критерием определения возраста выхода на пенсию может выступать стандарт по стажу. Рекомендации Конвенции МОТ № 102 – 30 лет. Сегодня во многих странах (Великобритания, Германия, Франция) он установлен в пределах 38 и даже 40 лет. Для России его можно определить на уровне 35 лет. При выполнении этого стандарта размер пенсии должен составлять 40% страхового заработка работника, а при его превышении страховые механизмы должны обеспечить пропорциональное повышение размера пенсии.

Таблица 5. Ожидаемая продолжительность жизни в возрасте 20 и 60 лет мужчин и женщин в некоторых странах в 1995–2010 гг.

Страна/регион	Ожидаемая продолжительность жизни в возрасте 20 лет		Ожидаемая продолжительность жизни в возрасте 60 лет	
	Ожидаемая продолжительность жизни в возрастах 20 и 60 лет	Ожидаемая продолжительность жизни в возрастах 20 и 60 лет	Ожидаемая продолжительность жизни в возрастах 20 и 60 лет	Ожидаемая продолжительность жизни в возрастах 20 и 60 лет
Европа	54,4	56,1	19,0	20,6
<i>Восточная Европа</i>	49,8	50,5	16,5	17,5
Беларусь	49,8	50,2	16,5	16,5
Болгария	52,7	54,6	17,0	18,2
Венгрия	51,8	54,2	17,3	18,6
Польша	54,0	56,4	18,5	20,1
Российская Федерация	48,0	48,0	16,0	16,8
Украина	49,3	49,7	16,2	17,0
<i>Западная Европа</i>	58,4	60,9	21,5	23,3
Германия	57,9	60,4	20,9	22,7
Франция	59,0	61,7	22,3	24,3
<i>Северная Европа</i>	57,5	59,6	20,6	22,2
Великобритания	58,0	60,1	20,8	22,3
Норвегия	58,8	61,1	21,5	23,1
Финляндия	57,6	60,1	20,9	22,7
Швеция	59,7	61,3	22,0	23,3
<i>Южная Европа</i>	58,3	60,4	21,4	22,8
Греция	58,0	59,7	20,7	21,8
Испания	59,3	61,4	22,2	23,9
Италия	59,5	61,7	22,2	23,9

Источник: [12].

Устойчивая тенденция возрастания в структуре населения России доли пожилых (примерно до трети в 2050 г.) потребует увеличения периода трудовой деятельности, а значит, применения комплексного подхода по созданию системы трудовой адаптации пожилых, создания благоприятных условий и режимов труда, сокращенной рабочей недели.

В этой связи важным направлением государственной политики является применение социально-трудовых и социально-страховых методов определения возраста выхода на пенсию – минимально необходимый страховой стаж застрахованных лиц – не менее 35 лет и минимально необходимая страховая сумма,

накопленная на персонально-лицевом счете застрахованного лица, – порядка 2,5 млн руб.

Потребуется также государственная программа поддержки корпораций и предприятий по занятости пожилых, в которой целесообразно предусмотреть стимулирование работодателей и работников к продлению трудовой жизни пожилых работников с помощью системы преференций, а также создание благоприятных условий труда для них (сокращение дневного или недельного рабочего времени, включая работу с неполной занятостью, увеличение отпуска, приспособление характера выполняемой работы к условиям максимального сохранения здоровья работников и обеспечение регулярного наблюдения за состоянием их здоровья). Необходимо и совершенствование трудового законодательства и законодательства о занятости пожилого населения, приведение его в соответствие международным нормам, направленным на создание благоприятных возможностей заниматься трудовой деятельностью в пожилом возрасте.

Удельный вес граждан, доживающих до общеустановленного пенсионного возраста, сегодня вырос более чем в 2,5 раза и составляет для 20-летних мужчин более 65% и почти 82% – для женщин. При этом период предстоящей жизни на пенсии составляет для мужчин почти 14,5 лет, для женщин – 25 лет. Столь кардинальные изменения в продолжительности жизни россиян и существенная разница в продолжительности жизни мужчин и женщин требуют их учета при организации пенсионного страхования. Так, при существующей модели исчисления размера пенсий для ее зарабатывания в приемлемом размере⁵ требуется уплата страховых взносов в систему обязательного пенсионного страхования: для мужчин – в размере 21% от размера заработной платы на протяжении 35 лет, для женщин – в размере 36%.

Изменения важнейших демографических и экономических показателей особенно рельефно прослеживаются при их сопоставлении в различные периоды, например, в период трех поколений работников и пенсионеров в России (табл. 6).

Прогнозные оценки состояния пенсионного обеспечения пожилого населения свидетельствуют о том, что даже при

⁵ Согласно рекомендациям МОТ и Европейской социальной хартии размер приемлемой пенсии за 35–40-летний период страхования заработков работника должен составлять не менее 50% средней заработной платы.

росте затрат на эти цели в ВВП оно будет в абсолютных размерах «заморожено»⁶ или даже ухудшено.

Таблица 6. **Сопоставление важнейших показателей трех поколений россиян в 1980–2050 гг.**

Показатель	1980	2015	2050
Продолжительность трудовой жизни, лет	38	36	40
Продолжительность получения пенсии, лет	12	18	24
Размер пенсии, в пересчете на ее величину в 2015 г., тыс. руб. в месяц	14,5	12,0	14,0
Покупательная способность пенсии, % к прожиточному минимуму пенсионера	230	170	200
Коэффициент замещения, % к средней заработной плате	52	36	25
Величина затрат на медицинскую помощь и социальное обслуживание, руб. в месяц	500	1000	2000
Совокупная величина пенсии и выплат на медицинскую помощь и социальное обслуживание, руб. в месяц	15,0	13,0	16,0
Совокупная величина объемов пенсии, стоимости медицинской помощи и социального обслуживания, полученных пенсионером на протяжении всего посттрудового периода, тыс. руб.	2160	2808	4608
Размер заработной платы в пересчете на ее величину в 2015 г., тыс. руб. в месяц	28,0	32,0	54,0
Совокупная величина объемов заработной платы застрахованного работника, полученная на протяжении всего трудового периода, тыс. руб.	12768	13824	15552
Отношение совокупных выплат, медицинских и социальных услуг к совокупной величине объемов заработной платы застрахованного работника, %	17	20	36
Величина объемов пенсии, стоимости медицинской помощи и социального обслуживания в ВВП, %	4,0	11,0	14,0
Величина страхового тарифа на пенсионное страхование, % к ФОТ	14,0	22,0	30,0
Величина совокупного страхового тарифа на пенсионное страхование, медицинскую помощь и социального обслуживания, % к ФОТ	18,0	28,5	34,0

Источник: экспертные оценки и расчеты автора.

Примечание. Расчет необходимых денежных средств обычно проводят в рамках годового периода и для двух групп пенсионеров (60–74 лет и 75 лет и старше), исходя из предположения, что перед выходом на пенсию застрахованное лицо имело страховой стаж, близкий к среднему по стране, а его заработная плата была близкой к средней (4–6 децили), что позволяет ощутить реальную картину материального положения типичных групп пенсионеров, получающих пенсию по обязательному пенсионному страхованию в стране. При этом денежный эквивалент приемлемого пенсионного, социального обеспечения и медицинской помощи можно оценить в размере 22–24 тыс. руб. в месяц, что примерно для 70% россиян – недоступная величина.

В то же время увеличение величины совокупного страхового тарифа на пенсионное страхование, медицинскую помощь

⁶ Совокупная величина пенсии и выплат на медицинскую помощь и социальное обслуживание пенсионеров в 2015 г. составит только 13,0 тыс. руб. в месяц, что примерно равно 90% от уровня этих затрат в 1980 г. и достигнет его 100% только к 2040 г.

и социального обслуживания до 34% от размера заработной платы выглядит малореалистичным сценарием: ведь при такой финансовой нагрузке будет возрастать дестимулирование спроса на труд. Такой парадокс можно назвать «финансовой ловушкой».

При достаточно скромных величинах затрат пенсионера по отдельным статьям в целом его расходы более чем в два раза превышают его доходы. В то же время стандарты социальной защиты пенсионеров уровня 1980 г. для современных условий крайне занижены, в особенности в части затрат на медицинскую помощь и социальное обслуживание, которые должны составлять не 1–2 тыс. руб. в месяц, а по крайней мере, 3–6 тыс. руб.

Понятно, что столь существенную пенсионную нагрузку, особенно в случае для женщин, нести только работодателям весьма непросто. Требуется комплекс мер по ее перераспределению на других субъектов, включая прежде всего самих работников, а также за счет возможного повышения пенсионного возраста.

Пределы возможного повышения пенсионного возраста

Учитывая опыт других стран, повышение пенсионного возраста следует проводить не сразу, а заранее договорившись о принципиальных моментах со всеми структурами гражданского общества. Поэтому минимальный срок предупреждения населения и законодательного установления нового пенсионного возраста должен быть не менее десяти лет. Сама процедура повышения обычно растягивается на много лет, повышаясь на 1–2 месяца в год. Поэтому финансовый выигрыш данной меры даже в долгосрочной перспективе будет небольшим.

Еще один важный момент – границы повышения пенсионного возраста. Продолжительность жизни россиян все еще низка. Треть 20-летних российских мужчин не доживают до пенсионного возраста, чего не наблюдается в развитых странах даже при границе в 65 лет: в Польше не доживают до пенсионного возраста только 23,4% мужчин, в США – 14,8%, в странах Западной Европы – 11,1%, в Японии – 10,7%. Учитывая данную ситуацию, а также плохое состояние здоровья населения России, реальный интервал повышения пенсионного возраста небольшой: примерно 3–5 лет для женщин и 2–3 года – для мужчин. В противном случае общество больше «потеряет на больничных листах».

Возникает естественный вопрос: если финансовый выигрыш невелик и его можно получить только через 20 лет, то стоит ли вообще проводить столь социально-болезненную реформу? Ответ однозначный: не только стоит, но и необходимо. Повышение пенсионного возраста выгодно не только для работодателей и государства, но и для самих работников. Например, повышение пенсионного возраста для мужчин на три года, а для женщин – на пять лет позволит увеличить размер их пенсий почти на четверть от их величины.

Литература

1. *Cowgill D.* The demography of aging. In A. M. Hoffman. The Daily Needs and Interests of Older People. Springfield, Illinois: C. C. Thomas, 1977.
2. *Brody J. A.* Changing Health Needs of the Ageing Population. Reserch and The Ageing Population. Ciba Foundaion Symposium, 134, Chichester: Wiley, 1988. – P. 65.
3. *Урланис Б.Ц.* Эволюция продолжительности жизни. – М.: Статистика, 1978. – С. 281.
4. *Баччи М.Л.* Демографическая история Европы. – СПб.: Изд-во ALEX-ANDRIA, 2010.
5. *Conrad C.* The emergence of modern retirement: Germany in an international Comparison (1850–1960) // Population: An English Selection. – 1991. – Vol. 3. – P. 171–200.
6. *Burtless G., Quinn J.* Is working longer the answer for an aging workforce? // Center for Retirement Research. Boston College. – 2002. – № 11.
7. *Scherer P.* Age of Withdrawal from the Labour Force in OECD Countries. Labour Market and Social Policy – Occasional Papers № 49, OECD, 2014.
8. *Whiteford P., Whitehouse E.* Pension Challengers and Pension Reforms in OECD Countries / Oxford Review of Economic Policy. – 2012. – Vol.22. – № 1.
9. Demographic yearbook 1980. UN. – N-Y, 1982; Population ageing 2012. UN. Department of Economic and Social Affairs. Population Division. URL: www.un.org/esa/population/publications/ageing/ageing2013.html (дата обращения: 11.02. 2015) .
10. *Latulippe D.* Effective Retirement Age and Duration of Retirement in the Industrial Countries between 1950 and 1990 / Issues in Social Protection. Discussion Paper № 2, ILO.
11. Российский статистический ежегодник – 2012 г. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_13/Main.htm [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_13/IssWWW.exe/Stg/d1/04-02.htm (дата обращения: 12.03.2013).
12. Социальное обеспечение в мире в 2010–2011 гг. Обеспечение охвата во время и после кризиса / Группа технической поддержки по вопросам достойного труда и Бюро МОТ для стран Восточной Европы и Центральной Азии. – М.: МОТ, 2011. – С. 151,152.

Анализ глобальной конкурентоспособности российского лесопромышленного комплекса*

Р.В. ГОРДЕЕВ. E-mail: kl-l-ssm@mail.ru

А.И. ПЫЖЕВ. Сибирский федеральный университет, научно-учебная лаборатория экономики природных ресурсов и окружающей среды, Красноярск. E-mail: pyanist@ya.ru

Статья посвящена оценке конкурентоспособности продукции российского лесопромышленного комплекса на мировом рынке. Охарактеризовано текущее состояние лесной промышленности РФ на фоне общемировых тенденций. В отличие от опубликованных ранее работ по схожей тематике, в данном исследовании авторы с помощью ряда аналитических методов выявляют сравнительные преимущества России в торговле продукцией ЛПК и характер международной специализации, проводят оценку интенсивности внутриотраслевой торговли и формулируют ключевые предложения для повышения конкурентоспособности отрасли.

Ключевые слова: лесопромышленный комплекс, экономика промышленности, анализ конкурентоспособности, внутриотраслевая торговля

В кризисных условиях всё большее значение приобретает поиск новых источников экономического роста. Существенное ослабление рубля относительно ключевых мировых валют создает определенные преимущества для экспортеров, повышая конкурентоспособность определенных видов продукции отечественной промышленности. На наш взгляд, этот тренд особенно актуален для лесопромышленного комплекса, по-прежнему испытывающего структурные проблемы, которые многократно анализировались ранее [1, 2]. В статье предпринята попытка анализа глобальной конкурентоспособности российского лесопромышленного комплекса и поиска возможных направлений развития отрасли в нынешних макроэкономических условиях.

Состояние российского ЛПК

Темп роста выручки предприятий лесопромышленного комплекса отстаёт от общероссийского темпа роста ВВП, а вклад лесной промышленности в ВВП страны снижается: с 2,3% в 2003 г. до 1,6% на начало 2013 г. [3]. Объём инвестиций

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13–02–00186.

в основной капитал предприятий лесопромышленного комплекса (далее – ЛПК) в 2013 г. сократился на 39%, до 88,7 млрд руб. [4].

Тем не менее все секторы ЛПК по итогам 2013 г. показали положительную динамику выручки, особенно лесозаготовка и лесное хозяйство. Не последнюю роль в этом сыграла благоприятная внешняя конъюнктура: Китай обеспечил около 40% выручки, а страны Европы – 35% [4]. При этом специалисты агентства лесопромышленной аналитики и новостей WhatWood отмечают, что Китай на данный момент способен принять весь объём производства пиломатериалов в России. В таком случае при сохранении санкций можно ожидать, что КНР останется главным экспортным рынком для лесопромышленного комплекса нашей страны, потребляя его продукцию по приемлемым ценам.

Следует отметить, что объём российской продукции деревообрабатывающей промышленности практически в восемь раз превышает импорт данных товаров из третьих стран² и вдвое – их экспорт в третьи страны (в 2013 г. – 10,5 млрд долл., 1,4 и 7 млрд долл. соответственно) [5]. Но при этом из России вывозится преимущественно продукция с низкой степенью переработки, а импортируется – с более высокой добавленной стоимостью.

Одним из значимых трендов стало снижение доли экспорта деловой древесины и увеличение производства и вывоза пиломатериалов. В 2007–2009 гг. Правительство РФ предприняло попытку сокращения доли лесозаготовки и стимулирования лесопереработки, готовясь к вступлению страны во Всемирную торговую организацию. В качестве механизма было выбрано поэтапное повышение вывозных пошлин на экспорт круглого леса с 20% в 2007 г. до 80% – в 2009 г. [6]. Эти действия на фоне мирового финансового кризиса и сократившегося мирового спроса на древесину привели к резкому падению объема экспорта круглого леса, причем основная цель – стимулирование глубокой переработки леса – так и не была достигнута [7]. Тем не менее в 2010–2012 гг. наблюдалось превышение темпов роста экспорта пиломатериалов над экспортом круглой древесины, поскольку участники рынка, которые не смогли получить тарифную льготу на экспорт круглого леса по ставке 15%, переключились

² Все зарубежные государства, кроме Беларуси и Казахстана.

на элементарное лесопиление, производя брус из хлыстов и экспортируя фактически тот же «кругляк» [8].

В абсолютном же выражении, несмотря на снижение объёма вывоза круглого леса более чем на 50% в сравнении с 2008 г., в 2012 г. Россия по-прежнему оставалась крупнейшим экспортёром данного вида продукции, занимая по объёмам экспорта пиломатериалов вторую позицию. Эти два факта в самом первом приближении демонстрируют уровень конкурентоспособности российского ЛПК. Для получения более полного представления следует привести характеристику тенденций на мировом рынке лесной продукции.

Уточним, что в статье под продукцией лесопромышленного комплекса понимаются три группы товаров: изделия из древесины низкой и средней степени переработки и целлюлозно-бумажные изделия в соответствии с классификацией SITC Rev. 4.

Товары низкой степени обработки: древесный уголь, топливная древесина, щепка и стружка, древесные топливные гранулы, древесные отходы, деловой круглый лес хвойных, лиственных и тропических пород.

Товары из древесины средней степени обработки: пиломатериалы хвойных (далее – Х) и лиственных (далее – Л) пород, прессованные древесноволокнистые плиты³, изоляционные плиты, стружечные плиты, фанера, шпон.

Целлюлозно-бумажные изделия: целлюлоза, полуцеллюлоза, целлюлоза для химической переработки, механическая древесная масса, прочая масса из недревесного волокна, рекуперированная бумага, газетная бумага, печатная и писчая бумага, прочие сорта бумаги и картона.

Также отметим, что в последующем анализе использовались статистические отчёты и базы данных Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (FAO).

Место России на мировом рынке лесной промышленности

В последние 20 лет мировой рынок лесной промышленности динамично развивался. За период 1992–2013 гг. уровень мирового экспорта лесной продукции вырос более чем в два раза – с 104,5 до 245,9 млрд долл. Основной вклад в мировой экспорт вносят

³ С 1995 г. учёт по данной категории не ведётся. Она разделена на две новые категории: твёрдые плиты и древесноволокнистые плиты средней плотности (MDF).

страны Северной Америки, Западной и Северной Европы, а также Азии. В 2013 г. их доли на рынке составляли 21, 19, 16 и 18%, соответственно. Тем не менее следует отметить увеличение доли в общемировом экспорте развивающихся стран восточно-европейского и южноамериканского регионов. Так, доля стран Центральной, Южной Америки и Карибских островов за период 1992–2013 гг. выросла с 4% до 7%, а восточноевропейских государств (включая РФ) – с 3% до 9%. При этом вклад Северной Америки снизился на 10%, а стран Северной Европы – на 5%.

Крупнейшими мировыми игроками на рынке лесной промышленности являются 15 стран, аккумулировавших в 2013 г. 71% мирового экспорта и 53% импорта (таблица 1). Сравнительно сбалансированная внешняя торговля – в США, Испании, Германии, во Франции. В большей степени импортёрами являются Нидерланды, Италия, Китай⁴. Преимущественно вывозят продукцию ЛПК Швеция, Россия, Индонезия, Финляндия, Чили, Канада, Бразилия, Австрия.

Таблица 1. Объёмы внешней торговли крупнейших глобальных игроков на рынке лесной продукции в 2013 г.

Страна	Внешнеторговый оборот, млрд долл.	Экспорт		Импорт	
		млрд долл.	% от оборота	млрд долл.	% от оборота
Австрия	11,5	7,1	62	4,4	38
Бразилия	9,6	8,0	84	1,6	16
Германия	39,8	20,5	51	19,3	49
Индонезия	10,9	8,3	76	2,6	24
Испания	9,7	4,9	51	4,8	49
Италия	14,7	4,8	33	9,9	67
Канада	29,0	24,1	83	5,0	17
Китай	51,6	13,0	25	38,7	75
Нидерланды	11,7	4,9	42	6,8	58
Россия	13,2	9,9	75	3,2	25
США	50,0	27,1	54	22,9	46
Финляндия	15,6	13,9	89	1,7	11
Франция	16,5	7,2	44	9,3	56
Чили	5,5	4,7	86	0,8	14
Швеция	18,9	16,0	85	2,8	15

Источник табл. 1–4, рис. 1–5: расчеты авторов по данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (FAO). URL: <http://faostat.fao.org>.

⁴ Здесь и далее имеется в виду материковый Китай, не включающий Тайвань, Гонконг и Макао.

Таблица 2 показывает в сравнении среднегодовые темпы прироста экспорта за 2000–2013 гг. в России и мире по основным позициям товарной номенклатуры. Среднегодовой темп прироста по продукции ЛПК в мире за исследуемый период составил 4,2%, а для России – 7,7%. Почти двукратное превышение мировых темпов прироста, безусловно, является первым признаком достаточно высокой конкурентоспособности российского ЛПК.

Таблица 2. Среднегодовые темпы прироста экспорта (2000–2013 гг.) в России и мире по основным позициям товарной номенклатуры, %

Товар	Среднегодовые темпы прироста экспорта	
	Россия	мир
Древесный уголь	24	11
Топливная древесина	-6	16
Щепа и стружка	15	7
Деловой круглый лес (Х)	1	7
Деловой круглый лес (Л) проч. породы	5	4
Пиломатериалы (Х)	13	3
Пиломатериалы (Л)	14	2
Твёрдые плиты	3	8
Стружечные плиты	25	5
Фанера	12	6
Шпон	32	1
Целлюлоза	4	4
Целлюлоза для хим. переработки	2	11
Рекуперированная бумага	21	9
Газетная бумага	2	-2
Печатная и писчая бумага	8	2
Прочие сорта бумаги и картона	9	5

Несмотря на тот факт, что по многим позициям темпы прироста экспорта РФ превышают мировые, отметим и ряд особенностей, в частности, сокращение объёмов экспорта топливной древесины (за 2013 г. – в 1,5 раза к 2012 г.). Кроме того, для некоторых товаров темпы прироста рассчитать не удалось ввиду нулевых объёмов экспорта в 2000 г.

Далее рассмотрим структуру экспорта и импорта РФ по степеням переработки и видам продукции. В целом можно утверждать, что бо́льшая часть внешней торговли России приходится на товары с более высокой добавленной стоимостью. Так, в 2013 г. доля

вывоза продукции из древесины средней степени переработки и целлюлозно-бумажных изделий составила 51,6 и 29,3%, а доля ввоза – 28,4 и 71,3% всего экспорта и импорта, соответственно. При этом, если рассматривать в динамике структуру внешнеторгового оборота по степеням переработки (таблица 3), выясняется, что за весь исследуемый период доля импорта товаров низкой степени обработки не достигала даже отметки 4%, а за последние девять лет – даже 1%, что говорит о полном самообеспечении России продукцией лесной промышленности низкой степени переработки.

Таблица 3. Динамика структуры российского внешнеторгового оборота по трём товарным группам в 1992–2013 гг., %

Год	Изделия из древесины				Целлюлозно-бумажные изделия	
	низкой степени переработки		средней степени переработки			
	экспорт	импорт	экспорт	импорт	экспорт	импорт
1992	99,8	0,2	98,1	1,9	85,6	14,4
1993	98,8	1,2	99,1	0,9	91,4	8,6
1994	96,2	3,8	96,2	3,8	91,4	8,6
1995	97,8	2,2	97,8	2,2	96,8	3,2
1996	99	1,0	95,9	4,1	67,1	32,9
1997	99,3	0,7	87,4	12,6	61,1	38,9
1998	99,4	0,6	88,3	11,7	78,1	21,9
1999	99,6	0,4	92,1	7,9	79,8	20,2
2000	99	1,0	92,2	7,8	83,1	16,9
2001	99,1	0,9	90,2	9,8	78,5	21,5
2002	99,7	0,3	90,5	9,5	70,9	29,1
2003	98,9	1,1	89,3	10,7	67,8	32,2
2004	98,9	1,1	89,9	10,1	69,1	30,9
2005	99,4	0,6	90,0	10,0	65,6	34,4
2006	99,5	0,5	89,1	10,9	64,0	36,0
2007	99,4	0,6	89,0	11,0	61,1	38,9
2008	99,4	0,6	86,5	13,5	59,7	40,3
2009	99,8	0,2	89,5	10,5	57,0	43,0
2010	99,8	0,2	88,3	11,7	57,5	42,5
2011	99,7	0,3	86,8	13,2	57,7	42,3
2012	99,6	0,4	85,0	15,0	57,1	42,9
2013	99,5	0,5	84,7	15,3	55,7	44,3

В то же время доля экспорта во внешнеторговом обороте изделий из древесины средней степени обработки за весь рассматриваемый период также была стабильно высокой и только в 2013 г. опустилась ниже 85%. Более сбалансированной является внешняя торговля России целлюлозно-бумажными изделиями, но и здесь в структуре внешнеторгового оборота на протяжении всего периода преобладает вывоз продукции.

Что касается структуры экспорта по видам продукции, наибольшую долю занимают пиломатериалы и деловой круглый лес из хвойных пород (35,3% и 11,9%), а также целлюлоза (9,6%) и фанера (10,0%). Далее идут прочие сорта бумаги и картона (8,9%), газетная (5,8%), писчая и печатная бумага (3,3%), деловой круглый лес прочих пород (4,6%), стружечные плиты (2,0%), пиломатериалы прочих пород (1,5%), топливные древесные гранулы (1,3%).

В структуре импорта продукции ЛПК преобладают целлюлозно-бумажные изделия: прочие сорта бумаги и картона (45,2%) и печатная и писчая бумага (21,9%). Значимый вклад также вносят стружечные плиты (11,4%), древесноволокнистые плиты средней плотности (10,1%), целлюлоза (3,6%), фанера и твердые плиты (по 2,1%), шпон (1,8%).

Итак, отметим, что главную роль в импорте РФ товаров лесопромышленного комплекса играет продукция высоких переделов. Вместе с тем в отношении вывоза товаров подобная оценка окажется далека от реальности, поскольку составляющие более трети экспорта пиломатериалы хотя и относятся формально к продукции средней степени переработки, всё же не несут в себе достаточно высокой добавленной стоимости. Как указывалось ранее, после повышения вывозных пошлин в ходе реформ 2007–2009 гг. многие производители перешли на выпуск минимально обработанного «кругляка», который экспортируется тем же потребителям под видом пиломатериалов. Поэтому говорить о том, что структура экспорта значительно изменилась в сторону увеличения добавленной стоимости, пока не приходится. Для более детального рассмотрения текущего состояния конкурентоспособности российского ЛПК в качестве аналитического способа её оценки применим методы измерения интенсивности внутриотраслевой торговли.

Аналитические методы оценки конкурентоспособности

Общие положения теории сравнительных преимуществ были описаны в начале XX в. Э. Хекшером и Б. Олиным. Согласно теории соотношения факторов производства Хекшера – Олина [9], страна экспортирует те товары, для производства которых используется её относительно избыточный фактор производства, а импортирует продукцию, для выпуска которой испытывает относительный недостаток данных факторов.

Одним из наиболее распространённых методов оценки сравнительных преимуществ исследуемой страны в международной торговле является индекс, введённый Б. Баласса, впоследствии неоднократно модифицировавшийся различными авторами. Не менее важным инструментом анализа внутриотраслевой торговли является также индекс Грубеля – Ллойда.

В статье анализируется уровень глобальной конкурентоспособности продукции российской лесной промышленности и оцениваются сравнительные преимущества страны в производстве трёх групп товаров: древесной продукции низкой и средней степени переработки и целлюлозно-бумажных изделий. Кроме того, в ходе исследования проведена попытка определить текущую стадию интеграции России в международную торговлю товарами лесопромышленного комплекса.

В первую очередь проведём оценку сравнительных преимуществ Российской Федерации в мировой торговле с помощью индекса Баласса [10], также обозначаемого как RCA (англ. Revealed Comparative Advantage):

$$RCA_{ij} = (x_{ij} / \sum_i x_{ij}) / (\sum_i x_{ij} / \sum_i \sum_j x_{ij}),$$

где – объём экспорта i -го товара j -й страны, тыс. долл.

Результаты интерпретируются следующим образом: если $RCA_{ij} > 1$, то страна j обладает сравнительным преимуществом по производству товара i .

Рассчитаем данный индекс за 2013 г. для 15 стран – крупнейших мировых игроков на рынке лесной промышленности. Рисунок 1 демонстрирует значение RCA для трёх групп продукции лесопромышленного комплекса.

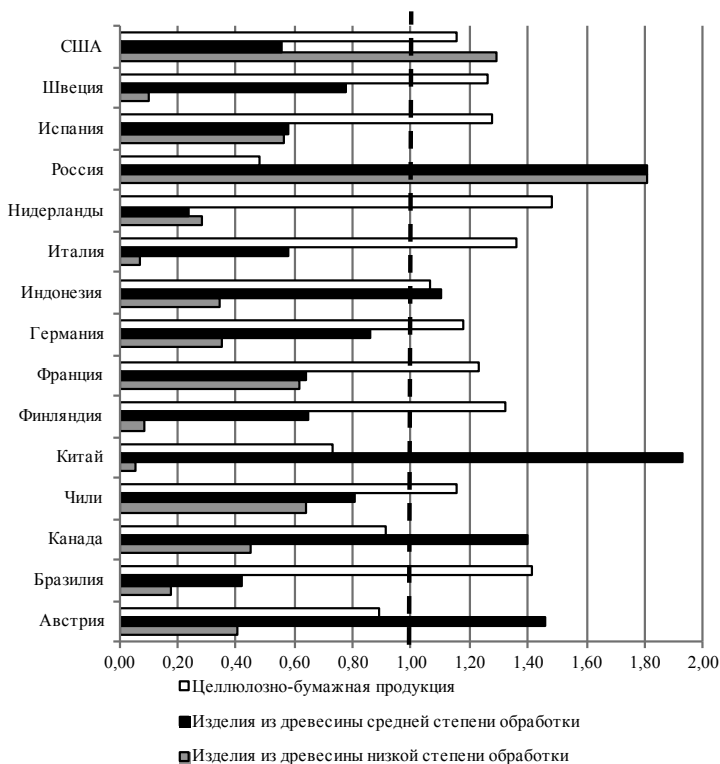

Рис. 1. Индекс Баласса по странам-лидерам на рынке лесной продукции, 2013 г.

Итак, сравнительным преимуществом в производстве лесной продукции с низкой добавленной стоимостью обладают лишь две страны из 15: Россия ($RCA = 1,81$) и США ($1,29$). В соответствии с теоремой Хекшера – Олина можно утверждать, что в этих странах производство продукции ЛПК низкой степени переработки обходится сравнительно дешевле, чем в других государствах, вследствие чего относительный вес товаров с низкой добавленной стоимостью больше, чем других товаров.

В то же время нельзя утверждать, что экспорт сырой древесины без значимого приращения добавленной стоимости является индикатором хорошей конкурентоспособности страны на рынке

лесной продукции в целом, гораздо большее значение имеет сравнительное преимущество в производстве продукции с более высокой добавленной стоимостью. По товарам из древесины средней степени переработки сравнительным преимуществом обладают Китай (1,93), Россия (1,81), Австрия (1,46), Канада (1,40), Индонезия (1,10). Примечательно, что для России значения индекса Баласса по изделиям низкой и средней обработки практически совпадают, отличаясь лишь на уровне четвёртого знака после запятой.

Наконец, большая часть рассматриваемых государств обладает сравнительным преимуществом в производстве целлюлозно-бумажных изделий: Нидерланды (1,48), Бразилия (1,42), Италия (1,36), Финляндия (1,32), Испания (1,27), Швеция (1,26), Франция (1,23), Германия (1,18), США (1,16), Чили (1,16), Индонезия (1,07). Для России значение индекса по данной категории составило 0,48, что является наименьшим показателем среди рассматриваемых стран. Это свидетельствует о низкой конкурентоспособности продукции целлюлозно-бумажной отрасли.

Далее рассмотрим динамику изменения уровня конкурентоспособности по 15 странам-лидерам на мировом рынке продукции ЛПК за 2000–2013 гг. Для анализа мы использовали графическую интерпретацию индекса Аквино [11], представляющего собой отношение индекса Балассы по экспорту (RCA) к аналогичному индексу для импорта – RCDA (Revealed Comparative Disadvantage). Для преодоления асимметричности исходных индексов Балассы числитель и знаменатель были нормированы на величины $(RCA - 1) / (RCA + 1)$ и $(RCDA - 1) / (RCDA + 1)$ соответственно [12]. Симметричные индексы Баласса могут принимать значения от -1 до 1 . Значение индекса Баласса до коррекции, равное 1 , соответствует значению симметричного индекса, равному 0 .

Полученное графическое представление скорректированного индекса Аквино можно использовать для определения характера международной специализации страны. Рисунок 2 демонстрирует изменение симметричного индекса Аквино для 15 стран с 2000 г. по 2013 г. применительно к продукции ЛПК низкой степени переработки. Направление изменения указано вектором. Ось абсцисс отображает значения индексов Балассы по импорту, ось ординат – по экспорту. Четыре квадранта определяют различные стадии интеграции страны в международную торговлю [13].

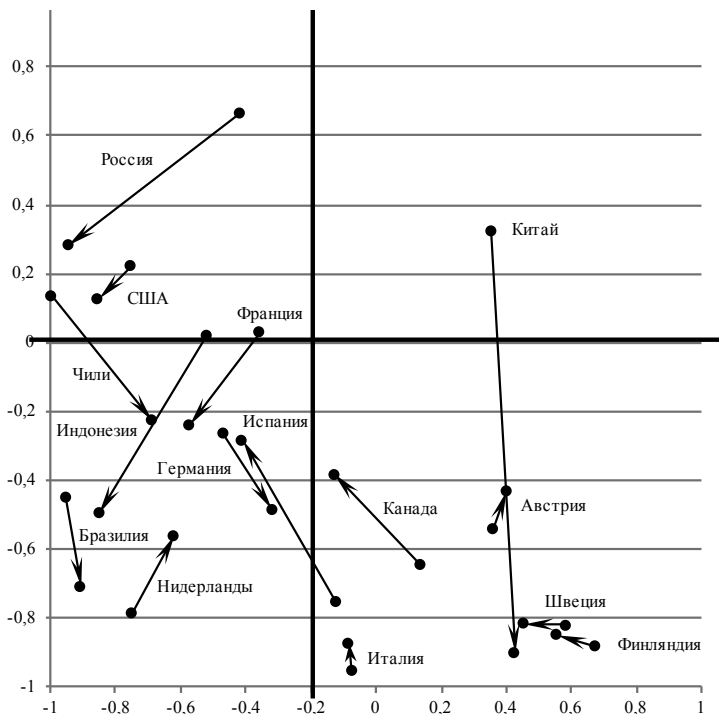

Рис. 2. Динамика индекса Аквино по продукции ЛПК низкой степени переработки для 15 стран за 2000–2013 гг.

Страны в первом квадранте (правый верхний) успешно занимаются внутриотраслевой торговлей, они специализируются на импорте и экспорте товаров одной категории. Страны из второго квадранта (левый верхний) ориентированы на экспорт, а их импорт находится на уровне ниже среднего. В этом случае можно говорить о межотраслевой специализации. Страны, попавшие в третий квадрант (нижний левый), не имеют ориентации на ввоз или вывоз продукции, по данной категории товаров они представляют собой «закрытую экономику». Наконец, страны из четвёртого квадранта ориентированы на импорт продукции,

а их экспорт находится на уровне ниже среднего. Таким образом, они являются нетто-импортёрами.

Рисунок наглядно демонстрирует, что на данный момент ни одна из стран-лидеров на рынке продукции ЛПК не имеет специализации по внутриотраслевой торговле товарами низкой степени переработки. При этом даже на начало периода единственной такой страной из рассматриваемых 15 являлась КНР. Совершенно естественно, что Россия и США, обозначенные нами выше как обладающие сравнительным преимуществом в производстве данной категории товаров, попали во второй квадрант, т. е. имеют межотраслевую специализацию. При этом в начале периода в эту категорию также входили Чили, Индонезия и Франция, впоследствии переместившиеся в третий квадрант. Отметим, что сравнительное преимущество России в производстве данной категории товаров за прошедший период снизилось, в результате чего индекс Баласса по импорту сократился больше, чем у всех остальных стран. Тем не менее выход России из категории стран, имеющих межотраслевую специализацию по продукции низкой степени обработки, в ближайшее время маловероятен.

Большая часть государств оказалась в третьем квадранте (почти все члены ЕС, а также Чили, Канада, Бразилия и Индонезия), т. е. данные страны не имеют ярко выраженной ориентации на экспорт или импорт по отношению к данному товару. В четвёртом квадранте в основном находятся страны, имеющие низкое значение индекса Баласса по экспорту. Среди них следует выделить Китай, который за 2000–2013 гг. значительно сократил свой экспорт продукции с низкой добавленной стоимостью и стал нетто-импортёром данных товаров для их последующей переработки.

Рассмотрим динамику индекса Аквино по изделиям из древесины средней степени переработки (рис. 3). По данной категории товаров на внутриотраслевой торговле специализируются Россия и Канада, а Китай, Австрия и Индонезия имеют межотраслевую специализацию. Единственным нетто-импортёром древесной продукции средней степени обработки являются США, а большая часть государств снова демонстрируют отсутствие ярко выраженной ориентации на ввоз или вывоз продукции.

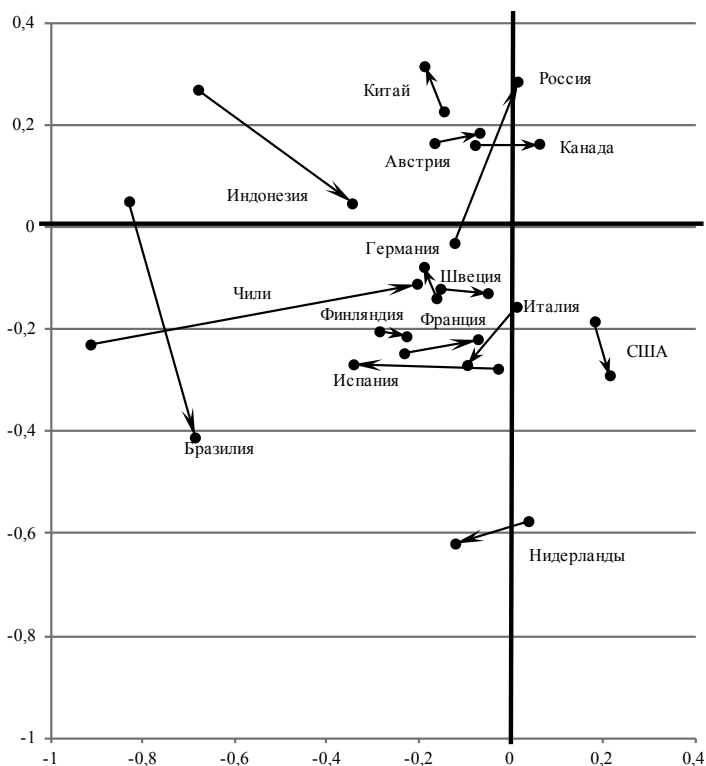

Рис. 3. Динамика индекса Аквино по древесной продукции ЛПК средней степени переработки для 15 стран за 2000–2013 гг.

Россия в течение рассматриваемого периода совершила значительный «скачок» из третьего квадранта в первый, что свидетельствует о постепенном наращивании объёмов внутриотраслевой торговли товарами данной категории.

Далее рассмотрим динамику индекса Аквино по целлюлозно-бумажным изделиям (рис. 4), по которым большая часть государств имеет внутриотраслевую специализацию. Россия в данном случае является единственным нетто-импортёром, и, судя по направлению вектора, сколько-нибудь положительных изменений её позиции в краткосрочном периоде ожидать не следует.

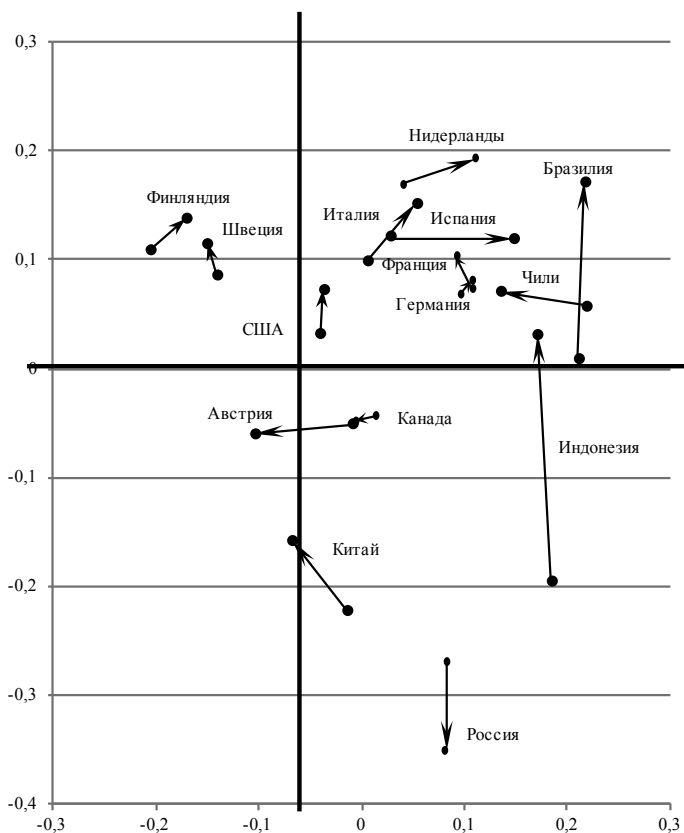

Рис. 4. Динамика индекса Аквино по целлюлозно-бумажным изделиям для 15 стран за 2000–2013 гг.

Для более углублённого изучения внутриотраслевой торговли РФ мы использовали индекс Грубеля – Ллойда [14]. Формула расчёта индекса выглядит следующим образом:

$$GL = 1 - |x_i - M_i| / (x_i + M_i),$$

где X_i и M_i обозначают соответственно объёмы экспорта и импорта товара i , тыс. долл.

Значения индекса изменяются от 0, что указывает на одностороннюю направленность торговли, до 1 (сбалансированность внешней торговли). Данный метод развивает идеи Б. Баласса

и позволяет определить удельный вес внутриотраслевой торговли страны в общем объёме её внешней торговли для отдельно взятого сектора.

Для наглядного рассмотрения структуры внутриотраслевой торговли РФ мы рассчитали индекс Грубеля – Ллойда (далее – ИГЛ) не только для агрегированных по степени переработки показателей, но и по отдельным видам продукции (таблица 4).

**Таблица 4. Индексы Грубеля – Ллойда для продукции
 российского ЛПК в 2013 г.**

Древесный уголь	0,874
Топливная древесина	0,017
Щепа и стружка	0,039
Древесные топливные гранулы	0,024
Древесные отходы	0,026
Деловой круглый лес (X)	0,005
Деловой круглый лес (Л), прочие породы	0,003
Деловой круглый лес (Л), тропические породы	–
Изделия из древесины низкой степени обработки	0,011
Пиломатериалы (X)	0,004
Пиломатериалы (Л)	0,181
Твёрдые плиты	0,828
Изоляционные плиты	0,068
Древесноволокнистые плиты средней плотности	0,513
Стружечные плиты	0,694
Фанера	0,126
Шпон	0,687
Изделия из древесины средней степени обработки	0,305
Целлюлоза	0,217
Полуцеллюлоза	0,033
Целлюлоза для хим. переработки	0,000
Механическая древесная масса	0,001
Прочая масса из недревесного волокна	0,048
Рекуперированная бумага	0,045
Газетная бумага	0,017
Печатная и писчая бумага	0,626
Прочие сорта бумаги и картона	0,752
Целлюлозно-бумажные изделия	0,885
Все товары	0,492

Из таблицы 4 следует, что менее трети рассматриваемых товаров имеют высокий ИГЛ, для большинства же из них индекс близок к 0. Из всего перечня товаров с низкой добавленной стоимостью высокое значение индекса имеет лишь древесный уголь (0,874). Больше всего товаров с высокими значениями ИГЛ присутствует в группе изделий из древесины средней степени обработки, что подтверждает результаты выполненного ранее анализа индекса Аквино и также свидетельствует о развитии внутриотраслевой торговли товарами этой категории. Так, высокие значения показали твёрдые (0,828) и стружечные плиты (0,694), шпон (0,687) и древесноволокнистые плиты средней плотности (0,513). Среди целлюлозно-бумажных изделий высокие показатели демонстрируют прочие сорта бумаги и картона (0,752) и печатная и писчая бумага (0,626). Тем не менее среди товаров с большими значениями ИГЛ существенный вклад в структуру российского ЛПК вносят лишь прочие сорта бумаги и картона (5290 тыс. т. на 2013 г.), остальные же занимают незначительные доли в общем объёме производства лесной промышленности.

Отметим, что целлюлоза для химической переработки имеет нулевое значение ИГЛ, поскольку не ввозится в Россию. Также не представляется возможным посчитать индекс для тропических пород круглого леса по причине полного отсутствия экспорта и импорта.

По сумме всех рассматриваемых товаров ИГЛ хотя и значим, но в целом невысок (0,492), что подтверждает несбалансированность внешней торговли России. При этом для целлюлозно-бумажных изделий (0,885) индекс существенно больше, чем для древесной продукции с низкой (0,011) и средней (0,305) добавленной стоимостью. Динамику значений ИГЛ по агрегированным показателям демонстрирует рисунок 5.

Отметим, что с увеличением добавленной стоимости на протяжении рассматриваемого периода росла и интенсивность развития внутриотраслевой торговли продукцией ЛПК. Так, ИГЛ по товарам низкой степени переработки оставался в целом стабильным на протяжении всего периода, не достигая даже отметки 0,1. Небольшие колебания демонстрирует и группа древесной продукции средней степени обработки, лишь в последние годы превысившая значение 0,3. Отметим всё же, что

по данной группе товаров с 2000 г. наблюдается постепенный рост интенсивности внутриотраслевой торговли, что отражено и на иллюстрации динамики индекса Аквино по этой категории продукции ЛПК.

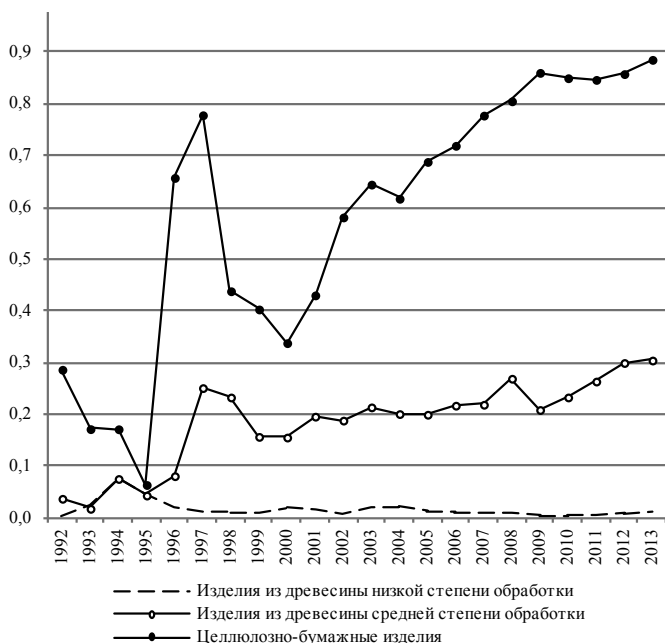

Рис. 5. Динамика значений индекса Грубеля – Ллойда для агрегированных групп продукции ЛПК за 1992–2013 гг.

Наиболее динамично из трёх групп развивалась в 1992–2013 гг. внутриотраслевая торговля целлюлозно-бумажными изделиями. Полученное распределение индексов Грубеля – Ллойда по группам товаров объясняется результатами проведённого ранее анализа структуры внешнеторгового оборота РФ. Так, по целлюлозно-бумажным изделиям внешняя торговля России является более сбалансированной, чем по двум другим группам, поскольку доли экспорта и импорта в обороте страны по данной категории товаров наиболее близки друг к другу.

Выводы и предложения

С начала 1990-х годов вклад развивающихся государств в общемировой экспорт лесной продукции неизменно увеличивается. В данном контексте Россию, скорее всего, также следует отнести к этой группе стран. РФ является одним из крупнейших мировых экспортёров продукции ЛПК. Практически по всем позициям товарной номенклатуры за 2000–2013 гг. среднегодовые темпы прироста экспорта РФ превышали мировые. Традиционное представление о структуре российской торговли как о вывозе преимущественно продукции низкой степени обработки и ввозе переработанных товаров справедливо для лесопромышленного комплекса лишь отчасти. В последние годы структура внешней торговли в сфере лесной промышленности России начала меняться в сторону увеличения добавленной стоимости, несмотря на то, что определенная доля этого прироста обеспечена за счет продукции самой низкой степени переработки.

Используя широко применяемые меры оценки конкурентоспособности стран в мировой торговле, мы проанализировали положение России на мировом рынке лесной продукции. Индекс Баласса продемонстрировал, что Россия имеет значительное сравнительное преимущество в производстве изделий из древесины низкой и средней степени обработки ($RCA = 1,81$), но отечественное целлюлозно-бумажное производство неконкурентоспособно на мировом рынке в сравнении с другими странами ($RCA = 0,48$). Вместе с тем индекс Аквино, учитывающий динамику не только экспорта, но и импорта, показал тенденцию снижения межотраслевой специализации страны по товарам с низкой добавленной стоимостью и одновременно – роста интенсивности внутриотраслевой торговли древесной продукцией средней степени переработки за период 2000–2013 гг. Что касается продукции целлюлозно-бумажной промышленности, то в данном случае Россия относится к категории нетто-импортёров, и в ближайшей перспективе переход в иную группу маловероятен.

Расчёт индекса Грубеля – Ллойда показал, что в целом по всей товарной номенклатуре уровень внутриотраслевой торговли невелик ($0,492$), но при этом её интенсивность растёт с увеличением

добавленной стоимости. Наиболее сбалансированной является внешняя торговля России продукцией целлюлозно-бумажной промышленности (55,7% экспорта и 44,3% импорта). В торговле изделиями из древесины низкой и средней степени обработки экспорт преобладает в гораздо большей степени (99,5% и 84,7% соответственно).

Несмотря на то, что Россия обладает 20% общемировой площади лесов и занимает второе место по запасам древесины, а структура её внешней торговли постепенно идёт по пути наращивания добавленной стоимости, конкурентоспособность отечественного лесопромышленного комплекса на данный момент по-прежнему не соответствует его возможностям. Развитие данного потенциала во многом зависит не только от объективных экономических факторов, но и от эффективности государственной промышленной политики.

Сейчас в отрасли фактически реализуется инерционный сценарий, в том числе потому, что основной документ, определяющий развитие ЛПК – Стратегия развития лесного комплекса Российской Федерации на период до 2020 г. – не учитывает в полной мере российские реалии. Несмотря на некоторые позитивные сдвиги, коренных изменений в структуре производства и экспорта продукции ЛПК в последние годы не произошло. Наиболее масштабная реформа 2007–2009 гг., результатом которой стало повышение экспортных пошлин на экспорт круглого леса, не достигла своей главной цели – не стимулировала глубокую переработку древесного сырья. Несмотря на то, что среднегодовой темп прироста российского экспорта по основным номенклатурным позициям продукции ЛПК за 2000–2013 гг. почти в два раза превышает аналогичный мировой показатель, вклад лесной промышленности в ВВП России неуклонно снижается, равно как и объём инвестиций в основной капитал предприятий отрасли.

Проведённый нами анализ демонстрирует, что для выхода российского ЛПК на качественно новый уровень, для устойчивого роста конкурентоспособности продукции с высокой добавленной стоимостью и появления значимых сравнительных преимуществ в этой сфере совершенно недостаточно вялотекущего законодательного процесса. Для модернизации отрасли необходим комплекс действительно смелых решений.

По мнению авторов, с точки зрения повышения конкурентоспособности продукции ЛПК приоритетное значение имеет стимулирование инновационной активности в отрасли. В настоящий момент в российском лесопромышленном комплексе сложилось уникальное сочетание факторов, которые, при умело проводимой государственной политике, смогут способствовать выходу отрасли на путь устойчивого развития. Низкая фактическая стоимость и значимость запасов лесного сырья определяют сравнительное преимущество в затратах на производство переработанной лесной продукции относительно конкурентов. С другой стороны, серьёзным ограничением для развития в долгосрочном периоде является тот факт, что лишь небольшая часть расчётной лесосеки экономически доступна. Вместе с тем в краткосрочном периоде девальвация рубля стимулирует отрасль к созданию действительно высокопередельной продукции.

Успешным примером реализации механизмов эффективного государственно-частного партнерства в целях стимулирования инновационной деятельности в промышленности является, например, Фонд Чили [15–16]. Данный механизм использует идею венчурного инвестирования в технологических секторах средней степени наукоемкости. Опыт реализации данного проекта показал, что наиболее эффективным способом его финансирования является смешанное инвестирование со стороны государства и частного сектора с условием возвратности по мере получения положительных финансовых результатов. В условиях фактического импорта технологий производства при поддержке Фонда удалось создать ряд инновационных компаний, реализующих на мировых рынках продукцию стоимостью несколько миллиардов долларов в год.

Ценность описанного опыта заключается в том, что, по мнению авторов, он соответствует институциональным условиям функционирования промышленности в России, поскольку, во-первых, не предполагает исключительно государственных инвестиций, которые имеют низкий мультипликатор, во-вторых, опирается на заимствование технологий, то есть не требует долгосрочной разработки тех сфер машиностроения и лесной промышленности, в которых страна отстала от мировых лидеров, возможно, навсегда.

Применительно к решению задач долгосрочного развития лесопромышленного комплекса России реализация вышеописанного механизма могла бы быть возложена на Фонд развития инициатив в области лесной промышленности, учредителем которого выступило бы Правительство РФ. Основной задачей данной организации являлась бы поддержка наиболее качественных проектов в области эффективного производства лесопромышленной продукции. Поскольку выстраивание разветвленной системы национальных научных исследований в данной сфере в сложившихся условиях представляется трудновыполнимой задачей, то, по аналогии с Фондом Чили, следует отбирать для реализации только такие инвестиционные проекты, которые предполагают использование лучших имеющихся импортированных технологий с целью создания конкурентоспособной продукции на тех рынках, на которых Россия на сегодняшний день слабо представлена.

Создание подобного фонда в России со специализацией, прежде всего, на лесной промышленности – это один из возможных институциональных способов повышения конкурентоспособности отрасли, её инвестиционной привлекательности, возможность увеличить вклад ЛПК в экономику страны и создать систему производственных цепочек со значимым наращением добавленной стоимости.

Литература

1. Блам Ю. Ш., Машкина Л. В., Ермолаев О. В. Лесное ярмо России // ЭКО. – 2011. – № 2. – С. 4–14.
2. Колесникова А. В. Основные проблемы и вызовы в развитии отечественного лесного комплекса // ЭКО. – 2013. – № 11 (743) . – С. 5–25.
3. Заседание президиума Государственного совета «О повышении эффективности лесного комплекса Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/news/17876>
4. Годовой обзор WhatWood: В 2013 г. российский лесной комплекс определился с точками роста. URL: <http://whatwood.ru/godovoy-obzor-whatwood-v-2013-g-rossiyskiy-lesnoy-kompleks-opredelilsya-s-tochkami-rosta/>
5. Состояние приоритетных секторов экономики государств – членов Таможенного союза и Единого экономического пространства, январь-декабрь 2013 года. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_prom/SiteAssets/Материалы%20в%20разделе%20Аналитика/Обзор%20приоритетных%20секторов%20экономики%20ЯНВАРЬ-ДЕКАБРЬ%202013.pdf

6. Антонова Н. Е., Ланкин А. С. Лесной комплекс российского Дальнего Востока: влияние внешних рынков и внутренней политики // *Пространственная экономика*. – 2009. – № 1. – С. 26–50.
7. Блам Ю. Ш., Бабенко Т. И., Машкина Л. В., Ермолаев О. В. Экономические последствия государственного регулирования лесного сектора // *Регион: экономика и социология*. – 2011. – № 2. – С. 211–222.
8. Липин А. С., Гайдук Е. А. Перспективы развития лесной отрасли Сибири в условиях изменения внешнеэкономической конъюнктуры // *Регион: экономика и социология*. – 2008. – № 3. – С. 104–125.
9. Ohlin B. *Interregional and international trade*. Harvard University Press, Cambridge, 1933.
10. Balassa B. Trade liberalization and revealed comparative advantage // *Manch. Sch. Econ. Soc. Stud.* – 1965. – V. 33. – P. 99. – 123.
11. Aquino A. Aspetti Empirici Essenziale del Processo di Globalizzazione. In: *Acocella N Globalizzazione e Stato Sociale* (ed). Mulino, 1999.
12. Laurson K. Revealed comparative advantage and the alternatives as measures of international specialization // *Danish Research Unit for Industrial Dynamics. DRUID Working Paper*. – 1998. – № 98. – P. 30.
13. Algieri B. Trade specialisation patterns: the case of Russia Bank of Finland BOFIT-Institute for Economies in Transition, Discussion Paper 2004. – № 19.
14. Grubel H., Lloyd P. *Intra-industry Trade: The Theory and Measurement of International Trade with Differentiated Product*. London: Macmillan, 1975.
15. Российская промышленность на этапе роста: факторы конкурентоспособности фирм / Под редакцией К.Р. Гончар и Б.В. Кузнецова; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Вершина, 2008. – 480 с.
16. Яковлев А., Гончар К. Приложение к докладу «Об использовании в России опыта новых индустриальных стран в формировании “институтов развития” и стимулировании инновационного экономического роста» // Гос. ун-т – Высшая школа экономики, Межведомственный аналитический центр. URL: <http://www.iacenter.ru/publications/70>

Влияние безработицы на социально-экономическое развитие региона (на примере Республики Тыва)*

Т.М. ОЙДУП, кандидат социологических наук. E-mail: tana_o@mail.ru

А.Ч. КЫЛГЫДАЙ, Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН, Кызыл. E-mail: aikys_k@mail.ru

В статье изучаются социальные и экономические последствия безработицы, проблемы рынка труда Республики Тыва, имеющего один из самых высоких уровней безработицы. Дана оценка взаимосвязи безработицы и социально-экономического развития региона.

Ключевые слова: безработица, рынок труда, региональная экономика

Одна из ключевых социально-экономических проблем современного этапа развития общества – безработица. Она влияет практически на все уровни экономической и социальной жизни общества, а также на каждого участника экономического процесса [1. С. 110]. В качестве материальной предпосылки безработицы выступают спад производства и структурные преобразования в экономике [2. С. 135].

Безработица усугубляет социальную напряженность в обществе, что в свою очередь ослабляет экономическую безопасность страны. Поэтому особого внимания заслуживает вопрос изучения влияния рынка труда на социально-экономические процессы.

В настоящее время ситуация на рынке труда Российской Федерации оказывает неоднозначное влияние на социально-экономическое развитие. С одной стороны, рынок расширил многообразие форм занятости и увеличил возможности самореализации населения в сфере экономики, но с другой – институциональные преобразования и кризисные явления в российском обществе привели к значительному росту уровня безработицы.

Современные реалии на рынке труда

Среди регионов Сибирского федерального округа самый низкий уровень безработицы в 2012 г. отмечался в Красноярском

* Статья подготовлена при поддержке РФГНФ, проект № 14–12–17001.
5*

крае – 5,5%, самый высокий – в Республике Тыва – 18,4%. На протяжении многих лет безработица в Тыве остается наиболее острой социально-экономической проблемой региона – ее уровень в 3,3 раза выше, чем в целом по РФ, и в 2,6 раза – чем в СФО (табл. 1).

**Таблица 1. Уровень безработицы в регионах
Сибирского федерального округа в 1995–2012 гг., %**

Регион	1995	1997	1999	2000	2002	2004	2006	2008	2010	2011	2012
СФО	9,1	13,9	14,9	12,6	10,1	10	8,7	8,3	8,7	8,1	7,1
Респ. Алтай	9,9	18,5	19	17,5	11,5	9,6	11,4	12,6	12,2	12,8	11,6
Респ. Бурятия	15,1	21,3	17,3	19,1	15,4	15,3	14,2	12	10,4	9	7,9
Респ. Тыва	21,4	22	25,7	22,9	20,5	19,7	20,3	18,6	21,7	17,3	18,4
Респ. Хакасия	8,7	13	15,7	12,3	8	10,3	9,1	7,2	9,1	7,2	7,9
Алтайский кр.	11,1	14	12,5	11,5	8,3	9	8,9	8,3	8,8	8,5	6,2
Забайкальский кр.	9,2	18,5	20,2	13,9	11,1	12,4	6,2	14,9	11,1	10,6	10,6
Красноярский кр.	9	13,3	14,2	11,9	7,7	9,2	8,7	6,4	6,2	6	5,5
Иркутская обл.	8,9	14,4	14,7	11,4	11	10,5	8,5	8,5	10,1	9,1	7,8
Кемеровская обл.	6,6	11,2	13,7	10,4	9,3	9,8	7,4	6,6	8,9	8,1	7,1
Новосибирская обл.	10,1	12,7	14,5	13,4	11,4	9	7,4	7,3	7,7	6,8	5,6
Омская обл.	5,4	13,4	14,5	13,9	9,5	9,1	9,1	7,8	8,1	7,9	6,9
Томская обл.	7,9	12,8	16,2	12,2	11,1	10,1	8,9	8,1	7,7	9,1	8,4

Источник: [3. С. 124].

Современное состояние рынка труда в Тыве обусловлено в большей степени нерешенными проблемами прошлого столетия, выступающими в качестве деструктивного фактора развития республики. Спад в экономике региона в переходный период привел к росту безработицы, снижению уровня оплаты труда. Проблема бедности населения Тывы сохраняет остроту в течение всего наблюдаемого периода – для республики характерна более высокая доля бедного населения, чем в среднем по России.

Сложная ситуация на рынке труда стала основной причиной низкого уровня среднедушевых доходов населения региона: в 1990 г. – 68,5% от среднероссийского показателя, в 2011 г. – 52,8%. Для рынка труда Тывы характерны проблемы, типичные для страны в целом, но проявляющиеся наиболее остро – устойчивая безработица, низкие темпы создания новых рабочих мест, несбалансированность рабочей силы и рабочих мест [4. С. 31]. Высокий уровень безработицы превращается в одну из наиболее значимых проблем в экономическом и социальном развитии республики, так как сужает источники дохода семей, вызывает

ограничение спроса на товары и услуги, а значит, сокращает налоговую базу формирования бюджета и возможности реализации социальных программ, сдерживает экономический рост, к тому же ведет к маргинализации части населения и росту преступности.

По уровню жизни населения Республика Тыва находится на полюсе общероссийского неблагополучия – в 2012 г. уровень бедности ее населения составил 28,1%, а среднедушевой доход бедного населения – 4349 руб. (68,8% от величины прожиточного минимума). Несмотря на снижение численности малообеспеченных жителей (имеющих доходы ниже прожиточного минимума) со 139,6 тыс. человек в 2005 г. до 87 тыс. – в 2012 г., по уровню бедности Тыва устойчиво лидирует среди регионов СФО. Проблемы высокой безработицы еще более обостряются в условиях ограниченной возможности диверсификации экономики Республики Тыва. Затруднена трудовая мобильность при слабо развитой социальной инфраструктуре и низких доходах, особенно сельского населения.

Оценка взаимовлияния показателей безработицы и социально-экономического развития региона

Важность решения проблемы безработицы для Республики Тыва подтверждается рассчитанной степенью ее влияния на социально-экономические показатели региона с использованием методов корреляционно-регрессионного анализа². Для расчетов были взяты данные об уровне безработицы, объеме валового регионального продукта (ВРП), среднедушевых денежных доходах населения, преступности по регионам Сибирского федерального округа за 1995–2012 гг. Показатели отобраны по их значимости в отражении социально-экономических процессов в регионах.

В своем исследовании мы исходим из того, что анализ строится на следующих предпосылках: безработица в разных регионах

² Корреляционный анализ выявляет взаимосвязь между случайными переменными путем точечной и интегральной оценки парных (частных) коэффициентов корреляции, вычисления и проверки значимости множественных коэффициентов корреляции и детерминации, регрессионный – исследует зависимость изучаемой переменной от различных факторов и отображает их взаимосвязь в форме регрессионной модели [5. С.178, 190].

имеет неодинаковые социальные и экономические последствия; эти различия могут быть связаны с особенностями состояния региональных рынков труда – уровнем безработицы, занятости и т. д. (табл. 2). Анализируются также социальные и экономические «потери», к которым приводит безработица.

Таблица 2. Показатели напряженности на рынке труда в 2012 г. (по данным выборочных обследований населения по проблемам занятости; в среднем за год), %

Регион	Уровень занятости	Уровень безработицы	Среднее время поиска работы безработными, мес.	Удельный вес безработных, ищущих работу 12 месяцев и более	Место, занимаемое в РФ			
					уровень занятости	уровень безработицы	среднее время поиска работы безработными	удельный вес безработных, ищущих работу 12 месяцев и более
РФ	64,9	5,5	7,5	30,9				
СФО	61,9	7,1	7,4	30,9				
Респ. Алтай	59,5	11,6	8,4	36,6	72	78	65	60
Респ. Бурятия	58,9	7,9	7,2	28,5	73	67	32	31
<i>Респ. Тыва</i>	<i>46,1</i>	<i>18,4</i>	<i>10,5</i>	<i>59,5</i>	<i>82</i>	<i>81</i>	<i>81</i>	<i>82</i>
Респ. Хакасия	59,6	7,9	7,7	31,0	71	69	48	45
Алтайский кр.	60,9	6,2	8,7	42,2	68	48	70	73
Забайкальский кр.	57,6	10,6	8,6	41,6	76	77	68	72
Красноярский кр.	64,8	5,5	5,9	16,8	33	34	7	4
Иркутская обл.	62,4	7,8	7,1	28,3	54	65	30	30
Кемеровская обл.	62,0	7,1	7,4	30,7	58	60	36	43
Новосибирская обл.	65,1	5,6	7,6	30,7	32	37	42	41
Омская обл.	64,1	6,9	6,1	21,6	39	56	10	13
Томская обл.	54,9	8,4	7,8	32,8	79	72	51	50

Источник: [3. С. 137].

В таблице 3 представлены результаты количественной оценки влияния безработицы на выбранные показатели (ВРП, среднедушевые денежные доходы, преступность) регионов СФО, в том числе Республики Тыва.

Коэффициент детерминации показывает, в какой мере вариация результата обусловлена влиянием факторов, включенных в рассматриваемое уравнение корреляционной зависимости, коэффициент эластичности – на сколько процентов изменится результат, если фактор изменится на 1%.

Таблица 3. Влияние безработицы на социально-экономические показатели региона, выраженные в коэффициентах детерминации (d) и эластичности (э), %

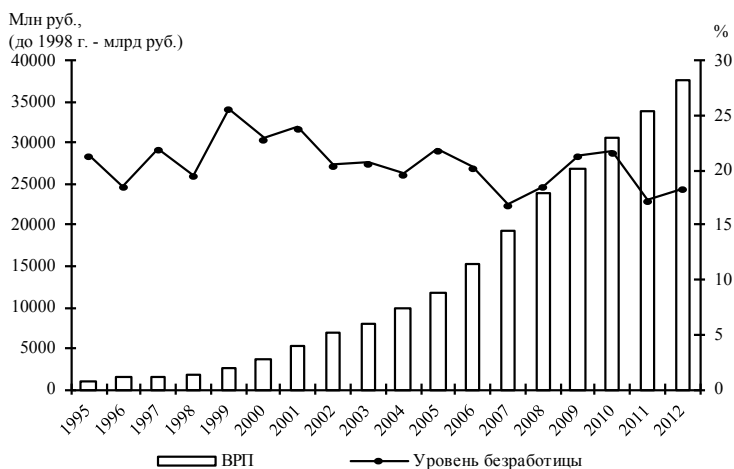
Регион	ВРП		Среднедушевой денежный доход		Преступность	
	d	э	d	э	d	э
СФО	40,5	0,8	42,8	0,8	91,3	0,9
Респ. Алтай	43,7	0,9	47,0	0,9	90,3	0,9
Респ. Бурятия	33,6	0,8	40,8	0,8	92,0	0,9
<i>Респ. Тыва</i>	<i>50,5</i>	<i>0,9</i>	<i>50,2</i>	<i>0,9</i>	<i>96,7</i>	<i>1,0</i>
Респ. Хакасия	42,7	0,8	44,1	0,8	88,2	0,9
Алтайский кр.	38,8	0,8	42,6	0,8	89,0	0,9
Забайкальский кр.	37,3	0,8	41,6	0,8	87,4	0,9
Красноярский кр.	35,0	0,7	32,4	0,7	88,2	0,9
Иркутская обл.	46,4	0,9	47,6	0,9	91,1	1,0
Кемеровская обл.	47,5	0,9	46,6	0,9	89,3	0,9
Новосибирская обл.	32,6	0,8	36,7	0,8	88,0	0,9
Омская обл.	39,2	0,8	42,6	0,8	90,8	0,9
Томская обл.	43,8	0,8	43,9	0,8	89,3	0,9

Корреляционно-регрессионный анализ выявляет наличие связи между уровнем безработицы и ВРП, среднедушевым доходом, преступностью, при этом разброс значений коэффициентов по различным регионам Сибирского федерального округа вызван различными условиями и факторами их функционирования. Анализ результатов расчетов по регионам СФО показывает высокий коэффициент как детерминации, так и эластичности в Республике Тыва по всем выбранным показателям.

А. Оукеном (в начале 1960-х гг.) эмпирическим путем было установлено, что при увеличении фактического уровня безработицы на 1% по сравнению с ее естественным уровнем происходит отставание ВВП на 3%. Даже при увеличении численности работающих и росте производительности труда для создания новых рабочих мест и удержания безработицы на прежнем уровне необходимо от 2,5 до 3% ежегодного прироста ВВП. Более поздние исследования показывают соотношение 1:2, хотя в ряде зарубежных источников используется коэффициент 1:2,5 или 1:3 [1. С. 110–111].

На рисунке представлена динамика уровня безработицы и объема ВРП в Республике Тыва за 1995–2012 гг., где наблюдается обратная зависимость между данными показателями – увеличение уровня безработицы не дает ВРП резко расти вверх

по кривой, при снижении безработицы наблюдается позитивная динамика объема ВРП.

Динамика ВРП (левая шкала) и уровня безработицы (правая шкала) в Республике Тыва за 1995–2012 гг.

Во всех регионах СФО коэффициент детерминации объема ВРП варьирует от 32,6% до 50,5%, самое высокое значение – в Республике Тыва. Коэффициент эластичности подтверждает наличие зависимости между рассматриваемыми показателями – так, при росте уровня безработицы на 1% в Тыве объем ВРП уменьшается на 0,9%.

Необходимо отметить, что в регионах СФО наблюдается положительная тенденция роста экономики, обусловившая рост номинальных и реальных денежных доходов населения. Тем не менее среднедушевые денежные доходы в регионах СФО отстают от среднероссийского уровня (23058 руб.). В 2012 г. среднедушевые денежные доходы населения Республики Тыва были меньше, чем во всех регионах СФО, – 11933 руб., и основная причина этого – сложная ситуация в сфере занятости. Согласно расчетам, среднедушевые денежные доходы населения Тывы снижаются на 0,9% на каждый процент увеличения уровня безработицы.

Из всех регионов СФО Тыва имеет самое высокое значение детерминации (96,7%) – это указывает на большую зависимость социальной напряженности в республике от роста безработицы.

Согласно статистике, более 78,3% преступлений в Тыве совершаются неработающими людьми. По коэффициенту эластичности в Тыве и Иркутской области при росте безработицы на 1% показатель преступности увеличивается на 1%. Во всех остальных регионах коэффициент эластичности составил 0,9%.

Потенциальные возможности развития экономики и социальной сферы

В настоящее время экономика и социальная сфера Республики Тыва переживают стадию стабильного развития, подготовки к рывку за счет вовлечения в хозяйственный оборот крупных месторождений полезных ископаемых. В 2011 г. стартовало строительство важнейшего инфраструктурного объекта – железной дороги Кызыл – Курагино, которая свяжет Тыву с рельсовой сетью страны. Реализация проекта приведет к полной интеграции республики в федеральное экономическое пространство. Предполагается, что срок исполнения этого проекта – 2015–2019 гг. [6]. Коренные сдвиги в экономике могут быть достигнуты в основном в результате освоения минерально-сырьевой базы, развития горнодобывающей промышленности, что обеспечит рост бюджетных доходов республики за счет дополнительных налоговых поступлений, а также продажи и увеличения стоимости лицензий на разработку месторождений полезных ископаемых. Создание железнодорожного сообщения сделает возможной разработку ранее неосвоенных из-за отсутствия транспортной инфраструктуры месторождений.

Реализация этого комплексного проекта существенно увеличит занятость населения: только угольный проект создаст 3,3 тыс. рабочих мест, строительство железной дороги – 18 тыс., ее эксплуатация – 2,5 тыс. С учетом мультипликативного эффекта потенциальное число новых постоянных рабочих мест составит более 10 тыс., из них в промышленных отраслях – 8 тыс., что в несколько раз превысит текущий уровень занятости.

Проблемы трудоустройства безработных в первую очередь должны решать органы местного самоуправления, которые, зная скрытые возможности местных предприятий, могут создавать новые рабочие места и реализовывать социальные программы. В плане эффективного снижения безработицы в Республике Тыва можно отметить губернаторский проект «Одно село – один продукт», финансируемый за счет ряда республиканских целевых

программ («Государственная поддержка и развитие малого и среднего предпринимательства в Республике Тыва», «Вовлечение молодежи в предпринимательскую деятельность «Ты – предприниматель», «Снижение напряженности на рынке труда Республики Тыва» и др.). Только благодаря губернаторскому проекту на селе в 2013 г. появилось более 600 новых рабочих мест, что способствовало снижению уровня официальной безработицы на 0,2% [7]. По итогам 2013 г. показатель численности занятого населения увеличился на 2,9 тыс. человек по сравнению с 2012 г.

Республика Тыва характеризуется большей степенью влияния безработицы на социально-экономические процессы, чем другие регионы СФО. Поэтому требуется разработка мер по совершенствованию регулирования рынка труда региона. Необходимы проведение сбалансированной инвестиционной политики, стимулирующей более полное использование имеющихся рабочих мест, а также поддержка создания и развития малых предприятий. Направление капитальных вложений как в перспективные инновационные отрасли, так и в традиционные для региона, ускоренное создание новых рабочих мест позволят повысить среднедушевые доходы населения, снизить уровень социальной напряженности в регионе.

Литература

1. Бреев Б. Д. Безработица в современной России. – М.: Наука, 2005. – 271 с.
2. Экономическое развитие современной России: монография / Под ред. Н. В. Яремчука. – М.: Премьера, 2005. – 328 с.
3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: Стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – 990 с.
4. Кылгыдай А. Ч. Рынок труда региона: проблемы формирования и регулирования (на примере Республики Тыва) // Региональная экономика: теория и практика. – 2012. – № 35 (266). – С. 31–38.
5. Орлова И. В., Половиков В. А. Экономико-математические методы и модели: компьютерное моделирование: Учеб. пособие. – М.: Вузовский учебник, 2007. – 365 с.
6. Распоряжение Правительства РФ № 678 от 17 апреля 2015 г. «План мероприятий, направленных на социально-экономическое развитие Республики Тыва, на 2015–2025 годы» [Электронный ресурс] URL: http://gov.tuva.ru/press_center/news/other_news/13261/ (дата обращения: 24.04.2015).
7. В Тыве подвели итоги реализации в 2013 году целевых программ [Электронный ресурс] URL: http://gov.tuva.ru/press_center/news/economu/8955/ (дата обращения: 16.06.2014).

Влияние государственной демографической политики на качественные показатели рождаемости (на примере субъектов Севера и Арктики)

В. П. ТОИЧКИНА, Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина КНЦ РАН, г. Апатиты. E-mail: popova@iep.kolasc.net.ru

В статье дана оценка уровня рождаемости с точки зрения устойчивого демографического развития за 2007–2013 гг. по предложенной шкале оценки качества устойчивости индикатора «суммарный коэффициент рождаемости». Определены его качественные изменения в среднем по России и субъектам Севера и Арктики.

Ключевые слова: уровень рождаемости, область устойчивости и неустойчивости

Одно из приоритетных направлений для российского Севера и Арктики – комплексное социально-экономическое развитие, предусматривающее улучшение качества жизни населения, а также обеспечивающее положительные демографические процессы его воспроизводства [1]. Их основой является естественный прирост населения, который в значительной мере происходит за счет увеличения рождаемости.

Исследование качественного изменения уровня рождаемости с точки зрения устойчивого демографического развития российского Севера и Арктики за годы реализации (2007–2013 гг.) государственной демографической политики [2] проводилось по индикатору «суммарный коэффициент рождаемости» (СКР) – наиболее точному показателю уровня рождаемости. Он характеризует среднее число рождений у одной женщины в возрасте 15–49 лет за всю её жизнь при сохранении существующих уровней рождаемости в каждой возрастной группе в данный год. Предельно-критическое значение этого показателя, принятое в мировой практике для оценки устойчивости, – 2,15.

Нами исследованы все территории, которые входят в районы Крайнего Севера, и местности, приравненные к ним: республики

Карелия, Коми, Саха (Якутия), Тыва; Камчатский край; Архангельская, Магаданская, Мурманская, Сахалинская области; Ненецкий, Ханты-Мансийский – Югра, Ямало-Ненецкий, Чукотский автономные округа.

В составе регионов Арктики рассмотрены регионы Крайнего Севера РФ, которые, согласно государственной программе РФ «Социально-экономическое развитие Арктической зоны РФ на период до 2020 г.», полностью входят в Арктику: Мурманская область, Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Чукотский автономные округа.

Во всех рассмотренных нами регионах Севера на 01.01.2014 г. проживало 7884,4 тыс. чел., в том числе городское население – 6340,9 тыс. чел. (80,6%), сельское – 1543,5 тыс. чел. (71,0%). Численность проживающего населения в Арктической зоне РФ составляла 2400,6 тыс. чел. (1,7% всего населения России), в том числе городское – 2143,1 тыс. чел. (89,3%) и сельское – 257,5 тыс. чел. (10,7%). В четырех арктических субъектах проживало 1404,3 тыс. чел., в том числе городское население – 1231,6 тыс. чел., сельское – 172,7 тыс. чел.

Динамика индикатора «суммарный коэффициент рождаемости» для всего (городского и сельского) населения регионов Севера и Арктики РФ за 2007–2013 гг. характеризуется тенденцией роста в сопоставлении с базовым уровнем 2006 г., принятым для сравнений «Концепцией демографической политики РФ на период до 2025 г.».

Согласно Указу Президента РФ от 07.05.2012 [3], в субъектах РФ, где сложилась неблагоприятная демографическая ситуация и величина суммарного коэффициента рождаемости ниже средней по стране, предусмотрена ежемесячная денежная выплата при рождении после 31.12.2012 г. третьего ребенка (или последующих детей) до достижения возраста трех лет в размере прожиточного минимума для детей.

Сопоставление за 2007–2012 гг. суммарного коэффициента рождаемости со среднероссийским показывает, что ряд регионов (республики Карелия и Коми; Камчатский край; Архангельская, Магаданская, Мурманская и Сахалинская области) в разные годы и для разных категорий населения имели уровень рождаемости ниже среднего по России. В Мурманской области этот показатель оставался ниже среднего уровня для всех категорий населения.

В Перечень субъектов РФ [4] по софинансированию расходных обязательств по ежемесячной денежной выплате в 2013 г.

и 2014 г. включены более половины из рассматриваемых субъектов, где уровень рождаемости ниже среднероссийского: республики Карелия и Коми, Камчатский край, Архангельская, Магаданская, Мурманская и Сахалинская области.

За 2013 г. суммарный коэффициент рождаемости увеличился в большинстве субъектов Севера, включенных в Перечень, за исключением Республики Карелия. Максимальный рост наблюдался в Сахалинской области (на 5,5% для всего и на 17,7% – для сельского населения) и для городского населения в Республике Коми (на 4,9%).

«Зоной безопасности» является уровень рождаемости, превышающий 1,5 ребенка, рожденных одной женщиной, что подтверждает динамика развития народонаселения ряда стран. Уровень рождаемости 1,7–2,0 детей можно считать лишь относительно низким, и целесообразно его поддерживать, крайне низкий уровень рождаемости – это менее 1,5 детей [5].

Для сопоставления суммарных коэффициентов рождаемости с характеристиками выше или ниже предельно-критического (2,15) значения нами была предложена шкала оценки качества устойчивости индикатора «суммарный коэффициент рождаемости». Шкала определяет пять уровней пороговых значений: «высокий уровень устойчивости» ($> 2,35$), «устойчивое развитие» (2,15–2,35), «наличие признаков устойчивости (относительно низкий уровень)» (1,7–2,15), «наличие неустойчивости (выход из кризиса в «зону безопасности)» (1,5–1,7), «абсолютная неустойчивость, кризис» ($< 1,5$).

В соответствии с предложенной шкалой дана оценка качественных изменений уровня рождаемости за 2007–2013 гг. в среднем в РФ и субъектах российского Севера и Арктики, построен рейтинг субъектов российского Севера и Арктики по уровню рождаемости за 2006 г. и 2013 г. (таблица).

Средний уровень рождаемости в РФ характеризовался в 2006 г. для всего и городского населения «абсолютной неустойчивостью, кризисом», для сельского – «наличием неустойчивости (выходом из кризиса в «зону безопасности)»; в 2013 г. для всего населения – «признаками устойчивости (относительно низкого уровня)»; для городского – «наличием неустойчивости (выходом из кризиса в «зону безопасности)»; для сельского – «устойчивым развитием».

**Рейтинг субъектов российского Севера и Арктики
за 2006 г. и 2013 г. по индикатору
«суммарный коэффициент рождаемости» (СКР)**

2006			2013		
Регион	СКР	Уровень устойчивости СКР	Регион	СКР	Уровень устойчивости СКР
Среднероссийский уровень	1,296	Абсолютная неустойчивость, кризис	Среднероссийский уровень	1,707	Относительно низкий уровень признаков устойчивости
Все население (городское и сельское)					
Чукотский АО	2,135	Относительно низкий уровень признаков устойчивости	Республика Тыва	3,424	Высокий уровень устойчивости
Республика Тыва	2,058		Ненецкий АО	2,312	Устойчивое развитие
Ненецкий АО	1,799		Республика Саха (Якутия)	2,168	
Республика Саха (Якутия)	1,734		Ямало-Ненецкий АО	2,09	Относительно низкий уровень признаков устойчивости
Ямало-Ненецкий АО	1,561	Ханты-Мансийский АО	2,05		
Ханты-Мансийский АО	1,559	Наличие неустойчивости, выход из кризиса в «зону безопасности»	Республика Коми	1,961	
Сахалинская область	1,388	Абсолютная неустойчивость, кризис	Чукотский АО	1,906	
Камчатский край	1,384		Сахалинская область	1,808	
Архангельская область	1,349		Архангельская область	1,803	
Магаданская область	1,323		Камчатский край	1,773	
Республика Коми	1,318		Магаданская область	1,693	Наличие неустойчивости, выход из кризиса в «зону безопасности»
Мурманская область	1,223		Республика Карелия	1,648	
Республика Карелия	1,22		Мурманская область	1,623	
Городское население					
Среднероссийский уровень	1,199	Абсолютная неустойчивость, кризис	Среднероссийский уровень	1,551	Наличие неустойчивости, выход из кризиса в «зону безопасности»
Чукотский АО	1,82	Относительно низкий уровень признаков устойчивости	Республика Тыва	2,296	Устойчивое развитие
Республика Тыва	1,645	Наличие неустойчивости, выход из кризиса в «зону безопасности»	Ханты-Мансийский АО	2,022	Относительно низкий уровень признаков устойчивости
Ханты-Мансийский АО	1,534		Ямало-Ненецкий АО	1,888	
Республика Саха (Якутия)	1,533		Ненецкий АО	1,838	
Ямало-Ненецкий АО	1,43	Абсолютная неустойчивость, кризис	Республика Саха (Якутия)	1,782	

2006			2013		
Регион	СКР	Уровень устойчивости СКР	Регион	СКР	Уровень устойчивости СКР
Ненецкий АО	1,418	Абсолютная неустойчивость, кризис	Камчатский край	1,688	Наличие неустойчивости, выход из кризиса в «зону безопасности»
Камчатский край	1,364		Сахалинская область	1,663	
Сахалинская область	1,307		Магаданская область	1,649	
Магаданская область	1,293		Республика Коми	1,633	
Архангельская область	1,22	Мурманская область	1,604		
Мурманская область	1,21	Чукотский АО	1,559		
Республика Коми	1,192	Абсолютная неустойчивость, кризис	Архангельская область	1,547	
Республика Карелия	1,137		Республика Карелия	1,446	Абсолютная неустойчивость, кризис
Сельское население					
Среднероссийский уровень	1,611	Наличие неустойчивости, выход из кризиса в «зону безопасности»	Среднероссийский уровень	2,264	Устойчивое развитие
Магаданская область	4,006	Высокий уровень устойчивости	Республика Тыва	6,43	Высокий уровень устойчивости
Республика Тыва	2,766		Ненецкий АО	4,683	
Чукотский АО	2,765		Республика Коми	4,601	
Ненецкий АО	2,752		Архангельская область	3,806	
Ямало-Ненецкий АО	2,368		Магаданская область	3,44	
Архангельская область	1,916	Относительно низкий уровень признаков устойчивости	Республика Карелия	3,34	Высокий уровень устойчивости
Республика Коми	1,88		Ямало-Ненецкий АО	3,187	
Ханты-Мансийский АО	1,838		Республика Саха (Якутия)	3,152	
Сахалинская область	1,715		Сахалинская область	2,729	
Республика Карелия	1,588	Наличие неустойчивости, выход из кризиса в «зону безопасности»	Чукотский АО	2,588	
Камчатский край	1,467	Абсолютная неустойчивость, кризис	Ханты-Мансийский АО	2,402	
Мурманская область	1,422		Камчатский край	2,155	Устойчивое развитие
			Мурманская область	1,952	Относительно низкий уровень признаков устойчивости

Примечание. Жирным шрифтом выделены регионы Крайнего Севера, которые полностью входят в Арктическую зону РФ.

Источник: Суммарный коэффициент рождаемости // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/DBInet.cgi?pl=2415002/> (дата обращения: 26.11.2014).

За 2007–2013 гг. в рейтинге субъектов российского Севера и Арктики по качественным изменениям уровня рождаемости в сопоставлении с 2006 г.:

- появились субъекты с «высоким уровнем устойчивости» для всего населения (Республика Тыва) и «устойчивым развитием» – Ненецкий АО и Республика Якутия; для городского населения с «устойчивым развитием» – Республика Тыва;

- с шести до 12 увеличилось число субъектов, в которых уровень рождаемости для сельского населения соответствует «высокому уровню устойчивости» и «устойчивому развитию». Высокий уровень устойчивости наблюдался в республиках Тыва, Коми, Карелия, Якутия; автономных округах – Ненецком, Ямало-Ненецком, Чукотском, Ханты-Мансийском, в областях – Архангельской, Магаданской, Сахалинской, устойчивое развитие – в Камчатском крае. Значительно повысился уровень рождаемости сельского населения в Камчатском крае – показатель «абсолютной неустойчивости, кризиса» вырос до «устойчивого развития»;

- увеличилось количество субъектов, в которых уровень рождаемости соответствует «наличию признаков устойчивости (относительно низкий уровень)» – с четырех до семи для всего и с одного до четырех субъектов – для городского населения.

В рейтинге субъектов российского Севера и Арктики был значительно изменен качественный статус показателей, имеющих уровень рождаемости «абсолютная неустойчивость, кризис»:

- в 2006 г. для разных категорий населения уровень «абсолютная неустойчивость, кризис» наблюдался в девяти субъектах: в двух (Камчатский край и Мурманская области) – для всего, городского и сельского населения, в пяти субъектах (Сахалинская, Архангельская, Магаданская области и республики Коми и Карелия) – для всего и городского населения, в двух (Ямало-Ненецкий и Ненецкий АО) – для городского населения;

- в 2013 г. только в Республике Карелия для городского населения качество уровня рождаемости, несмотря на рост суммарного коэффициента рождаемости за соответствующий период на 27,2%, осталось на уровне «абсолютной неустойчивости, кризиса».

Исследование процесса рождаемости за годы реализации государственной демографической политики (2007–2013 гг.) по предложенной нами шкале оценки качества устойчивости индикатора «суммарный коэффициент рождаемости» позволило

определить качественные изменения уровня рождаемости в среднем по РФ и субъектам российского Севера и Арктики.

С 2015 г. усилится тенденция сокращения численности и изменения возрастной структуры женщин 15–49 лет в связи с вступлением в этот возраст малочисленного поколения, рожденного в 1990-е и в 2000–2006-е годы. В этих условиях, чтобы не допустить сокращения абсолютного числа рождений и сохранить позитивный тренд качественных изменений уровня рождаемости, необходимо продолжать на всех уровнях государственной власти реализацию мер программы демографического развития РФ, доказавших свою эффективность.

Литература

1. Постановление Правительства РФ от 21.04.2014 № 366 «Об утверждении государственной программы РФ «Социально-экономическое развитие Арктической зоны РФ на период до 2020 года»» / Справочно-правовая база «Консультант плюс» [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru> / (дата обращения: 18.10.2014).

2. Указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики РФ на период до 2025 г.» / Справочно-правовая база «Консультант плюс» [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 18.10.2014).

3. Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 606 «О мерах по реализации демографической политики РФ» / Справочно-правовая база «Консультант плюс» [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 21.10.2014).

4. Распоряжение Правительства РФ от 26.07.2012 № 1354-р «Об утверждении перечня субъектов РФ о софинансировании расходных обязательств субъектов РФ»; Распоряжение Правительства РФ от 01.11.2013 № 2034-р «О перечне субъектов РФ, в отношении которых в 2014 году будет осуществляться софинансирование расходных обязательств субъектов РФ при установлении ежемесячной денежной выплаты нуждающимся в поддержке семьям» / Справочно-правовая база «Консультант плюс» [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 21.10.2014)

5. Тоичкина В. П. Государственная демографическая политика: итоги первого этапа (на примере Мурманской области) // ЭКО. – 2011. – № 12. – С. 108–114.

Как познать механизмы ресурсозависимости? Применение метода когнитивного моделирования при исследовании ресурсозависимой экономики*

М.Е. МОРОЗОВА, Новосибирский государственный университет.

E-mail: margarita.e.morozova@gmail.com

В.В. ШМАТ, кандидат экономических наук, Институт экономики
и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск.

E-mail: petroleum-zugzwang@yandex.ru

Авторы представляют свое видение проблемы построения когнитивных моделей ресурсозависимой экономики и вкратце знакомят читателя с полученными экспериментальными результатами, среди которых особо выделяется значимость фактора экстерналий – сильных воздействий внешней среды на процессы национального уровня, происходящие в треугольнике «ресурсы – экономика – институты».

Ключевые слова: природные ресурсы, нефть и газ, ресурсозависимость, ресурсозависимая экономика, экономика России, ресурсная рента, «ресурсное проклятие», экономический рост, неопределенность, когнитивное моделирование, нечеткая когнитивная карта, экстерналии

Много методов: хороших и разных

Ресурсозависимая экономика характеризуется весьма изменчивыми, запутанными и нередко противоречивыми взаимосвязями, иначе говоря, представляет сложную систему в условиях неопределенности, что объективно подводит нас к использованию методов системного анализа и нечеткой логики при ее изучении. Причем отнюдь не в качестве альтернативы эконометрическому моделированию – каждый метод должен найти свою «нишу» и использоваться для решения посильных ему задач в рамках общей и весьма широкой проблематики исследований.

В разумном сочетании различных методов видится наиболее верный путь к получению новых знаний, более точных и адекватных представлений о закономерностях развития ресурсозависимой

* Статья подготовлена в рамках исследований, проводимых при финансовой поддержке Российского научного фонда (Проект № 14-18-02345).

экономики. Традиционно в этих целях применяются эконометрические методы и модели². Однако сложность и неоднозначность внутренних взаимосвязей и внешних воздействий (что допускает довольно широкую свободу в выборе переменных), а также исторически обусловленные различия в характере ресурсозависимости, которые не могут быть непосредственно отражены путем эконометрического моделирования, приводят к тому, что одни авторы обнаруживают «ресурсное проклятие» (начиная с «классической» работы Дж. Сакса и Э. Уорнера), другие – напротив, «ресурсное благословение».

Особо отметим одну из работ второго типа, которая была выполнена в Гуверовском институте (Стэнфорд, США) и не только опровергла тезис о «ресурсном проклятии», но и показала, что «количество» демократии, скорее всего, не зависит от количества ресурсов. Эконометрический анализ панельных данных привел американских исследователей к таким выводам: «Мы обнаружили, что зависимость от ресурсов не ассоциируется с авторитаризмом. На проверку, полученные результаты позволяют во многих случаях предположить существование “ресурсного благословения”... Это не означает, что не может быть каких-то исключительных случаев, в которых ресурсная рента способствовала бы поддержанию диктатуры. Тем не менее существует большая разница между указанием на подобные случаи и огульным выводом, претендующим на то, чтобы называться закономерностью» [2].

Мы не ставили перед собой задачу подтвердить или опровергнуть результаты эконометрического моделирования ресурсозависимой экономики, а всего лишь хотели несколько расширить инструментарную базу исследований путем применения методов системного анализа, поскольку, на наш взгляд, при построении эконометрических моделей следует опираться на качественный – логико-исторический и фактологический – анализ, а результаты моделирования должны поверяться таковым анализом. В противном случае слишком велик риск совершить не только теоретические, но и практические ошибки, которые могут возникнуть при разработке и проведении экономической политики, опирающейся на некорректные теоретические посылки.

² Наиболее известные модели описаны в [1] .

В отличие от эконометрических, методы системного анализа позволяют непосредственно моделировать взаимосвязи между факторами (элементами) сложных систем, а значения показателей рассматривают как вторичные. В этом видится их главное преимущество, которое имеет значение, когда речь идет именно об исследовании взаимосвязей, и усиливается из-за необходимости учитывать фактор фундаментальной неопределенности, что представляет известную проблему при эконометрическом моделировании.

Одним из наиболее мощных методов системного анализа является когнитивное моделирование, основанное на построении нечетких когнитивных карт (Fuzzy Cognitive Map). В рамках данного подхода исследуемые проблемы и тенденции развития системы (проблемной ситуации) упорядочиваются в виде ориентированного графа (когнитивной карты), который затем может трансформироваться в функциональный. Вершины (концепты) графа соответствуют факторам или событиям, имеющим место в действительности, а направленные дуги, характеризующиеся знаками и параметрами интенсивности, отражают взаимовлияния между факторами / событиями. Особо отметим, что когнитивная модель может содержать как количественные (измеряемые, например статистическим образом) переменные, так и качественные (не измеряемые) переменные³.

Толерантность когнитивного подхода к неопределенности

Следует отметить, что когнитивная модель – это **субъективное представление эксперта о процессах в сложной динамической ситуации (системе)**, формально представляемое в виде ориентированного графа. Процесс построения когнитивной карты и определения интенсивностей взаимовлияний между факторами в значительной степени субъективен, опирается на знания, интуицию и воображение исследователя [4]. Но не приведет ли подобная субъективность к получению искаженных знаний о закономерностях развития исследуемой системы?

³ Более подробно наша интерпретация технологии когнитивного моделирования представлена в [3] .

На наш взгляд, акцент прежде всего нужно сделать не на субъективности представления, а на сложности и динамичности, или в более общем понимании – на неопределенности исследуемой ситуации, а также на отсутствии возможностей точного количественного измерения. Не случайно, что в одной из первых крупных работ по когнитивному моделированию [5] прежде всего был рассмотрен пример использования метода, получивший название «когнитивной карты экспертов Британского комитета по делам Востока» и ставший классическим в моделировании слабоструктурированных ситуаций с плохо формализуемыми зависимостями. Так, собственно говоря, было введено базовое понятие «когнитивной модели» в виде знакового ориентированного графа, которое в дальнейшем развилось в представление на основе взвешенного орграфа с моделированием импульсных воздействий на систему, получившее множество прикладных применений [6].

На рубеже 1980-х и 1990-х годов был сделан следующий важнейший шаг в развитии метода: Барт Коско в основополагающей FAT-теореме (Fuzzy Approximation Theorem) доказал, что любая математическая система может быть аппроксимирована системой, основанной на нечеткой логике, и предложил нечеткие когнитивные карты, в которых взаимовлияния отражают степень воздействия одного концепта на другой и могут принимать значения из диапазона от -1 до $+1$ [7]. На таких картах базируются многие современные системы динамического моделирования, описывающие поведение любых сложных систем, включая экономику, социальные и политические взаимодействия.

Что же касается оправдания субъективности, на наш взгляд, это вопрос, скорее, философский, нежели научно-методический. Казалось бы, физика является одной из самых объективных наук, но ее представители уже давно пришли к выводу, что печать субъективности лежит и на фундаментальных физических законах. Вообще говоря, не существует научного исследования какой-либо предметной области без высказанной или невысказанной онтологии, что можно назвать философским обоснованием толерантности научного знания к субъективному [8]. В экономике: «...всякий хозяйственный акт осуществляет собой некоторое слияние субъекта и объекта, внедрение субъекта в объект,

субъективирование объекта, или же выход субъекта из себя в мир вещей, в объект, т. е. объективирование субъекта» [9].

Когнитивное моделирование полностью соответствует принципу «толерантности к неопределенности», представляющей собой путь к свободе в научном поиске. «Открытая неопределенность лучше, чем раз и навсегда установленная закрытая догматически безнадежная определенность» [8]. В научно-практическом смысле это означает, что в условиях неопределенности предпочтительнее искать истину и новые знания с использованием доступных субъективизированных методов, чем пытаться решать неразрешимую задачу строго объективными методами, для которых попросту не существует достаточно надежных измеримых данных. Моделирование сложных систем в условиях неопределенности (или слабоструктурированных систем) может быть продуктивным в теоретическом и прикладном отношении только при использовании дополнительной информации, источниками которой являются исследователи, эксперты или лица, принимающие решения. «Строго объективные» математические методы игнорируют данное обстоятельство, а потому зачастую оказываются непригодны для моделирования сложных экономических систем и явлений, в частности, противоречивых механизмов ресурсозависимости.

Дилемма «объективность vs субъективность» в значительной степени решается путем правильного позиционирования когнитивных моделей в общем циклически-иерархическом процессе моделирования систем (в частности, социально-экономических), включающем несколько стадий: описание объекта → когнитивное моделирование → построение концептуальных моделей → построение формальных моделей (математических, физических или компьютерных). Таким образом, **процесс когнитивного анализа можно рассматривать в качестве своего рода подготовительного шага к построению формальных моделей, сужающего неопределенность и область допустимых решений.**

Первый результат:

ресурсозависимая – не значит «проклятая»

Итак, что же дало применение метода когнитивного моделирования для исследования закономерностей и механизмов

ресурсозависимости, для анализа взаимодействий эндогенных факторов и экстерналий, их влияния на экономический рост?

С учетом возможных различий в характере ресурсозависимости были построены две версии агрегированной теоретической когнитивной модели, различающиеся между собой степенью и характером взаимного влияния факторов: первый вариант приближен к российской действительности (с преимущественным воздействием ресурсного сектора на экономику через распределение рентного дохода); а второй соответствует экономике норвежского типа (с сильным «ресурсным мультипликатором»). Когнитивная карта модели содержит 18 концептов (факторов, разбитых на шесть классов) (табл. 1), связанных между собой 74 дугами, моделирующими взаимовлияние.

Таблица 1. Факторы теоретической когнитивной модели ресурсозависимой экономики

Класс факторов	Характеристика фактора
Целевой фактор	Экономика (экономический рост, прирост ВВП)
Базовые виды капитала	Капитал (состояние рынка капитала)
	Ресурсы (величина природных ресурсов нефти и газа)
	Человеческий капитал
Отраслевые производственно-экономические факторы	Доказанные запасы нефти и газа
	Добыча нефти и газа
	Издержки на добычу нефти и газа
	Валовый доход от добычи нефти и газа
	Налоги
	Инвестиции в разведку и добычу
Рыночные факторы	Спрос на мировом рынке
	Цена мирового рынка
	Замещение альтернативными видами энергоресурсов
Системные факторы	Инфляция
	Инновации и развитие технологий
	Институты (качественное состояние)
Экстерналии	Экономические риски
	Политическое окружение

Задача состояла в том, чтобы **исследовать влияние факторов, отражающих ресурсозависимость** (ресурсов нефти и газа, ценовой конъюнктуры мирового нефтяного рынка, ресурсной ренты), **на экономический рост и состояние институтов**. При этом в расчет принималось воздействие со стороны экстерналий,

поскольку, на наш взгляд, рассматривать влияние ресурсных факторов в «чистом виде» практически бессмысленно – механизмы ресурсозависимости всегда работают в определенном экономическом и политическом окружении.

Первый результат моделирования заключается в том, что **не подтверждается эффект, известный как «условное ресурсное проклятие»**. Увеличение дохода от добычи ресурсов (ренты) вызывает заметное ухудшение институтов только в том случае, если в когнитивной модели априорно задать существование сильной отрицательной связи (с коэффициентом «минус» 0,7) между факторами «Доход» и «Институты». Но это некорректный шаг: мы не можем задавать искомый результат (зависимость институтов от ренты) априорно; если же этого не делать, то через совокупность прямых и обратных связей между факторами модели реализуется слабый эффект улучшения институтов в случае положительной экономической динамики. То есть, в формальном выражении качество институтов «прирастает» со скоростью, примерно в шесть раз меньшей, чем темп прироста экономики.

Теперь посмотрим более предметно, как влияют ресурсные и нересурсные факторы на рост экономики, добычу ресурсов, инвестиции в освоение ресурсов, ренту (доход) и институты при моделировании импульсных воздействий. Предварительно заметим, что система коэффициентов взаимовлияния факторов является допустимой, если при импульсном воздействии в отношении любого из факторов модели достигается сходимость рекуррентной вычислительной процедуры за ограниченное число итераций. Содержательно это соответствует идее о переходе системы в новое стационарное состояние после затухания импульса.

В таблице 2 приведены сравнительные результаты оценивания импульсного воздействия при слабом приращении (+10%) величин факторов «Ресурсы», «Цена», «Экономические риски» и «Политическое окружение» на зависимые факторы когнитивной модели в ее «российском» и «норвежском» вариантах. Хорошо видно, что в обоих случаях прирост величины ресурсов нефти и газа (при прочих равных условиях) оказывает очень слабое воздействие на зависимые факторы, которые увеличиваются всего на 0,1–0,5%. Значимость других влияющих факторовкратно выше. Особо обратим внимание на то, что «российская» модель гораздо более чувствительна к изменению цен на нефть

и экономических рисков, т. е. **на модельном уровне просматривается уязвимость российской экономики, которую сейчас мы можем наблюдать в реальной действительности.**

Таблица 2. Оценки прироста зависимых факторов когнитивной модели при слабом приращении влияющих факторов, %

Влияющий фактор (+10%)	Зависимый фактор				
	экономика	доход	добыча	инвестиции	институты
<i>«Российская» модель</i>					
Ресурсы	0,5	0,1	0,2	0,2	0,1
Цена	2,0	0,5	1,0	1,0	0,3
Экономические риски	-2,6	-0,6	-1,3	-1,3	-0,4
Политическое окружение	2,4	0,6	1,2	1,2	0,4
<i>«Норвежская» модель</i>					
Ресурсы	0,5	0,2	0,2	0,2	0,1
Цена	1,5	0,7	0,7	0,7	0,3
Экономические риски	-1,9	-1,0	-0,9	-0,9	-0,3
Политическое окружение	2,5	1,2	1,2	1,2	0,4

В принципе, можно сделать вывод, что развитые страны, получая положительный эффект от благоприятных экстерналий, более «квалифицированно» используют ренту как рычаг для экономического роста. Неблагоприятные экстерналии и ухудшение рыночной конъюнктуры оказывают не столь сильное негативное воздействие на диверсифицированную экономику этих стран. Для сравнительно слаборазвитых стран с сырьевой экономикой внешняя экономико-политическая среда чаще всего оказывается, в лучшем случае, более или менее нейтральной. Соответственно, сужаются эффективные возможности использования ренты для обеспечения экономического роста, а отрицательные экстерналии сильнее «бьют» по национальной экономике.

Что дает развитие и реформирование институтов?

Для стран с ресурсозависимой экономикой и с их скромными успехами естественным выглядит проведение политики, нацеленной на стимулирование инвестиций и поддержание экономического роста. В сущности же речь идет о более или менее серьезном реформировании институтов, улучшении качества институциональной среды.

В рамках процедур когнитивного моделирования мы переходим к этапу оценки управляющих воздействий на систему (на примере «российской» версии модели). В самом общем случае имитируем воздействие на фактор «Институты» с умеренной интенсивностью (+30%) и получаем довольно очевидный результат: улучшение институциональной среды ускоряет рост производства в ресурсном секторе и экономики в целом, нивелирует экономические риски (табл. 3).

Таблица 3. Оценки прироста зависимых факторов когнитивной модели при слабом приращении влияющих факторов и умеренном управляющем воздействии на фактор «Институты», %

Влияющий фактор (+10%)	Зависимый фактор				
	экономика	доход	добыча	инвестиции	институты
Ресурсы	3,5	0,9	1,7	1,7	0,6
Цена	5,1	1,3	2,5	2,5	0,9
Экономические риски	0,5	0,1	0,2	0,2	0,1
Политическое окружение	5,4	1,4	2,7	2,7	0,9

Вопрос заключается в интерпретации «умеренности» институциональных реформ, на который сама когнитивная модель не может дать ответ. Можно лишь допустить, что «умеренные» реформы не ведут к изменению основ сложившейся институциональной системы, а связаны с некоторым усилением ее стимулирующей роли в отношении процессов, обеспечивающих экономический рост.

Так уж повелось, что в российском нефтегазовом секторе стимулирующая роль институтов ассоциируется с налогово-обложением, прежде всего, со снижением налоговой нагрузки на отрасль. Теоретически это должно стимулировать инвестиции и способствовать увеличению объемов производства. Однако в реальности дополнительный доход, получаемый бизнесом в результате снижения налогов, далеко не всегда и не в полной мере направляется на инвестиции. Кроме того, в ресурсозависимой экономике с перераспределением ренты через бюджетно-финансовую систему уменьшение налогов на ресурсный сектор может иметь негативные общеэкономические последствия.

Простой эксперимент с отрицательным умеренным импульсом (-30%) по фактору «Налоги» подтвердил худшие опасения (табл. 4).

Если нет гарантии, что снижение налогов простимулирует инвестиции в увеличение добычи, данное управляющее воздействие приводит к ухудшению динамики всей системы, включая факторы, относящиеся к ресурсному сектору (скажется эффект обратных связей в экономике).

Таблица 4. Оценки прироста зависимых факторов когнитивной модели при слабом приращении влияющих факторов и умеренном управляющем воздействии на фактор «Налоги», %

Влияющий фактор (+10%)	Зависимый фактор				
	экономика	доход	добыча	инвестиции	институты
Ресурсы	-0,9	-0,4	-0,4	-0,4	-0,1
Цена	0,1	0,1	0,1	0,1	0,0
Экономические риски	-3,3	-1,6	-1,6	-1,6	-0,5
Политическое окружение	1,2	0,6	0,5	0,6	0,2

Допустим, что снижение налогов будет подкреплено мерами, направленными на целевое инвестиционное использование дополнительного дохода в ресурсном секторе (или же бизнес в самом деле заинтересован в развитии производства, которое сдерживается слишком высокими налогами). Для проверки гипотезы в добавление к управляющему воздействию (-30%) по фактору «Налоги» введем положительное умеренное воздействие (+30%) по фактору «Инвестиции». В этом случае все становится на свои места, и наблюдается заметная позитивная динамика факторов развития ресурсного сектора и экономики в целом (табл. 5).

Таблица 5. Оценки прироста зависимых факторов когнитивной модели при слабом приращении влияющих факторов и умеренном управляющем воздействии на факторы «Налоги» и «Инвестиции», %

Влияющий фактор (+10%)	Зависимый фактор				
	экономика	доход	добыча	инвестиции	институты
Ресурсы	3,9	1,0	1,9	1,9	0,7
Цена	5,4	1,4	2,7	2,7	0,9
Экономические риски	0,9	0,2	0,4	0,4	0,1
Политическое окружение	5,8	1,5	2,9	2,9	1,0

Полученные результаты можно охарактеризовать как весьма прозрачные и даже очевидные: улучшение институциональной

среды положительно влияет на экономику и на ресурсный сектор в частности (через систему обратных связей). Но отмеченная прозрачность связана с целенаправленным и обусловленным характером воздействия на институты. Нас интересуют лишь те институты, что поддерживают экономический рост посредством формирования благоприятного инвестиционного и предпринимательского климата. При этом в экономике и в ее ресурсном секторе должно быть достаточно «точек» для прибыльного приложения капитала. Какую роль играет обусловленность воздействий, хорошо видно на примере со снижением налогов в ресурсном секторе, которое не дает позитивной отдачи без «гарантированного» повышения инвестиционной активности.

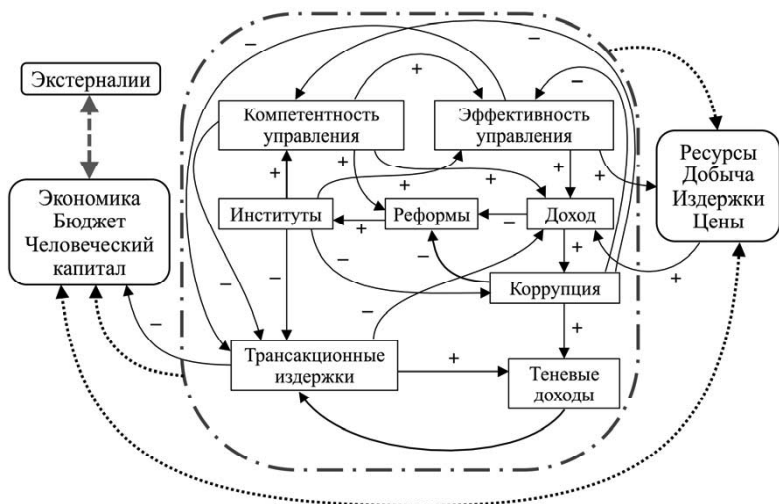
В качестве вывода отметим, что в отношении реформы институтов (равно как и иных управляющих воздействий на экономическую систему) целесообразна широкая сценарная имитация возможных последствий, которая может быть проведена с использованием метода когнитивного моделирования.

Как ресурсы влияют на институты?

Эксперименты с теоретической когнитивной моделью позволили оценить влияние ряда ключевых факторов на экономическую динамику в условиях ресурсозависимости. Но вопрос о взаимосвязи между рентой и институтами при этом пока что остался открытым. Таковая взаимосвязь если и существует, то является агрегированной, т. е. она опосредуется действием целого ряда факторов, на которые обычно указывает теория «ресурсного проклятия» (коррупция, рост теневой экономики, неоправданное увеличение транзакционных издержек, некомпетентность и неэффективность управления экономикой, деградация человеческого капитала и проч.).

Чтобы исследовать влияние ренты (дохода от освоения ресурсов) на институты, нами была построена модель с дезагрегированным блоком факторов и взаимосвязей, детализирующих предполагаемую связь между факторами «Доход» и «Институты» (рисунок).

В качестве импульсных воздействий на систему принимаем слабые приращения (+10%) величины ресурсов и цен, т. е. главных (при прочих равных условиях) факторов, от которых зависит величина дохода или ренты. При этом обращаемся к трем различным модификациям модели: без влияния экстерналий, с их умеренным и сильным влиянием (включая воздействие на реформы – принуждение или, наоборот, торможение).

Фрагмент когнитивной карты модели ресурсозависимой экономики с дезагрегацией взаимосвязи «Доход» – «Институты»

В первом случае при импульсе в виде увеличения ресурсов и повышения цен на них значения факторов модели после некоторого всплеска вновь возвращаются к стационарному состоянию с темпом прироста, близким к нулю. Иными словами, наблюдается нейтральное воздействие ресурсов на институты. Во втором и третьем вариантах аналогичный импульс приводит к изменению – незначительному и более существенному, соответственно, – темпов прироста или уменьшения всех факторов в зависимости от характера влияния со стороны экстерналий (положительного или отрицательного) (табл. 6). Это свидетельствует о том, что проблема освоения ресурсов, генерации ресурсной ренты и ее использования для развития национальной экономики не является лишь внутренней проблемой какой-либо страны, но в значительной мере зависит от внешнего экономического и политического климата, от общей совокупности формальных и неформальных норм и правил в международных экономических и политических взаимодействиях.

Можно отметить, что воздействие экстерналий в наименьшей степени распространяется на изменение уровня коррупции. Похоже, что коррупция действительно является «внутренним делом»

каждой страны с ресурсозависимой экономикой и не особо затрагивает интересы внешнего мира.

Таблица 6. Оценки прироста зависимых факторов в версиях когнитивной модели при слабом приращении влияющих факторов, %

Версия модели	Экономика	Бюджет	Институты	Реформы	Доход	Коррупция
Без экстерналий	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
<i>Положительные экстерналии</i>						
Умеренные	0,8	0,7	0,2	-0,1	0,3	0,0
Сильные	1,9	2,0	1,2	0,3	0,9	-0,1
<i>Отрицательные экстерналии</i>						
Умеренные	-0,7	-0,7	-0,2	0,1	-0,3	0,1
Сильные	-2,1	-2,2	-1,3	-0,3	-1,1	0,2

Ищите экстерналии...

По результатам экспериментов с разными версиями когнитивной модели ресурсозависимой экономики была выявлена большая значимость экстерналий (факторов, не входящих непосредственно в систему взаимодействий между ресурсами, институтами и национальной экономикой). В сочетании с положительными экстерналиями (улучшением политического окружения и снижением экономических рисков) увеличение рентных доходов приводит к росту экономики и посредством этого улучшает институты. Напротив, во взаимодействии с отрицательными экстерналиями (ухудшением политической обстановки и усилением экономических рисков) приращение ренты дает эффект так называемого «ресурсного проклятия». Иными словами, ответ на вопрос, чем являются ресурсы для страны и ее экономики – «проклятием», «благословением» или ни тем и ни другим – следует искать за пределами той совокупности непосредственных взаимодействий, которая существует в треугольнике «ресурсы – экономика – институты».

При этом нейтральность влияния ресурсов (ресурсной ренты) на институты и экономику вряд ли можно считать абсолютным благом. Если ресурсы не в состоянии обеспечить рост экономики, то при прочих равных условиях это равнозначно застою.

Не только эксперименты с когнитивной моделью, но и непродолжительная история подавляющего большинства нефтеэкспортирующих стран мира, включая Россию, показывает, что внешние факторы оказывали и продолжают оказывать серьезное влияние на процессы

освоения ресурсов, динамику социально-экономического и институционального развития. Если не принимать в расчет данное обстоятельство, то весьма сложно объяснить закономерности функционирования ресурсозависимых экономик, механизмы действия и проявления ресурсозависимости. То есть, образно говоря: ищите экстерналии и... вы обрящете истину.

Какова природа этих экстерналий в настоящее время? Чем современность отличается от прошлого? Что нового можно ждать от будущего? Сегодня воздействия внешнего мира на отдельно взятые экономики в значительной степени происходят в «формате» глобализации, т. е. по транснациональным каналам, вне рамок межгосударственных взаимоотношений, поверх государственных границ и помимо воли национальных государств. Но есть и обратная связь – национальные, как принято сейчас называть, «акторы» включаются во взаимодействия с внешним миром по тем же самым транснациональным каналам. Это ставит непростую задачу дальнейших исследований, связанную с изучением особенностей ресурсозависимости в условиях глобализации, что станет темой нашей следующей статьи в журнале.

Литература

1. Полтерович В., Попов В., Тонис А. Экономическая политика, качество институтов и механизмы «ресурсного проклятия». – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. – 98, [2] с.
2. Haber S., Menaldo V. Do Natural Resources Fuel Authoritarianism? A Reappraisal of the Resource Curse // American Political Science Review. – 2011. – Vol. 105, Is. 1. – P. 1–26. URL: <https://iriss.stanford.edu/sites/all/files/shared/documents/Haber%20and%20Menaldo%20APSR%202011.pdf> (дата обращения: 07.04.2015).
3. Белан А. К., Шмат В. В. Анализ влияния ресурсных и нересурсных факторов на рост экономики Томской области с применением когнитивного подхода // Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки. – 2015. – Т. 15. – Вып. 1.
4. Кулинич А. А. Компьютерные системы моделирования когнитивных карт: подходы и методы // Проблемы управления. – 2010. – № 3. – С. 2–16.
5. Axelrod R. The Structure of Decision: Cognitive Maps of Political Elites. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1976. – 404 p.
6. Робертс Ф. С. Дискретные математические модели с приложением к социальным, биологическим и экологическим задачам // Пер. с англ. – М.: Наука, 1986. – 496 с.
7. Kosko B. Fuzzy Thinking: The New Science of Fuzzy Logic. – Hyperion: Disney Books, 1993. – 336 p.
8. Зинченко В. П. Толерантность к неопределенности: новость или психологическая традиция? // Вопросы психологии. – 2007. – № 6. – С. 3–20.
9. Булгаков С. Н. Философия хозяйства. – М.: Институт русской цивилизации, 2009. – 464 с.

Как подготовить современные кадры для российской промышленности?*

О.А. КОЛЕННИКОВА, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, Москва. E-mail: kolennikova@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы подготовки современных кадров высокой квалификации для российской промышленности на основе проведенных исследований предприятий г. Таганрога.

Ключевые слова: кадры, производство, оборудование

Кадровые процессы в российской промышленности демонстрируют сокращение числа занятых в этой сфере при дефиците квалифицированных рабочих и инженерно-технических работников – основной движущей силы производства. В 1990 г. в промышленности РФ работали 22,8 млн чел., а в 2013 г. – уже только 13,1 млн (сокращение на 43%) [1. С. 105, 140]. Как сфера приложения труда она «сжалась» с 30 до 19% общей занятости в стране², и эта тенденция, по-видимому, будет продолжаться. Трансформация российской промышленности под современные рыночные требования сопровождается значительным высвобождением работников избыточных профессий и квалификаций при острой нехватке необходимых кадров. Специфика производства сегодня такова, что требуются кадры высокого уровня квалификации, способные к постоянной бездефектной работе. К примеру, малейший брак в работе сварщиков котельного оборудования для тепло- и электростанций грозит серьезной аварией, поэтому качество сварки проверяется рентгеном, а требования к сварщикам очень высокие.

Подготовка работника высокой квалификации – длительный и сложный процесс, который в стенах образовательных учреждений только начинается. Основную же часть практических

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 13–06–00273.

² Процессы сокращения промышленной занятости наблюдались во всех экономически развитых странах. Для сравнения: в 2012 г. в Германии в промышленности работали 22% занятого населения, в Италии – 20%, в Японии – 19%, во Франции – 13%, в США – 12% [2].

навыков и компетенций выпускник приобретает на предприятии, не говоря уже о «зачотке» под конкретное производство (в рамках цехов и отдельных участков). Например, на обучение токаря необходимо минимум пять лет. Также важно, чтобы в системе подготовки высококвалифицированных кадров были налажены все механизмы для перехода с одной ступени подготовки на следующую. Необходимо учитывать и то, что далеко не все выбравшие ту или иную специальность становятся высококвалифицированными специалистами и кадровыми рабочими. И хотя определенные подвижки в обеспечении предприятий квалифицированными кадрами есть, пока рано говорить о том, что кадровая проблема в промышленности начала решаться [3]. К такому выводу приводят результаты, полученные в 2014 г. в рамках мониторингового исследования населения промышленного г. Таганрога, которое наш институт под научным руководством Н. М. Римашевской осуществляет с конца 1960-х годов.

В ходе исследования были проведены интервью с начальниками кадровых служб (или генеральными директорами) 12 предприятий города – ОАО «Таганрогский металлургический комбинат» («Тагмет»), ОАО ТКЗ «Красный котельщик», ОАО «ТАНК им. Г.М. Бериева», ОАО «ТНИИ связи», ОАО «Красный гидропресс», ОАО Таганрогский завод «Прибой» и др. У всех различный «жизненный путь»: одни были созданы иностранными предпринимателями еще в досоветское время, другие – в советское, третьи – в постсоветское. К числу последних относятся и два малых инновационных предприятия (промышленная автоматизация и создание тренажеров для промышленного рыболовства). На двух крупных промышленных предприятиях города (судостроение и радиоэлектронная отрасль) были проведены фокус-группы с молодыми специалистами и рабочими.

В задачи исследования входило выявить основные проблемные точки в обеспечении промышленных предприятий кадрами, установки молодежи в отношении работы в сфере промышленности, требования, предъявляемые молодыми работниками при устройстве на работу, а также условия для их адаптации и профессионального роста.

Из общего числа обследованных предприятий только «Тагмет» не испытывал дефицита кадров. Вот типичные высказывания: *«Почему не удастся полностью покрыть план? Не хватает*

именно производственных рабочих-станочников»; «Топчемся на месте: вроде и делается, и делать надо, а кадров нет. Та же проблема и в корпорации»; «Заказов у предприятия достаточно много, кому эти заказы выполнять – это главный вопрос»; «Токари, это просто катастрофа. Невозможно в городе отыскать людей этой профессии. Раньше шесть училищ города выпускали токарей. У нас промышленный город, и каждое предприятие имело свое училище. Самому молодому токарю, который у нас работает, 52 года». «С кадрами мучаемся, потому что нет системы подготовки. Дают мне заявку – нужен термист или маляр на установку, слесарь-инструментальщик, но где их взять, если их никто не готовит?»).

Кого и сколько готовит система образования

Ситуацию в сфере профессионально-технического образования описал заместитель директора по персоналу и социальным вопросам ОАО ТКЗ «Красный котельщик»: *«В Советском Союзе наше предприятие входило в Министерство тяжелого энергетического машиностроения. Именно для нас создали техникум и ГПТУ. В 1969 г. для нас в Новочеркасском политехническом институте на энергетическом факультете была открыта кафедра котлореакторостроения, откуда мы получали конструкторов для инженерного центра. Ребята на практику всегда приходили. В последние годы мы семь, а то и десять человек брали в наше КБ. Но их стали расхватывать и другие предприятия – просто эксплуатационщики, ГРЭС, мелкие компании, например, компания «Лемакс», которая делает бытовые котлы. Когда началась реформа в образовании, техникум и ГПТУ перестали готовить для промышленности специалистов. Теперь мы это делаем сами – получили лицензию в Минобрнауки. У нас на предприятии есть учебный центр, он всегда был, потому что у нас производство, подответственное Котлонадзору, так как мы производим опасное для жизни оборудование».*

Одна из главных проблем в системе образования в последние десятилетия – территориальные учреждения начального и среднего профтехобразования перестали готовить кадры прежде массовых профессий для промышленных предприятий.

Напрямую невозможно сопоставить, как по сравнению с советским периодом изменились масштабы и структура выпуска рабо-

чих и специалистов для промышленности, поскольку Росстат РФ не предоставляет такие данные. За эти годы система профобразования неоднократно реформировалась, что оказало непосредственное влияние на методологию и методику сбора статистической информации и, соответственно, на публикуемые Росстатом динамические данные о подготовке специалистов и квалифицированных рабочих системой профессионального образования.

В последние годы Министерство образования и науки РФ собирает статданные по всем видам специальностей и направлениям подготовки кадров в учреждениях профессионального образования страны, что позволяет сравнить численность обученных с прежними временами³ и провести сопоставление масштабов и структуры выпускников для промышленности (табл. 1).

Таблица 1. Выпуск специалистов и рабочих по специальностям и профессиям промышленности РФ в 1990–2013 гг., тыс. чел.

Выпуск	1990	2013	2013/1990, %
Специалистов с высшим образованием	124,4	186,3*	150
Специалистов со средним специальным образованием	194,8	134,3	69
Квалифицированных рабочих с начальным профессиональным образованием	428,4	142,2	33

Источник: Образование и культура в Российской Федерации в 1992 г. /Госкомстат России. – М.: Республиканский инф.-изд. центр, 1992. – С.172. Расчеты автора: 1990 г. – по Труд и занятость. 1999 /Стат. сб. Госкомстат России. – М., 1999. – С. 266, 271; 2013 г. – по статданным Минобрнауки РФ. URL: <http://www.mon.gov.ru> (дата обращения: 23.04.2015).

* Сумма выпуска по программам специалитета, бакалавриата (за исключением тех, кто продолжил обучение в магистратуре вуза) и магистратуры.

Данные таблицы показывают, что при росте за последние десятилетия числа выпускников с высшим образованием в 1,5 раза сократился выпуск специалистов со средним и начальным профтехобразованием, в частности специалистов-техников – на 31%, квалифицированных рабочих – в три раза.

Наиболее масштабные изменения произошли с начальным профтехобразованием, в частности, по сравнению с 1990 г.

³ Базой для расчетов послужили Общероссийский классификатор специальностей по образованию (ОКСО) 1993 г., утв. Постановлением Росстандарта РФ от 30.12.1993 № 296, действовал до 2004 г. Выпуск квалифицированных рабочих в 2013 г. приведен с учетом профессий для пищевых производств (как в 1990 г.) .

число подготовленных рабочих для машиностроительных производств сократилось с 225,3 тыс. до 66 тыс., для предприятий химии и нефтехимии – с 23,7 тыс. до 0,2 тыс. Такой провал в подготовке рабочих кадров в последние годы в некоторой степени компенсируется ускоренной подготовкой групп сварщиков, операторов станков с ЧПУ и других профессий под заказ предприятий. К примеру, в 2013 г. менее чем за 500 часов обучения в учреждениях начального профтехобразования было подготовлено 22 тыс. чел. (нормативный срок – 1–2 года после 11 классов и 3–4 года – после девяти). Но у предприятий нет времени ждать – кадры требуются сегодня, к тому же по мере обновления станочного парка необходимо переобучение, к примеру, токарей и фрезеровщиков, чтобы работать оператором на станках с ЧПУ.

Не менее радикальные изменения произошли и в структуре уровня образования выпускников, она фактически перевернулась: если в 1990 г. на 10 молодых специалистов с высшим образованием приходилось 16 со средним и 34 рабочих, то в 2013 г. на 10 рабочих с начальным образованием приходилось 13 молодых специалистов с высшим образованием и 9 – со средним специальным.

Еще лет 8–10 назад на дорогостоящих станках с ЧПУ работали только выпускники технических вузов, сегодня это, скорее, единичные случаи. Вот, к примеру, как пояснил один из наших респондентов, почему он работает токарем 6-го разряда, хотя по направлению предприятия закончил Таганрогский радиотехнический институт (ныне ЮФУ): *«Я токарь 6-го разряда давно. Было желание на должности ИТР работать, но меня не устраивает зарплата. А начинать с зарплаты в 10 тысяч я сейчас не могу. У меня семья. Сейчас у меня бывает 15–20 тысяч, а бывает и 50–60 тысяч».*

На разных предприятиях соотношение ИТР и рабочих зависит от потребностей производства. В частности, там, где ведутся собственные разработки, значителен штат конструкторских бюро, а на серийных заводах доля ИТР меньше. В целом основная доля рабочих мест в промышленности предназначена для квалифицированных рабочих. В том же 1990 г. 81% промышленно-производственного персонала составляли рабочие и только 19% – служащие [4. С. 117]. Сегодня число технических специалистов,

выходящих из высшей школы, почти на треть превышает выпуск квалифицированных рабочих кадров.

Руководители обследованных предприятий Таганрога крайне обеспокоены нехваткой конструкторов, технологов. Вот, к примеру, слова генерального директора Таганрогского кожевенного завода: «В Улан-Удэ единственный университет в стране, который готовит специалистов для кожевенной промышленности. Сначала был выпуск 200 человек, из них по нашей специальности – 20, потом 100 человек, из них по нашей специальности – десять. В этом году по нашему профилю – три человека. В следующем году – два человека, и все будут за них драться, а по стране 17 заводов, и все нуждаются в специалистах. Старый персонал когда-то уходит на пенсию, кому передавать знания? Слесарь, сантехник, водитель трактора – по этим профессиям мы сами можем обучить. А технологов с высшим кожевенным образованием – нет».

Откуда же такой острый дефицит специалистов, притом что общий выпуск вырос в 1,5 раза? На уровне отдельных специальностей и направлений подготовки можно увидеть, что по каким-то профессиям выпуск вырос в разы, а по каким-то – сократился более чем вдвое (табл. 2).

Таблица 2. Динамика выпуска специалистов с высшим образованием по группам специальностей и направлениям подготовки промышленности в РФ в 1990–2013 гг., тыс. чел.

Направление подготовки	1990	2013*	2013/1990, %
Геология и разведка полезных ископаемых	2,9	2,8	98
Разработка полезных ископаемых	4,1	12,4	303
Энергетика и энергомашиностроение	8,8	21,2	241
Металлургия	3,9	3,3	84
Машиностроение и материалобработка	14	21,3	152
Авиационная и ракетно-космическая техника	4,4	3,6	81
Морская техника	2,3	1,1	49
Наземные транспортные средства	7,4	12,7	171
Технологические машины и оборудование	10	4,3	43
Электротехника	2,8	7,0	249
Приборостроение	3,9	6,7	173
Электронная техника, радиотехника и связь	14,2	14,3	101
Автоматика и управление	10,8	16,8	156
Информатика и вычислительная техника	7,1	29,9	421

Направление подготовки	1990	2013*	2013/1990, %
Химическая технология	7,2	7,5	105
Воспроизводство и переработка лесных ресурсов	3,2	6,4	200
Технология продовольственных продуктов	8,5	10,6	125
Технология товаров широкого потребления	8,9	4,2	48
Всего	124,4	186,3	150

Источник: расчеты автора: 1990 г. – по Труд и занятость. 1999 / Стат. сб. Госкомстат России. – М., 1999. – С. 266; 2013 г. – по статистическим данным Минобрнауки РФ. URL: <http://www.mon.gov.ru> (дата обращения: 23.04.2015).

* Сумма выпуска по программам специалитета, бакалавриата (за исключением тех, кто продолжил обучение в магистратуре вуза) и магистратуры.

Основной прирост числа выпускников произошел для сферы информационных технологий – в 4,2 раза, в три раза – для предприятий, занимающихся разработкой полезных ископаемых, в 2,4–2,5 раза – для энергетики, энергомашиностроения и электротехники, в два раза – для лесопромышленного комплекса, в 1,7 – для отраслей приборостроения, автомобилестроения и железнодорожного транспорта. Однако более чем вдвое уменьшился выпуск специалистов для предприятий станкостроения, судостроения и легкой промышленности.

Руководителям, которые не могут найти или привлечь необходимых специалистов, приходится обучать своих же работников на предприятии или распределять непомерную нагрузку на имеющиеся кадры.

Сильная отраслевая дифференциация наблюдается и в сфере специалистов среднего профессионального образования: почти вдвое выросло число выпускников для пищевой промышленности, в 1,8 раза – специалистов в сфере информационной и вычислительной техники, в 1,3–1,4 раза – техников по обслуживанию разного типа оборудования, включая энергетическое, в 1,1 раза – техников по добыче и обогащению полезных ископаемых (табл. 3). Но при этом почти в 10 раз сократился выпуск специалистов для приборостроения, более чем в пять раз – для легкой промышленности, в 4,5 раза – для машиностроения, в 3,5 раза – металлургов, электронщиков, радиотехников, в 3,3 раза – техников по автоматическим системам управления, в 2,3–2,6 раза – техников по разведке полезных ископаемых и химиков со средним специальным образованием.

Таблица 3. Выпуск специалистов со средним профессиональным образованием по группам специальностей промышленности в РФ в 1990–2013 гг., тыс. чел.

Направление подготовки	1990	2013	2013/1990, %
Геология и разведка полезных ископаемых	2,3	1	43
Разработка полезных ископаемых	6,2	7	113
Энергетика и энергомашиностроение	4,4	5,7	130
Металлургия	5,2	1,5	29
Машиностроение и материалобработка	46	10,3	22
Технологические машины и оборудование	26,9	37	138
Электротехника	13,1	9,9	76
Приборостроение	3,9	0,4	10
Электронная техника, радиотехника и связь	20,1	5,8	29
Автоматика и управление	17,7	5,4	31
Информационная и вычислительная техника	13,9	24,7	178
Химическая технология	8	3,1	39
Воспроизводство и переработка лесных ресурсов	5,6	4	71
Технология продовольственных продуктов	7,5	14,7	196
Технология товаров широкого потребления	12,3	2,4	20
Метрология, стандартизация и контроль	1,7	1,4	82
Всего	194,8	134,3	-31

Источник: 1990 г. – по Труд и занятость. 1999 / Стат. сб. Госкомстат России. – М., 1999. – С. 271; 2013 г. – расчеты автора по статистическим данным Минобрнауки РФ. URL: <http://www.mon.gov.ru> (дата обращения: 23.04.2015).

Происшедшие перемены в основном можно объяснить реструктуризацией промышленности и особенностями ее перехода на рыночные рельсы в 1990-е гг. К примеру, развал легкой промышленности неминуемо повлек сокращение рабочих мест; соответственно вдвое уменьшился выпуск специалистов с высшим и более чем в пять раз – со средним специальным образованием. Выпуск инженеров, прежде всего, разработчиков, для станкостроения сократился в 2,3 раза, но число техников, обслуживающих оборудование (в основном импортное), наоборот, выросло в 1,4 раза. И так далее.

Не менее важный вопрос – качество подготовки кадров для промышленности.

Отрыв системы образования от потребностей предприятий

По словам руководителя службы управления персоналом одного из базовых предприятий Таганрога, «система образования, которая сегодня есть, ничего хорошего нам не несет.

Сейчас приходит молодой человек устраиваться сборщиком-клепальщиком, перед ним развернули чертеж, а он в нем не ориентируется. Начинаем его учить, а он и через три месяца не ориентируется».

Не каждый молодой человек сможет стать квалифицированным сварщиком или токарем, образовательные учреждения зачастую «закрывают глаза» на низкие проходные баллы и потом «тянут» ученика до конца, опасаясь потерять финансирование, так как за фактический уровень подготовки они не отвечают. Между тем на предприятиях, которые сами готовят рабочих для своего производства, процесс обучения построен на иных принципах. Вот как это описывает зам. директора по персоналу и социальным вопросам одного из крупных предприятий города: *«Закключаем ученический договор, и человек подписывается под тем, что его учеба стоит столько-то, и он обязуется отработать 2 года после обучения. Если он раньше увольняется, то эти деньги возвращает предприятию. Мы частное предприятие, мы вкладываем деньги в обучение. Таким образом учим сварщиков, станочников, котельщиков. Сейчас набрали группу токарей-карусельщиков, четыре человека. Закрепляем за каждым наставника, теорию они проходят в нашем учебном центре. При поступлении мы проводим техническое тестирование. Бывает, звонит мне начальник нашего учебного центра: после колледжа парень не прошел тест. Что за тест? Чисто технические вопросы на соображение. Человек отвечает, и видно – способен ли он к технике в принципе. А если не отвечает – то зачем его вообще учить? Из 10 набранных учениками семь сварщиков получится, одного надо гонять, чтобы получился, а двое не смогут работать. Или учить на токаря: если парень любит стругечкой, то токарь из него не получится, он любит процессом, а не результатом. Месяца два-три учим, потом делаем промежуточный экзамен и смотрим: может ли он на уровне работать или нет».*

В советское время в профтехучилищах основное внимание уделялось практике. Уже в учебных комбинатах при предприятиях и с наставниками ребят доучивали под конкретное производство. Сегодня выпускники колледжей и профлицеев слабо подготовлены к работе на производстве, в лучшем положении оказались переименованные в колледжи профтехучилища,

которые остались под покровительством крупных предприятий, таких, как, например, Таганрогский металлургический комбинат.

Отрыв обучающихся студентов от реальной практики еще в большей мере характерен для высшей школы. Вот как молодые специалисты говорили об уровне подготовки в вузе. *«Поскольку в институте была только теория, то, когда я устраивалась, мне хотелось, чтобы меня действительно чему-то тут научили»* (Анна, 25 лет, инженер). *«Когда здесь сталкиваешься с какой-то проблемой, то вспоминаешь, что это тебе давали на лекциях, но в памяти остались только общие представления, правда, конкретные формулы и где их взять, – ты понимаешь. По моей работе я полностью получил знания в институте. Университет научил технически мыслить. Хотя было избыточное число предметов, которые сейчас на предприятии никак не используются. Но, может, это когда-то аукнется в новых разработках»* (Павел, 26 лет, инженер-конструктор). *«На практике до тебя все быстрее и проще доходит, по-другому все понимаешь. Для себя я понял, что мне надо было раньше прийти на производство. Было бы легче и учился бы усерднее. Более углубленно. Сейчас заново повторяю теорию»* (Михаил, 27 лет, инженер-исследователь).

На наш взгляд, главная причина того, что обязательная производственная практика носит формальный характер, – это незаинтересованность предприятий. А заинтересовано оно будет только в том случае, когда обученный молодой специалист после окончания вуза вернется к нему работать или во время прохождения практики от него будет реальная польза. В противном случае практика будет носить формально-ознакомительный характер, к тому же у пришедших на практику зачастую нет серьезного интереса вникать в дела производства, научиться чему-то. Как сказал нам один из руководителей, на его вопрос к пришедшим на практику, будут ли они работать по специальности, те без зазрения совести отвечали – нет, мы пришли только за бесплатным образованием, работать в этой отрасли не будем. Руководитель другого предприятия также отметил слабую заинтересованность студентов-практикантов. На его вопрос: *«Что знаете, что хотите узнать?»* – они отвечают: *«Что вы нам расскажете, то мы и будем делать»*. Нет у них интереса к делу.

Здесь было бы уместно вспомнить некогда успешный опыт подготовки инженеров-производственников в Государственном электромашиностроительном институте им. Я. М. Каган-Шабшая

в 1920–1930-х гг.⁴ «Высшее техническое заведение должно действовать как завод, выпускающий продукт необходимого качества и назначения при наименьшей себестоимости. Освоение производства нужно начинать с первых дней учебы студента, а не после пяти-шести лет отрыва от него. На заводе студента нужно рассматривать как полноценного участника производственного процесса, а не в качестве практиканта института, являющегося обузой для нормального ритма производства. Во время работы студентов на предприятии происходит естественный отбор производственников. Неподходящие и нестойкие отсеиваются сами и должны своевременно “отбраковываться” в их же интересах. Институт должен использовать лаборатории и техническое оборудование заводов в качестве реальных учебных и наглядных пособий для студентов. В процессе учебы и работы на заводе выявлять склонности студента к той или иной специальности... Темы для дипломных проектов выбирать такие, которые могут быть использованы для совершенствования производства. Институт должен принимать участие в производственной жизни завода через своих студентов и преподавателей, помогать разрешать заводские технические проблемы» [5. С. 168–169].

Согласно этим и другим принципам, «поработав подручным рабочего, студент становился подручным мастера, затем инженера, шлифовался постепенно к инженерно-административному персоналу в обстановке напряженной реальной производственной жизни. Заканчивался студенческий производственный стаж в проектно-конструкторском бюро, в отделе главного технолога или в плановом отделе» [4. С. 172]. Четыре дня в неделю (при шестидневной рабочей неделе) студенты института работали на заводе, а два – изучали теорию.

Прошлый опыт весьма актуален и сегодня, когда при массовом и стандартизированном обучении инженеров в высшей школе на предприятиях остается острой проблема нехватки настоящих специалистов, не только обладающих теоретическими знаниями, но и уверенно владеющих выбранной профессией. Представляется, что уже во время учебы будущие специалисты должны понять, какое направление практической деятельности инженера им ближе – эксплуатационника, конструктора или исследователя – и глубоко осваивать его.

⁴ Об основных принципах функционирования этой необычной высшей технической школы писали в «ЭКО» [5].

Можно ли вырастить современные кадры на устаревшем оборудовании?

Новые технологии зачастую требуют специалистов и рабочих других специальностей и профессий, новых навыков и компетенций, чем имеются в наличии на предприятии, что подразумевает готовность к переобучению и мобильности кадров. Проблема технической и технологической отсталости пока не преодолена на многих предприятиях, и чем глубже это отставание, тем критичнее ситуация с трудовым коллективом в целом и с молодежью, в частности.

Нынешнее отставание кадров в промышленности от современного уровня во многом объясняется длительным периодом технологического застоя. Сложился порочный круг: с одной стороны, устаревшая техника препятствовала профессиональному росту молодежи, и они «застреливали» на низком уровне, а с другой – кадры, не соответствующие современным требованиям, стали тормозом технологического развития предприятий и его дальнейшего обновления.

Как пишет академик А. Г. Аганбегян, особенно устарели производственные мощности в электроэнергетике, в большинстве машиностроительных отраслей, в легкой промышленности, химических производствах, нефтепереработке, в лесопромышленном комплексе и ряде других отраслей. Лучше других положение в металлургии, трубной отрасли, пищевой и автомобильной, электротехнике. Происходит ускоренное обновление оборонной промышленности [6. С. 10].

Устаревшие техника и оборудование, на котором приходится работать молодежи, частые поломки станков, отсутствие необходимого инструмента не дают возможности заработать тем, у кого сдельная оплата труда, а также ограничивают возможность самореализации, поскольку осваивать новое оборудование, работать на нем, как говорили наши респонденты, – это интересно. К примеру, по словам молодого технолога микроэлектроники, *«дорогостоящее оборудование не каждое предприятие может себе позволить. Здесь работаю по специальности с вакуумными установками, нарабатываю опыт. Мне нравится работать на предприятии, потому что у нас сейчас закупается новое оборудование, это оборудование надо ввести в эксплуатацию, отработать технологические режимы»*. Освоение нового оборудования – это, действительно, дело молодых.

Несмотря на идущие процессы обновления, молодежь чутко воспринимает все проблемы, касающиеся материально-технической базы. Вот, к примеру, несколько высказываний. «У меня станок 1983 года, станок швейцарский, я его поддерживаю в хорошей форме, никого не подпускаю. Не дай бог, что сломается, никто не сможет починить. Запчасти, конечно, можно у нас же на предприятии сделать. Есть в этом беда – с оборудованием» (токарь, 34 года).

«Главная проблема – отсутствие инструмента. Принесли деталь тебе – и делай как хочешь. Нужен тебе какой-то инструмент, говорят, у рабочих поспрашивай. Вот яркий пример: у нас слесарям купили один метчик (чтобы нарезать резьбу для титана) на четверых. Одни тиски на двоих. Говорят: работайте по очереди. При этом спрашивают: почему так медленно работаешь? Мы ведь инструмент купили. А как он будет быстро работать, если один инструмент на четверых?» (фрезеровщик, 25 лет).

«У нас государство жадное в плане техники. Старые компьютеры, старые мониторы. Сейчас их стараются заменить, но все сложно, долго, а людей много. Пока всем заменяют – уже снова техника становится старой» (инженер, 24 года).

Сложность и длительность процесса обновления убивают надежды молодых на то, что предприятие в обозримой перспективе станет современным в техническом и технологическом плане. Вот два типичных высказывания.

«У нас идет перевооружение. Когда два года назад оно только начиналось, я был на сто процентов уверен, что здесь останусь работать. А сейчас даже то, что первоначально обещалось, еще до конца не сделано. Все идет не плавно, а порывистыми движениями. Поскольку своего жилья в городе у меня нет, то меня ничто не держит. Я рассматриваю предприятия Подмосковья, там у меня знакомые работают на предприятиях микроэлектроники, уровень их приближен к мировому. У них также идет перевооружение, они покупают технику, но более масштабно» (инженер-исследователь, 27 лет).

«Я проработал около года фрезеровщиком, и у нас поставили станки с ЧПУ. Сказали, вникай, будешь работать на них. У нас от выработки зарплата зависит. Я больше сидел с этими станками, разбирался, но меньше получал. Потом нас целевой группой направили на обучение в 25-е училище, и я уже два года работаю

на станке с ЧПУ. Здесь мне как специалисту расти большие некуда. Во время отпуска я был на одном предприятии, видел, какое там новое оборудование и насколько это интересно. У нас тоже обещают, но когда оно будет» (оператор станков с ЧПУ, 27 лет).

Для освоения профессии, квалификационного роста необходимо, чтобы перед молодежью ставились новые и сложные задачи, для решения которых требуются постоянное совершенствование знаний, поиск новых решений и др. В этом процессе важнейшую роль играют старшие и более опытные работники, которые могут подсказать – как делать, в каком направлении искать и т. д.

Конфликт поколений или сбой в системе передачи знаний?

Молодежь, приходящая на производство, не знает специфику предприятий, и их кто-то должен обучать. На некоторых предприятиях, например на Таганрогском металлургическом, создана специальная система, способствующая адаптации и профессиональному росту молодежи. В Таганрогском НИИ связи проходят стажировку ребята после вузов, налажены ученичество – для тех, кто совсем не имеет профессионального образования, обучение смежным профессиям. Только пришедших на работу молодых специалистов все основные службы, начиная с генерального директора, подводят к пониманию того, как функционируют предприятие и другие обучающие системы.

Однако в целом старшие поколения работников по ряду причин оказались слабо мотивированы обучать молодежь. Во-первых, в последние десятилетия резко упал объем заказов, в первую очередь на высокотехнологичную продукцию, что тормозило квалификационный рост кадров, во-вторых, сказывается боязнь потерять место работы, быть замещенным молодым новичком, в-третьих, материальные и моральные стимулы для передачи опыта соизмеримо малы для компенсации затрачиваемых усилий.

Вот, к примеру, типичные высказывания молодых специалистов: *«Приходит молодежь с амбициями, старается чего-то добиться, что-то внести новое в работу, но старшее поколение как-то придавливает, сдерживает – вдруг ты будешь больше зарабатывать»* (инженер, 26 лет). *«Когда что-то спрашиваешь – не всегда хотят объяснить, научить, наоборот, умалчивают. Или сами делают. Это в основном пенсионеры, из соображений, чтобы их тут оставили»* (инженер, 25 лет).

В последние годы возник феномен «конфликта поколений», когда работники старших возрастов не хотят передавать специальные знания (характерные для данного производства) молодежи. Это чревато нарушением естественного процесса смены поколений кадров, когда идет профессиональный и квалификационный рост в целом трудового коллектива, готового к решению все более сложных задач.

Сегодня много говорится о том, что мировой прогресс промышленности напрямую связан с «обществом знаний» – современная индустрия развивается за счет науки, образования, таланта и квалификации кадров. Это касается не только новых отраслей, где знания становятся центральным экономическим ресурсом. Сам факт того, что используются знания, а не опыт, делает изменения неизбежными, так как знание, по определению, производит перемены, исследует и подвергает сомнению [7. С. 43, 272], а потому значимость для промышленности молодых кадров чрезвычайно высока, так как их умение ориентироваться в современных технологиях стимулировало бы предприятия двигаться вперед. Под эту задачу целесообразно было бы выстроить работающую систему подготовки кадров для промышленности.

Литература

1. Российский статистический ежегодник, 2003. – С. 140; Российский статистический ежегодник. 2014. Стат. сб./Росстат. – М., 2014. – С. 105. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 23.04.2015).
2. Россия и страны мира. 2014. Стат. сб./Росстат. – М., 2014. – С. 62–63. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 23.04.2015 г.).
3. Коленикова О.А., Рывкина Р.В. Кадровые проблемы в промышленности: где выход? // Демоскоп Weekly. – 2009. – № 391–392. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0391/analit05.php> (дата обращения: 23.04.2015).
4. Промышленность Российской Федерации. 1992./Гос. комитет Российской Федерации по статистике. – М., 1992. – С.117.
5. Малков А. Г. Оригинальный производственный институт// ЭКО. – 1983. – № 3. – С. 168–169.
6. Аганбегян А. Г. Шесть шагов, необходимых для возобновления социально-экономического роста и преодоления стагнации, рецессии и стагфляции// Деньги и кредит. – 2015. – № 2. – С.10.
7. Друкер Питер Ф. Эпоха разрыва: ориентиры для нашего меняющегося общества. – М.: ООО «И.Д.Вильямс», 2007. – С. 43, 272.

Уральская горнозаводская промышленность в планах индустриализации России С. Ю. Витте¹

С.Г. ВАЖЕНИН, кандидат экономических наук. E-mail: svazhenin@mail.ru
В.В. СУХИХ, кандидат экономических наук, Институт экономики УрО РАН,
Екатеринбург. E-mail: vsuhih@mail.ru

В 2015 г. исполняется 100 лет со дня смерти С. Ю. Витте. Его творческое и практическое наследие по-прежнему актуально для современного реформирования российской промышленности, развития государственно-частного партнерства, выработки государственной политики управления экономикой. В статье рассматриваются попытки С. Ю. Витте как министра финансов вывести из кризиса уральскую горнозаводскую промышленность на рубеже XIX–XX веков.

Ключевые слова: уральская горнозаводская промышленность, индустриализация, Транссиб, государственно-частное партнерство

Деятельность Сергея Юльевича Витте (1849–1915) даже через 100 лет после его смерти по-прежнему представляет интерес для экономистов, чиновников и предпринимателей. Причина вполне объяснима: проблемы, с которыми он сталкивался, остаются актуальными и в современной России. Привлечение иностранных капиталов, политика протекционизма, импортозамещение и развитие отечественной промышленности, укрепление рубля, налаживание взаимопонимания и доверия между властью и бизнесом и т. д. – по всем этим вопросам С. Ю. Витте оставил востребованное и сейчас наследие.

Вместе с тем нам не известна ни одна исследовательская работа, посвященная месту уральской горнозаводской промышленности в его планах развития России. Однако столь грандиозный промышленный центр, пусть и находившийся в то время в кризисе, не мог остаться без внимания министра финансов. Сейчас, когда горнозаводской Урал снова переживает не лучшие

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Проекта № 15–14–7–5 «Региональная экономика институтов инновационного развития» фундаментальных научных исследований Уральского отделения РАН.

времена, достижения и просчеты С.Ю. Витте при индустриализации Урала необходимо учесть в планах развития региона.

Идея индустриального развития России

С.Ю. Витте в своей деятельности на посту министра финансов (1892–1903 гг.) исходил из постулата, что России для сохранения статуса великой державы необходимо развивать тяжелую промышленность. Его союзником был император Александр III, который «сознавал, что ... страна без сильно развитой обрабатывающей промышленности не может быть великой» [1. С. 312].

Индустриализация была для России исторической необходимостью – это понимали многие экономисты, купцы и чиновники. Ф. Энгельс указывал в 1892 г., что Россия не может существовать и удерживать независимое положение в мире как чисто сельскохозяйственная страна, живущая за счет экспорта зерна и закупающая потом на средства от его продажи за границей промышленные изделия. Подобная страна неизбежно попадает в экономическое подчинение промышленно развитым государствам, как это произошло, например, с Индией [2. С. 313–314]. Известный промышленник Савва Морозов в 1896 г. утверждал: «У нас много заботятся о хлебе, но мало о железе, а теперь государство надо строить на железных балках... Наше соломенное царство не живуче» [3. С. 208].

Много споров, однако, вызывал предложенный министром финансов способ проведения индустриализации – через введение протекционистской таможенной системы для защиты отечественной промышленности [4] и активное привлечение иностранного капитала. Решающую роль С.Ю. Витте отводил действиям государства, способного искусственными мерами создать новые отрасли промышленности там, где бессилён частный капитал и недостаточно развита предприимчивость. В своих мемуарах он писал: «Говорят, что для развития промышленности я принимал искусственные меры. Что значит эта глупая фраза? Какими же мерами, кроме искусственных, можно развить промышленность?» [5. С. 47].

Однако С.Ю. Витте понимал, что «государство не столь создает, сколь восполняет, истинными же создателями являются все граждане... Задачей государства, этого важнейшего вида в ряду общественных хозяйств, всегда были, есть и будут интересы

целого, пополнение пробелов и недостатков частнохозяйственной системы, распространение благ культуры на все классы общества» [6. С. 20]. Поэтому он охотно шел на развитие проектов государственно-частного партнерства, надеясь соблюсти государственный интерес, заинтересовав промышленников выгодными предприятиями, прежде всего, постройкой железных дорог и новых заводов.

С. Ю. Витте продолжил политику своих предшественников в деле укрепления взаимодействия правительства и российских предпринимателей, так как взаимное недоверие заметно сдерживало развитие промышленности. К мнению купцов стали прислушиваться, гарантируя участие в совещаниях при министерствах по связанным с торговлей и промышленностью вопросам. На втором общероссийском торгово-промышленном съезде 1872 г. министр финансов М. Х. Рейнхард обещал: «Купечество может быть уверено, что, доколе он будет министром финансов, ни одна мера, касающаяся промышленности, не спадет на нее как снег на голову». Он же стал создавать совещательные организации промышленников, контакт с которыми позволял Министерству финансов учитывать мнение предпринимателей в проведении экономической политики [7. С. 39]. Этот курс С. Ю. Витте продолжил, активно приглашая на службу людей с опытом работы в частных коммерческих структурах. Сам С. Ю. Витте ранее много лет работал на частных железных дорогах, поэтому предпринимательские дела и нужды отлично знал изнутри.

Сложным был вопрос о соотношении казенной и частной промышленности. С. Ю. Витте считал, что следует дать максимальную свободу частной инициативе. Вместе с тем активная роль государства в индустриализации, военные и стратегические интересы страны требовали развития казенных заводов, которые зачастую работали в убыток, дотирировались государством и в результате несправедливой конкуренции губили частную промышленность. Особенно ярко эта проблема обозначилась на Урале.

Кризис Уральской горнозаводской промышленности

Уральская горнозаводская промышленность к 1890-м годам находилась в тяжелейшем кризисе после реформы 1860-х годов и ликвидации особого статуса «горного царства». Приспособление к капиталистическим отношениям осложнялось

множеством законодательных и управленческих рудиментов. К примеру, владельцы уральских заводов обязаны были давать работу мастеровым, ранее приписанным к их заводам, так как люди не имели других источников существования. Это не только консервировало «лишних» рабочих, не давало внедрять систему найма, но и тормозило техническое обновление. Уральский рабочий получал зарплату гораздо ниже, чем рабочие металлургических предприятий на юге России, при этом он производил значительно меньше продукции из-за устаревшего оборудования. Чтобы закрытие уральских заводов не вызвало социальную катастрофу и голодные бунты, правительству постоянно приходилось выплачивать дотации государственным и частным предприятиям.

Отсталость уральской горнозаводской промышленности не позволила ей получить выгоды от бума железнодорожного строительства в стране после реформ 1860–1870-х годов. Резко возросшую потребность в рельсах, подвижном составе и оборудовании дорог сперва удовлетворяли иностранные поставки, а потом – продукция новых металлургических и машиностроительных предприятий в центральных губерниях и Донбассе, где стали разрабатывать огромные залежи угля.

Уральская промышленность с устаревшим оборудованием, зависящая от водяных двигателей и древесного угля, при слабо развитой железнодорожной сети, из-за чего топливо, руду и продукцию возили по воде или гужевым транспортом, не могла конкурировать по цене и качеству с продукцией новых заводов. Даже для Уральской железной дороги были использованы импортные рельсы.

В итоге Урал все больше отставал от Юга России по всем показателям (таблица).

**Динамика производства на Юге России и Урале
в 1898–1902 гг., млн пудов**

Год	Чугун		Железные и стальные полуфабрикаты		Железо и сталь	
	Юг	Урал	Юг	Урал	Юг	Урал
1898	61,5	44,2	47,2	36,0	36,6	26,5
1899	82,6	45,2	60,3	36,9	50,4	26,9
1900	91,9	50,2	71,4	38,2	59,3	29,9
1901	92,0	48,8	73,2	41,5	64,4	39,3
1902	84,3	44,4	69,0	40,0	57,5	27,7

Источник: [8. С. 75–76] .

Государственные заказы на железнодорожное строительство в Сибири

Разворот российской политики в сторону усиленного развития Сибири и Дальнего Востока предполагал Урал в качестве форпоста индустриализации, потому дальше оставлять его промышленность в прежнем жалком состоянии значило подвергать опасности интересы империи.

В XVIII в. уральская промышленность богатели, продавая железо в Европу, в основном в Англию (в 1797 г. ею было закуплено 579 тыс. пудов – 85% русского экспорта железа [9. С. 451–457]), а век спустя она не выдерживала конкуренции с технологически более совершенными английскими предприятиями. На внутреннем рынке продукция уральских заводов тоже была неконкурентоспособна из-за высокой себестоимости. Для того чтобы обеспечить новые пути сбыта на азиатские рынки, необходимо было развивать сеть железнодорожных путей в восточных регионах страны. В конце XIX века железные дороги были одной из наиболее высокотехнологичных отраслей хозяйства, требующих от металлургов и машиностроителей высоких стандартов качества.

Венцом политики С. Ю. Витте была постройка Великой Сибирской дороги – знаменитого Транссиба. Автором проекта был генерал Е. В. Богданович. В 1860-е годы он представил проект магистрали, которая должна была соединить отдельными ветками водоразделы крупных сибирских рек из европейской части России через Урал до Тюмени и далее до Восточной Сибири, и дать импульс экономическому развитию Урала [10. С. 123].

И С. Ю. Витте связывал выход Урала из кризиса с Транссибом. В докладных записках Александру III он подчеркивал, что «уральская горнозаводская промышленность, обесцениваемая отдаленностью рынков сбыта и успешной конкуренцией южно-русских заводов, уже в период постройки может получить твердую точку опоры» [10. С. 169]. Планировалось, что «главнейшая масса потребных для дороги материалов должна быть поставлена с Уральских заводов, которые, при посредстве соединительной ветви на Екатеринбург, все получают возможность работать для Сибирской железной дороги...» [10. С. 192–194]. С. Ю. Витте надеялся, что с постройкой дороги «уральское железо, по своим

превосходным качествам не имеющее соперника в целом свете, займет по праву принадлежащее ему одно из первых мест на рынках потребления как в Европейской России, так и в азиатских наших владениях и сопредельных с ними китайских провинциях» [10. С. 210].

Но в 1885 г. при планировании Транссиба предпочли Самаро-Уфимское направление Нижегородско-Екатеринбургскому, оставив уральские заводы без выхода на будущую трассу. Потому С. Ю. Витте предлагал приступить к постройке линии Екатеринбург – Челябинск, «дабы связать все Уральские заводы с Сибирскою железною дорогой, постройка которой, вследствие этого, значительно будет облегчена, ускорена и удешевлена» [10. С. 172–173].

Решение строить Транссиб исключительно из русских материалов было принципиальным. При этом ради развития уральской промышленности шли на жертвы – удорожание строительства и плохое качество материалов вызвали справедливое возмущение общественности и не получивших заказы промышленников. Однако для подъема Урала одних только железнодорожных заказов оказалось недостаточно. Необходимы были кардинальные реформы управления. Казенные заводы не отвечали ни за срыв поставок, ни за плохое качество продукции, так как все равно получали средства из государственного казначейства. Неэффективное расходование государственных средств, коррупция при получении заказов, фиктивная документация, непоследовательная политика Петербурга в отношении создания и закрытия производств – все это стабильно делало казенные горные заводы убыточными [11. С. 89–95].

Но и среди владельцев частных заводов были влиятельные аристократы, чье положение позволяло добиваться привилегированного положения и льгот своим предприятиям. Яркий пример – история Богословского горного округа, проданного в 1884 г. казной за небольшую сумму с долгой рассрочкой под низкие проценты Н. М. Половцовой, владелице одного из крупнейших состояний России. Вряд ли случайно именно этот округ получил в 1893 г. огромный контракт с управлением Сибирской железной дороги на 5 млн пудов стальных рельсов, для чего в 1894 г. было начато строительство крупнейшего на Урале завода – Надеждинского [12. С. 59–61].

Планы по подчинению уральской горной промышленности

К 1899 г. для С. Ю. Витте, видимо, стало очевидным, что одно только участие уральских горных заводов в железнодорожном строительстве не выведет их из кризиса. Выявились и другие серьезные просчеты. Не оправдались надежды на азиатские рынки. Транссиб ради быстроты постройки был создан с низкой пропускной способностью, так что не мог в должной мере обеспечить ни вывоз хлеба из Сибири, ни ввоз туда продуктов уральской промышленности.

Центром внимания русской политики стало освоение взятого в «аренду» у Китая Ляодунского полуострова, где, помимо военной крепости Порт-Артур, ускоренными темпами строился торговый порт Дальний, получивший статус порто-франко. Это вызвало враждебность китайских властей и привело к потере китайского рынка. Учреждение порто-франко в Дальнем делало выгодным даже русским в Китае покупать иностранные товары, конкурировать с которыми продукты уральской промышленности не могли. Внутренний же рынок России был слишком мал, чтобы потреблять всю продукцию построенных и реконструированных при покровительстве министерства финансов металлургических предприятий.

Огромные средства, вкладываемые в Дальний Восток и постройку там железных дорог, не позволяли казне уделять должное внимание развитию железнодорожной сети Урала. И хотя за 1890-е годы протяженность железнодорожных путей увеличилась вдвое, их все равно было недостаточно. Только в 1897 г. была построена линия Екатеринбург – Челябинск, после чего продукция горнозаводского Урала получила выход на европейский рынок по железной дороге, но чрезвычайно кружным и дорогим путем [12. С. 17].

Надежды С. Ю. Витте на создание спроса со стороны государства для развития уральских заводов в ходе строительства Транссиба не оправдались. Следовательно, проблемы уральской промышленности надо было решать кардинальными изменениями как в управлении казенными предприятиями, так и во взаимоотношениях с частными заводами. Для подобных реформ С. Ю. Витте нуждался в более действенных рычагах влияния,

чем предоставление кредитов и правительственных заказов. Системным недостатком государственного управления Российской империи в конце XIX века было отсутствие единой политики. Министерства объединялись лишь волей правящего монарха, что приводило к соперничеству министров при отсутствии какого-либо единого плана совместных действий.

При всей своей значимости С. Ю. Витте не мог прямо влиять на уральскую промышленность. Горный департамент в 1873 г. был передан из Министерства финансов Министерству земледелия и государственных имуществ, руководитель которого вовсе не намеревался слепо следовать политике министра финансов и резко выступал против передачи казенных заводов в частные руки и перевода посессионных заводов в частновладельческие, к чему был склонен С. Ю. Витте.

Горный департамент считал необходимым сохранить казенную промышленность, опираясь на доклад уральской экспедиции, состоявшей из горных инженеров, которые предложили мероприятия по ее модернизации [13]. По вопросам соотношения интересов развития казенной и частной промышленности конфликты между Министерством финансов и Министерством земледелия были неизбежны. В 1895 г. Министерство финансов выступило против проекта Горного департамента, в котором предлагалось удерживать в казенной промышленности лучшие кадры горных инженеров, воспринимавшихся как государственных чиновников, пусть и временно бывших на частной службе. Проект был провален С. Ю. Витте, увидевшем в нем угрозу для частной промышленности [14. С. 135–136].

Неудивительно, что С. Ю. Витте, считая, что именно он должен управлять всем промышленным развитием страны, желал вернуть Горный департамент в Министерство финансов.

В 1899 г. наступил 200-летний юбилей создания уральской горной промышленности. Тогда же С. Ю. Витте начал очередное наступление на Горный департамент. Воспользовавшись тем, что уральская промышленность даже при обилии государственных заказов приносит стабильные убытки казне, Витте направил особую комиссию во главе с Д. И. Менделеевым для выяснения положения и определения путей ее вывода из кризиса. За месяц было осмотрено около 40 предприятий и месторождений, проведена основательная и разносторонняя научно-исследовательская

инспекция экономики, геологии и промышленности Урала, даны рекомендации по их развитию. В 1900 г. по результатам экспедиции был издан труд «Уральская железная промышленность в 1899 г.».

Перспективы промышленности Урала Д. И. Менделеев оценил крайне высоко: «Вера в будущее России, всегда жившая во мне, прибыла и окрепла от близкого знакомства с Уралом» [15. С. 365, 367]. Однако в записке, составленной для С. Ю. Витте, ученый не скрыл тяжелого положения уральской горной промышленности, выделив препятствующие ее развитию факторы – отсутствие конкуренции и невозможность новых начинаний, так как крупные заводчики и казенные заводы не дают возникать и развиваться более мелким предприятиям, нерешенность прав собственности на посессионных заводах, остатки старых порядков, неразвитость средств сообщения и т. д.

Д. И. Менделеев в «Докладной записке о поездке на Урал» указал, что «вся будущность Урала в руках государственных мероприятий». Среди предложенных им мер, разумеется, была передача металлургической промышленности в Министерство финансов [16. С. 75, 78–79]. Выступил он и вновь против казенных заводов: «Вообще говоря, казенные заводы, казалось, следовало бы немедленно закрыть как таковые, передав их во владение или в арендное содержание частным предпринимателям... Казенное заводское хозяйство, иногда неизбежно необходимое, наименее подходит к тем требованиям, какие ныне должно предъявить к уральской металлургической промышленности, ибо она должна и в силах более, чем другие края России, быстро удешевить железо и сильно умножить его производство, а это не может совершиться без рисков и соперничества, которые явно не подходят к казенным предприятиям. Поэтому я смотрю на необходимость закрытия казенных железных заводов не столько как на средство сократить казенные расходы, сколько как на единственный способ легко ввести на Урале, куда стремятся уже многие, новых частных предприимчивых капиталистов, борьба которых должна служить к умножению количества и к удешевлению железа. Без этого негде учредить новые заводы, а от них одних можно ожидать новой жизни для всего Урала» [16. С. 82].

По мнению Д. И. Менделеева, для развития Урала необходимо довериться предприимчивости и инициативе частных владельцев, которым надо законодательно облегчить создание новых современных предприятий, дать право разрабатывать казенные рудники и леса за умеренную плату. Казна также должна участвовать в создании новой сети железных дорог для подвоза топлива и вывоза продукции уральских заводов [16. С. 67–87].

Так считали и владельцы частных горных заводов, которые разорялись в конкуренции с казенными. Горный инженер и управляющий частных заводов на Урале В. Д. Белов справедливо писал: «Коммерческая деятельность правительства не согласуется с природой, с существом его функций, что она не может установить свободной конкуренции, что она не может избежать той строгости контроля, которая на каждом шагу замедляет ход дела, что ... исключает всякую мысль о доверии, тогда как нормальная промышленная деятельность, наоборот, вся строится на доверии и без него обойтись не может» [14. С. 136].

Однако у Горного департамента, у Уральского горного управления и у Министерства земледелия и государственных имуществ были свои проекты выхода горной промышленности из кризиса в противовес начинаниям С. Ю. Витте. В том же 1899 г. был издан труд главного начальника уральских заводов П. П. Боклевского «Перспективы уральской горной промышленности», частично в ответ на критику Д. И. Менделеевым уральских порядков.

В статье в «Уральском горном обозрении» справедливо указывалось, что среди ученой экспедиции Д. И. Менделеева не было специально подготовленных лиц, ранее изучавших бы уральскую промышленность и ее нужды [17. С. 229]. Попытка за пару месяцев выявить все проблемы и показать пути выхода из кризиса казалась специалистам излишне амбициозной, а выводы о необходимости передачи казенных заводов в частные руки – пристрастными. Но, хотя спор о путях развития уральской промышленности перешел в публичную сферу и породил новую волну обсуждения кризиса уральских заводов, ни проект Д. И. Менделеева, ни предложения его оппонентов не были воплощены в жизнь.

Не удался и другой проект министра финансов, который мог бы дать толчок к развитию Урала – освоение Северного морского пути. По инициативе С. Ю. Витте и проекту адми-

рала С. О. Макарова в 1897–1899 гг. был построен первый в мире ледокол арктического класса – «Ермак». С его помощью С. Ю. Витте надеялся установить регулярный морской путь для вывоза сибирских товаров вдоль побережья Полярного Урала, но в пробный рейс 1901 г. «Ермак» не смог достичь устья Енисея, после чего ледокол был отозван на Балтику.

Последовавший в 1899 г. финансовый, а в 1900 г. – промышленный кризисы отвлекли внимание от проблем Урала. Добиться передачи Горного департамента Министерству финансов удалось С. Ю. Витте только в 1905 г., но из-за кризисов и огромных расходов государства на освоение и оборону Дальнего Востока и Ляодунского полуострова у С. Ю. Витте уже не хватало ни средств, ни политического влияния для преобразований на Урале.

Результаты политики С. Ю. Витте

Эффективная финансовая и промышленная политика правительства при твердом курсе рубля определила экономический подъем 1893–1900 гг., и в этом была огромная заслуга С. Ю. Витте. Масштабное железнодорожное строительство послужило базой для развития тяжелой индустрии, но постепенно стали резко обозначаться и недостатки проводимой политики. С 1900 г. начался кризис перепроизводства: продукция предприятий тяжелой промышленности не находила сбыта внутри России из-за низкой платежеспособности населения, была неконкурентоспособна на Западе и не могла выйти на азиатские рынки сбыта. Заметное падение темпов железнодорожного строительства из-за финансового кризиса еще больше снизило спрос на индустриальную продукцию.

В этих условиях Министерство финансов продолжало поддерживать ключевые, по мнению С. Ю. Витте, предприятия. Но подобная избирательность, зачастую связанная с коррупцией, губила конкуренцию и вызывала все большее недовольство остальных промышленников и российского общественного мнения. В 1902 г. на Съезде железнодорожников было высказано пожелание правительству «не поддерживать нежизнеспособные предприятия, чтобы не ставить их под стеклянный колпак казенных субсидий и заказов» [7. С. 216]. Когда в обстановке экономического кризиса в 1902 г. правительство создало «Особый комитет

по распределению заказов на рельсы, скрепления, подвижной состав для железных дорог», то возможностью гарантировать себе заказы и назначать за них выгодные цены воспользовались, в первую очередь, привилегированные предприятия. Богословский округ, к примеру, за первые четыре года работы комитета получил 10,2% объема заказов [18. С. 54].

Не удалось в министерстве С.Ю. Витте решить вопрос и о кредитовании в нужных объемах уральской горной промышленности. Иностраный капитал предпочитал инвестировать в металлургические заводы юга России, а в уральскую промышленность пришел только в 1910-х годах. Даже немногие появившиеся новые уральские заводы, выстроенные на иностранные деньги, оказались в трудном положении из-за кризиса. В 1907–1908 гг. полностью прекратили производство заводы Волжско-Вишерского общества на севере Урала, выстроенные на рубеже XIX–XX веков. Чтобы не платить земские налоги, их владельцы-французы приказали взорвать домны и сжечь дома рабочих поселков [19. С. 118].

С русскими частными банками не хотели иметь дело сами уральские горнозаводчики, привыкшие к дешевым и удобным кредитам Государственного банка, практиковавшего ссуды на особых условиях, отсрочки, переходящие в долгосрочные и даже бессрочные, а также выдачу ссуд под залог металла (фактически – прямое кредитование уральской горнозаводской промышленности) [18. С. 119–120]. Подобные кредиты, с одной стороны, позволяли С.Ю. Витте прямо влиять на горнозаводскую промышленность, с другой – ограждали уральские заводы от конкуренции.

Для проведения реформ С.Ю. Витте не удалось найти себе союзников на Урале ни среди горных инженеров и чиновников, ни среди частных предпринимателей, которые так или иначе были связаны с казенной горной администрацией. Уральские горные инженеры сыграли большую роль в создании и деятельности представительной организации уральской буржуазии – съездах уральских горнозаводчиков, возобновленных в 1896 г. после 13-летнего перерыва. «Уральское горное обозрение» – орган съездов в Екатеринбурге – отстаивало идеи развития казенной промышленности в противовес планам министра финансов.

XI Съезд горнопромышленников Урала в 1903 г. крайне резко оценил промышленную политику правительства и С. Ю. Витте. Собравшиеся потребовали избавить частных от конкуренции казенных заводов, выкупить непроданные запасы железа, не учреждать администрацию на заводах сомнительной жизнеспособности, расширить поддержку машиностроения на Урале, закрыть порто-франко в Дальнем для расширения сбыта железа в Восточной Сибири и т. д. [12. С. 97]. Пойти на такие меры Министерство финансов не могло, а бесконечно дотировать убыточные казенные и частные предприятия не хватало средств. Таким образом, С. Ю. Витте стал врагом не только руководителей уральской казенной промышленности, но и владельцев частных заводов, которым его политика в далекой перспективе могла принести колоссальную выгоду.

Отставка С. Ю. Витте в 1903 г. с поста министра финансов была вызвана, прежде всего, его несогласием с восточной политикой Николая II, приведшей к русско-японской войне 1904–1905 гг., а также неспособностью министерства решить накопившиеся проблемы.

Среди ошибок были и те, которые нельзя приписать исключительно С. Ю. Витте. Его виной было выделение предприятий-фаворитов, которым оказывалась государственная поддержка, что допускало сильную коррупцию. Нежелание С. Ю. Витте ссориться с влиятельными придворными кругами, а также с военным и военно-морским ведомством, приводило к тому, что казенные деньги направлялись на поддержку заведомо неэффективных заводов. Казна являлась самым крупным потребителем продукции тяжелой индустрии: в 1900 г. – до 50% всей горнозаводской выработки [7. С. 109]. Уходившие казенным заводам контракты не давали развиваться частным предприятиям, не находившим сбыта своей продукции. Управляя лишь Министерством финансов, С. Ю. Витте не мог в должной мере ни влиять на другие министерства, ни довести до конца нужные реформы в промышленности.

Скорректировать курс своих реформ С. Ю. Витте не успел, попав в опалу. Его возвращение во власть в качестве председателя Совета министров (1905–1906 гг.) хоть и ознаменовалось долгожданным успехом – передачей Горного департамента Министерству финансов – но было кратковременным. А внутренние про-

блемы страны не позволили С. Ю. Витте что-либо предпринять для реформирования уральской промышленности. Достижения его политики индустриализации были во многом уничтожены кризисом, поражением России в войне и революцией.

Незавершенность индустриализации предопределила поражение Российской империи в первой мировой войне, когда промышленность оказалась не в состоянии удовлетворить нужды фронта. Восстановление и расцвет промышленности Урала пришлось уже на годы советской власти, причем фундаментом советской индустриализации во многом послужили планы С. Ю. Витте и его усилия по созданию в стране профессиональных инженерных кадров.

Ошибки промышленной политики С. Ю. Витте повторяются и сегодня. Выделение предприятий-фаворитов, коррупция при размещении государственных заказов, неразвитость системы кредитования предприятий, отсутствие комплексной государственной политики развития металлургической промышленности – все эти беды характерны и для экономики России XXI века. В проектах реиндустриализации Урала необходимо взять лучшее из управленческого наследия одного из величайших реформаторов истории России и вместе с тем – нужно учиться на его ошибках.

Литература

1. Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Кн. 1. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.
2. *Энгельс Ф.* Николаю Францевичу Даниельсону // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. второе. – М: Изд-во политической литературы, 1965.
3. *Горький М.* Савва Морозов // Горький М. Рождение человека. – М.: Директ-Медиа, 2010.
4. *Барсукова С. Ю.* Условия эффективного протекционизма. Размышления С. Ю. Витте и Д. И. Менделеева // ЭКО. – 2011. – № 7. – С. 158–165.
5. Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.
6. *Витте С. Ю.* Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве // Урал. – 1991. – № 11.
7. *Мартынов С. Д.* Государство и экономика: система Витте. – СПб.: Наука, 2002.
8. *Тери Э.* Экономическое преобразование России. – М.: РОССПЭН, 2008.

9. *Кафенгауз Б. Б.* История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв. Опыт исследования по истории уральской металлургии. Т. I. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
10. *Витте С. Ю.* Собр. соч. Т. 1. Кн. 2. Ч. 1. – М.: Наука, 2004.
11. *Озеров И. Х.* Как расходуются в России народные деньги. – М.: Общество купцов и промышленников России, 2005.
12. *Вяткин М. П.* Горнозаводский Урал в 1900–1917 гг. – М. – Л.: Наука, 1965.
13. Отчет уральской экспедиции для исследования хозяйства казенных горных заводов. Ч. 1. – СПб., 1888.
14. *Дашкевич Л. А., Бугаева С. Я.* Техническая интеллигенция горнозаводского Урала. XIX век / Ученые записки Свердловского областного краеведческого музея. Т. 2. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997.
15. Уральская железная промышленность в 1899 году / Под ред. Д. И. Менделеева // Менделеев Д. И. Соч. Т. XII. Работы в области металлургии. – Л. – М.: Изд-во АН СССР, 1949. – С. 1078.
16. *Менделеев Д. И.* Докладная записка С. Ю. Витте о результатах поездки на Урал для изучения Уральской железной промышленности // Менделеев Д. И. Соч. Т. XII. Работы в области металлургии. – Л. – М.: Изд-во АН СССР, 1949.
17. *Стариков В. И.* Д. И. Менделеев. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1984.
18. *Сапоговская Л. В.* Горнозаводская промышленность на рубеже XIX–XX вв. (к характеристике процессов монополизации). – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1993.
19. *Запарий В. В.* Черная металлургия Урала XVIII–XX вв. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001.

Nefedkin V.I., Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk

«Budgetary Curse» of the Resource Regions

The paper shows that changes in the tax laws of the Russian Federation have a negative impact on the dynamics and structure of the tax revenues of the resource regions. Fiscal problems in different regions of Siberia and the Far East are closely related to the dynamics of major resource projects and policies of large corporations in relation to its subsidiaries. Overcoming the «budgetary curse» implies drastic changes of the existing system of relations between the federal center, the major resource corporations and regions.

Budgetary curse, regions, taxes, fiscal efficiency, large resource corporations, Siberia, the Far East

Tokarev A.N., Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk

How to take Into Account the Interests of the Oil Regions

The article deals with the problems of increasing social and economic benefits from the development of oil and gas industry for the production regions. Particular attention is paid to the analysis of budgetary efficiency from the point of oil and gas production regions. It is shown that the socio-economic effects for regions largely depend on the policy of oil and gas companies. The recommendations related to the enhancement of the role of regions in regulation of the subsoil use.

Oil and gas company, oil and gas region, taxation, ecology, fiscal maneuver, government regulation

Belousova S.V., Irkutsk scientific center, SB RAS, Department of regional economic and social problems

Resource Regions: Economic Opportunities and Financial Justice

The purpose of work is consideration of a theoretical design «resource regions», and also their practical state in the country. The analysis of regions concerning their contribution to economic results and financial resources of the country, and also own opportunities and results of development is a subject of this research. In the real work by means of a cluster method the group of regions on value added level according to the section «production of resources» in volume of VPR with the subsequent statistical analysis of data of groups on a wide number of macroeconomic indicators is carried out.

It is established that giving priority investments in the federal budget, resource regions are in the worst situation on the level of the volume of the consolidated budget of the territorial subject of the Russian Federation falling on them per capita, at their more critical social status. The conclusion is drawn on need transformation of institutional operating conditions of resource regions, including for attraction of investments on expansion of processing of raw materials.

Resource regions, resource-extraction regions, social and financial justice, taxes on mining

Gulyaev P.V., Research Institute of Regional Economy of the North North-Eastern Federal University Ammosov, Yakutsk

The Resource Economy: Fiscal Response

The article analyzes the impact of the economic performance of the largest mining companies in the amount of tax revenues in the region of the resource type. The dynamics of indicators characterizing the dependence of tax revenues from income and payroll.

Resource economy, the mining company, the fiscal response, tax revenues, earnings, payroll model ratios

Fomin D. A., Novosibirsk State Technical University

Modern Currency Crisis in Russia

Continuous change in the exchange rate of the Russian ruble during the whole 2014 is the result of a complex interaction of various political, economic and trade factors. The article contains an analysis of the currency market of Russia and the subjects that define its conditions. We consider the effects of the depreciation of the ruble, proposes measures to stabilize the currency market.

The foreign exchange market, the external debt, the exchange rate, the Central Bank, Russian exports, Russian imports, government regulation of the economy

Kozlovskaya O. V., Akerman E. N., Burets Yu. S., Head of State Duma of Tomsk oblast, Head of Law Department of AIRR, Tomsk Polytechnic University

Analysis of Situation in Intellectual Property Field in Russian Regions

The article analyzes the indicators of intellectual property and the law in Russian regions. The main forms of regulation in this area and the direction of the state support of business entities create and use intellectual property are presented in article. Recommendations to improve the intellectual property management in Russian regions are offered.

Intellectual property, government support, Russian regions, legislation, AIRR

Roik V. D., Institute for Labour and Social Insurance, Ministry for Labour and Social Protection of the Russian Federation, Moscow

Social-Labour and Social-Insurance Methods for Retirement Age

Pension security systems are facing new challenges – new situation on the market of labour, elderly population and problems for their financing. Pension security programmes and their development may have an influence on the work participation rate of old people. The article analyses demographic factors and change structure of labour market in Russia percentage of old people 60 years and older in the total population. In the article analyses the following factors and methods for retirement age.

Pension, pension insurance, old population, pension retirement age, social – labour and social–insurance methods

Gordeev R. V., Pyzhev A. I., Laboratory for Environmental and Resource Economics, Krasnoyarsk

Analysis of the Global Competitiveness of the Russian Timber Industry

The aim of the article is to analyze the competitiveness of the Russian forestry sector against the background of the international timber markets. An overview of the current state of Russian forest industry in comparison with the global trends is given. In contrast to previously published papers, in this study authors analyze comparative advantages of the Russian commodities on the world timber market, determine the stage of integration into international trade, estimate the level of intersectoral trade and offer recommendations to improve the competitiveness of the timber industry.

Forest industry sector, industrial economics, competitiveness analysis, intersectoral trade

Oydup T. M., Kylgyday A. Ch., Tuvian Institute for Exploration of Natural Resources of Siberian Branch, RAS, Kyzyl

Unemployment Impact Analysis on the Socio-Economic Development of the Region (Tuva Republic case Study)

The paper studies the social and economic consequences of unemployment and its impact on the socio-economic indicators. The problems of the labor market of Tuva Republic which has one of the highest unemployment rates are considered.

The relation evaluation of unemployment and socio-economic development of the region is carried out.

Unemployment, a labor market, regional economy

Toichkina V.P., G.P. Luzin Institute of Economic Problems of the Kola Science Centre, RAS, Apatity

The Dynamics of Qualitative indicators Birthrate Over the Years of the State Population Policy Implementation (for Example, the Subjects of the North and Arctic)

The article assesses the level of birthrate in terms of sustainable demographic development for the years 2007–2013 on the proposed scale of evaluation of the stability indicator quality «total birth rate». Identified by its qualitative changes in the average for Russia and the subjects of the North and the Arctic.

Birth rate, the area of stability and instability

Morozova M.E., Shmat V.V., National Research University “Novosibirsk State University”, Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk

How to Cognize the Mechanisms of Resource Dependence? Application of Cognitive Modeling in the Study of Resource-Dependent Economy

The authors present their vision at the problem of cognitive modeling of resource-dependent economy and briefly introduce the reader to the obtained experimental results. It was found that the factor of externalities has special significance. This is strong influence from external environment on the national level processes occurring in the triangle «resources – the economy – institutions»

Natural resources, oil and gas, resource dependence, resource-dependent economy, the economy of Russia, the resource rent, «resource curse», economic growth, uncertainty, cognitive modeling, fuzzy cognitive map, externalities

Kolennikova O.A., Institute of Social and Economic Studies of Population, ISESP RAS, Moscow

How to Prepare Modern Personnel for Russian Industry?

The problem of preparing modern personnel for Russian industry on the basis of research of enterprises in Taganrog is shown in the article.

Personnel, production, facilities

Vazhenin S.G., Sookhikh V.V., Institute of economy of the Ural branch, RAS, Ekaterinburg

Ural’s Mining Industry in the Plans of S.Y. Witte’s Industrialization of Russia

On the centenary of the death of S.Y. Witte in the article are discussed in the context of the general policy of industrialization of the Russian Empire attempted turnaround of the Ural’s mining industry at the turn of XIX–XX centuries. As Finance Minister, S.Y. Witte consistently considered and embodied several options for the development of mining industry in the Urals, laying the foundation reforms are fully implemented in the Soviet years. His creative and practical legacy, mistakes and achievements are still relevant to the modern reform of the Urals and the Russian industry, for the development of public-private partnerships, public policies of economic management.

Ural’s mining industry, industrialization, Transsiberian, protectionism, public-private partnership

В следующих номерах Вы прочтете:

Тема номера: Байкальский регион и Дальний Восток: стимулы и антистимулы для развития

- Минеральный сектор экономики Дальнего Востока как одна из «фундаментальных констант» развития региона
- Транспортная инфраструктура Дальнего Востока
- Нужна ли господдержка лесному комплексу Дальнего Востока?

А также:

- Кузбасс: новая парадигма развития
- Социально-демографический потенциал развития сельских территорий России
- Ресурсы в западне глобализации
- О влиянии климата на экономику
- Целесообразность повышения пенсионного возраста: «за» и «против»
- Управление отечественной наукой в зеркале зарубежного опыта: 13 мифов и три предложения
- Исследование уровня коррупции в российских университетах
- Оценка экономической конкурентоспособности малого города
- В поисках субъекта труда (социологическое исследование ИТР промышленных предприятий)
- Истории импортозамещения
- Традиционные и нетрадиционные формы регулирования занятости населения
- Российская киноиндустрия как часть экономики страны
- Назад, в будущее? (размышления над книгой Е.М. Примакова «Россия: надежды и тревоги»)

0131-7652. «ЭКО». 2015. №6. 1–192

Художник В.П. Мочалов

Технический редактор О.Ю. Лисачёва

Адрес редакции: 630090 Новосибирск,
пр. Академика Лаврентьева, 17.

Тел./факс: (8-383) 330-69-25, тел. 330-69-35;

E-mail: eco@ieie.nsc.ru, ecotrends.ru

© Редакция журнала ЭКО, 2015. Подписано к печати 23.05.15

Формат 84x108 1/32. Офсетная печать. Усл. печ. л. 10,08

Уч.-изд. л. 10,8. Тираж 1300. Заказ 948

Сибирское предприятие «Наука» АИЦ РАН
630077, г. Новосибирск, ул. Станиславского, 25